БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Рыцари, закованные в сталь

Рыцари, закованные в сталь
Говард Пайл

Аннотация
ГОВАРД ПАЙЛ. Рыцари, закованные в сталь
ВСТУПЛЕНИЕ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аннотация

Майлз Фолворт, сын опального лорда XV века, прошел трудный путь от юного оруженосца до рыцаря, отмеченного особой милостью короля, не только ради славы, но и для того, чтобы отомстить за клевету и обелить честь своего слепого отца.

ГОВАРД ПАЙЛ
Рыцари, закованные в сталь

Отважное
сердце

ГОВАРД ПАЙЛ

Рыцари, закованные в сталь

© Художник Павел Парамонов

ВСТУПЛЕНИЕ

В самом начале 1400 года в Англии водворилось непривычное спокойствие. Всего за несколько месяцев до наступления нового века Ричард II — слабый, порочный и вероломный правитель — был принужден отречься от престола в пользу родича и недруга своего — Генриха IV Ланкастера. Мир оказался призрачным и крайне непродолжительным. Несмотря на свои справедливые помыслы и великодушие, насколько можно говорить о справедливости воина той поры, Генриху не удалось предотвратить кровопролития: многие из знатных семейств, обласканных Ричардом, с приходом нового монарха были чувствительно потеснены в своем могуществе и влиянии.

Лорды-магнаты — герцоги Албермарл, Суррей, Экзетерский, маркиз Дорсет, граф Глостер и другие замыслили тайный заговор, дабы убить нового короля. Вероятно, они достигли бы цели, не предай их один из заговорщиков. Убийство Генриха IV и его ближайших приверженцев должно было совершиться во время большого турнира в Оксфорде. Однако Генрих туда не явился. Прознав, что король с горсткой челядинцев пребывает в Виндзоре, заговорщики устремились в резиденцию. Но король был предупрежден о готовящемся покушении и спешно уехал в Лондон,

о чем к великому своему разочарованию злодеи узнали от своих лазутчиков. Более того, заговорщикам передали, что король намерен собрать войско и двинуться на них из столицы. Им не оставалось ничего, кроме бегства. Спасаться они решили порознь, каждый своей дорогой, но все были схвачены и убиты.

Граф Кентский вместе с герцогом Сурреем и графом Солсбери были обезглавлены на рыночной площади в Сайренсестере. Та же участь постигла в Бристоле лорда Деспенсера, графа Глостера и лорда Ламли. Граф Хантингдон был схвачен в Эссексе и препровожден в замок герцога Глостера, которого обрек своим предательством на смерть при короле Ричарде, в этом замке убили и самого Хантингдона. Те немногие, что нашли убежище у своих верных и храбрых друзей, навлекли на них гнев короля Генриха.

Именно это пришлось испытать отцу юного героя этого повествования — слепому лорду Гилберту Реджинальду Фолворту, барону Фолвортскому и Истенбриджскому, который разделил судьбу участников заговора, хотя и не принимал в нем участия. Он верно служил королю Ричарду

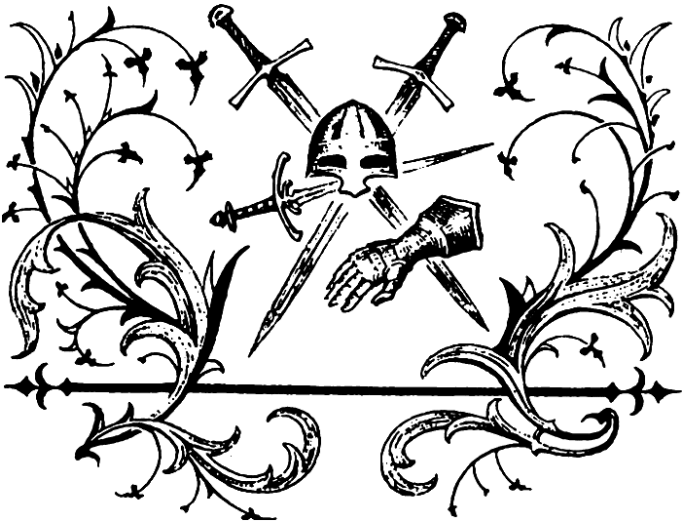
II, будучи его канцлером[1], и, видимо это, а не мнимое пособничество заговорщикам, стало причиной постигшего его наказания.

Одно из высших должностных лиц в средневековой Англии. Ведал оформлением королевских актов и государственной печатью.

[1] Примечания: 1

Одно из высших должностных лиц в средневековой Англии. Ведал оформлением королевских актов и государственной печатью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ



В то время Майлзу Фолворту было всего восемь лет, и лишь спустя годы, пытаясь разобраться в том, что же тогда произошло, из разрозненных и отрывочных впечатлений он ухитрился сложить некую картину. Сначала — этот рыцарь на взмыленном коне, прогремевший по двору замка. То

был сэр Джон Дейл, близкий друг слепого лорда.

Своим детским умом Майлз сумел все же понять: не иначе как что-то стряслось, таким изможденным и бледным сэра Джона он еще не видел. Смутно вспомнились прикосновение к холодному наколеннику рыцарского доспеха и усталое лицо сэра Джона, когда он, Майлз, спрашивал, не мучит ли гостя какая хворь. Взрослым было явно недосуг возиться с ребенком, и его отослали спать, как ни пытался он всех убедить, что ложиться еще рано.

А поутру, выглянув из своего окна, выше которого была только кровля, он увидел целый отряд всадников, въезжавших на выбеленный ночным снегопадом двор. Вот спешивается их предводитель, рыцарь в черном доспехе, и в сопровождении нескольких воинов входит в высокие двери холла.

Помнится, как растерянные обитательницы замка высыпали на лестницу и принялись тихо и недоуменно роптать: они не знали, что и подумать, хотя всем было ясно, что вооруженные люди присланы за сэром Джоном Дейлом. Никто из женщин даже не глянул на Майлза, и, почувствовав себя невидимкой, он поспешил вниз по винтовой лестнице, опасаясь, однако, строгого

окрика вдогонку.

Все мужчины их дома собрались в большом зале, они хранили суровое молчание, а на скамьях уже сидели, развалясь, вооруженные чужаки. Двое в стальных шлемах и кожаных безрукавках преграждали своими алебардами выход. В комнате, что служила канцелярией, уже расположился черный латник, которого Майлз видел из окна. Тот сидел за столом, на котором высился массивный кубок с терпким вином, а рядом, на скамье, лежал внушительных размеров шлем. По другую сторону стола уселся писарь и, макая перо в рог с чернилами, что-то строчил, склонясь над развернутым свитком пергамента. Видимо, он записывал слова Роберта, дворецкого замка, который, стоя перед рыцарем, отвечал на его вопросы.

Отец стоял спиной к камину, его незрячие глаза были опущены, брови сурово сдвинуты, а шрам, багровой полосой пересекавший лоб — след тяжелой раны на турнире в Йорке, из-за чего он и ослеп — наливался кровью. Так бывало всегда в минуты волнения и гнева.

Вся эта сцена будила какие-то неясные, тревожные предчувствия и, не чуя под собой ног, Майлз приблизился к отцу и вложил свою ладошку в его

безжизненно повисшую руку. Ощутив прикосновение, отец крепко сжал свою кисть, но, казалось, он не замечает Майлза. Черный принц тоже не обратил на него внимания и продолжал допрашивать Роберта. И вдруг в комнату ворвался шум, послышались шаги и возбужденные голоса. Черный рыцарь привстал, нащупав рукой лежавшую на полу чугунную палицу, и тут в дверях возникла фигура сэра Джона Дейла. Бледный, как смерть, он сам явился к своим преследователям.

— Я вверяю себя милости моего повелителя!

Черный рыцарь что-то рявкнул в ответ и, взметнув палицу, шагнул навстречу сэру Джону. Тот поднял руку, закрывая лицо. В комнату вбежало несколько чужаков с мечами и алебардами. И вскрикнув от ужаса, Майлз уткнулся в складки долгополого отцовского плаща.

В тот же миг послышался глухой звук удара, стон, еще удар, шум рухнувшего тела. Затем донесся лязг металла и под сводами комнаты загремел страшный в своем гневе голос лорда Фолворта:

— Ты убийца! Трус! Предатель!

Роберт оторвал Майлза от отца и, взяв на руки, понес прочь, несмотря на все попытки мальчика вырваться из крепких объятий. Никогда ему не

забыть распростертого на полу безжизненного тела сэра Джона. Он лежал лицом вниз, а над ним с окровавленной палицей в руке стоял рыцарь в черной броне.

Уже на другой день лорд и леди Фолворт с Майлзом и самыми верными из слуг покинули замок. В памяти всплывала картина последней ночи в родном гнезде. Над Майлзом с горящим фонарем склоняется старый Дикон Боумэн. Он и какая-то дрожащая от холода женщина одевают Майлза. Женщина спросонья и потому не очень ловка. Майлз порывается что-то сказать, но тут на него все зашикали, призывая хранить тишину.

Его закутали в овечью шкуру, лежавшую возле кровати, и Боумэн, держа его на руках, начал спускаться по винтовой лестнице. На каменных стенах неровно двигались огромные тени, пламя фонаря трепетало в потоке холодного сквозняка.

Внизу он увидел ожидавших его родителей и еще каких-то людей. Один из них грел над костром руки. Высунув голову из теплой овчины, Майлз приметил, что походные сапоги незнакомца забрызганы дорожной грязью. Много позднее Майлз узнал, что это был посыльный одного из друзей отца. Будучи близким ко двору человеком, тот подавал слепому лорду знак спасаться

бегством.

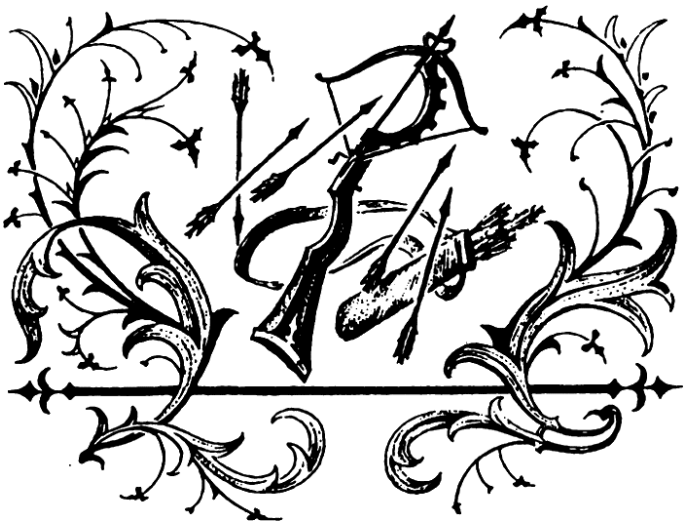
Фигуры, выхваченные из тьмы мятущимся светом костра, двигались бесшумно, все говорили шепотом. Мать тоже что-то шептала ему, сжимая его в объятиях и покрывая поцелуями, по ее щекам катились слезы.

Затем его снова взял Боумэн, и они погрузились во мглу зимней ночи. За рвом, где слабо поблескивали обледенелые ветви ив, показались черные силуэты. Их ждали люди, державшие наготове несколько лошадей. В тусклом свете луны мелькнуло знакомое лицо преподобного отца Эдуарда, приора монастыря Пресвятой девы Марии.

Потом — долгий путь, бесконечная тряска на луке седла, рядом со старым Боумэном, и глубокий тяжелый сон, сморивший его даже на этом неуютном ночлеге.

Когда он проснулся, светило солнце, и все вокруг было ново.

ГЛАВА ВТОРАЯ



С того страшного дня, когда семья покинула замок Фолворт и до своих шестнадцати лет Майлз ничего не знал о том огромном мире, который лежал за пределами Кросби-Холла. Дважды в год в городке Уисби открывалась ярмарка и за семь лет, что Майлз прожил в здешних местах, ста-

рый Боумэн трижды вывозил Майлза повидать жизнь всей округи. В остальном же его жизнь мало чем отличалась от монашеского уединения за стенами расположенной поблизости обители Пресвятой девы.

Их новый дом, именуемый Кросби-Холлом, разительно отличался от замков Фолворт и Истенбридж, бывших родовых владений слепого лорда. Это был длинный, приземистый, крытый соломой деревенский дом. После раздела церковных земель он стал одним из домов управляющего поместьем. Вокруг простирались плодородные монастырские угодья, возделываемые трудолюбивыми арендаторами, колосились тучные нивы, на лугах паслись коровы и овцы. В то время эта земля принадлежала церкви и на ней правили церковные законы. И если внешний мир подтачивали война, голод, разруха и лень, здесь собирали богатую жатву, стригли овец, разводили коров, словом, жили в спокойствии и достатке.

Всем этим процветанием приор монастыря был обязан лорду Фолворту, и когда того постигло несчастье, вернее, когда тот сам накликал беду на свою голову, подав руку помощи Джону Дейлу, настоятель рад был приютить своего благодетеля.

Я уверен, что едва ли кому из мальчиков по душе однообразие школьных занятий с их бесконечной зубрежкой, муштрой и телесными наказаниями. Куда как приятнее порезвиться и дать волю собственным увлечениям. Интересно, как сегодняшние школьники посмотрят на учебу Майлза. Для него она заключалась не только в развитии ума и души, но и в постоянных физических упражнениях, и обучение его длилось семь лет почти без перерывов.

— Тебе, сударь мой, придется самому всего добиваться в жизни, — говорил ему отец, когда слышал жалобы мальчика на суровое однообразие своей жизни. А добиться успеха в ту пору было в тысячу раз труднее, чем теперь. Для этого требовались не только безошибочные решения ума и сердца, но и рука, в совершенстве владеющая тяжелым мечом, и крепкое тело, способное выносить неизбежные тяготы и ранения. И Майлзу до изнурения приходилось развивать сметливость, сообразительность, ловкость и телесную силу. Только так мог встретить он все превратности и трудности смутного времени.

Каждое утро, в зимнюю стужу и в летний зной, он отмахивал шесть миль пути в монастырскую школу, а по вечерам мать учила его француз-

скому.

В ту пору его страна вела с французами столетнюю войну, и Майлзу претило все французское.

— Зачем мне этот противный язык? — возмущался он.

— Не называй его так, — вразумлял его слепой лорд. — Придет время, и ты будешь искать удачи во французских землях. Волею случая в Англии не осталось места для тех, и чьих жилах течет кровь Фолвортов.

И отец оказался прав, «противный язык» хорошо послужил Майлзу в будущем.

Что же касается телесных и военных упражнений, им отводилось все время, свободное от учебы в монастырской школе и вечерних занятий с матерью. Тут его наставником был Дикон Боумэн, и едва ли кто мог бы заменить его в этом. Старый лучник служил еще вместе с отцом слепого лорда под знаменами Черного Принца[2], воевал во Франции и в Испании, и участвуя во множестве сражений, стал многоопытным и искусным ратником, владеющим любым видом оружия. Он научил Майлза не только приемам

---

[2] Примечания: 2

Эдуард, принц Уэльский, сын короля Эдуарда III, командовал английскими войсками в первый период Столетней войны между Англией и Францией, длившейся с 1337 по 1453 г.

рубки и фехтования, не только ловкому обращению с секирой и палицей, он сделал его таким умелым стрелком из лука и арбалета, что ни один парень в округе не мог соперничать с ним на деревенском стрельбище. Владению копьем, метанию ножа и кинжала тоже было посвящено немало уроков.

Кроме того, Майлз постигал основы искусства рукопашного боя, а именно — различным видам борьбы, чему в то время почти не уделялось внимания при подготовке воинов. Лучшим борцом в округе был тогда Ральф — кузнец из Кросби-виллиджа. Три года удерживал он первенство. Каждым погожим воскресным утром он приходил обучать Майлза своему искусству. И обладая природными способностями, Майлз очень скоро обрел такую силу, проворство и выносливость в единоборствах, что мог одолеть любого, даже двадцатилетнего парня из ближних селений.

— Это хоть и неблагородное, но весьма необходимое искусство, — сказал как-то лорд Фолворт преподобному отцу Эдуарду, — для джентльмена его рода мало овладеть мечом и копьем. Если в его жилах течет благородная кровь, то рыцарское искусство он постигнет играючи, когда придет время.

В однообразной жизни Майлза были, однако, и свои развлечения. В окрестностях Кросби-Холла хватало мальчишек, детей йоменов[3] и бедных крестьян, а игры со сверстниками — радость всякого детства. Кроме того, у него была река, чтобы купаться, были холмы и долины, чтобы бродить по ним, были пустоши и леса, богатые орехами, птичьими гнездами и прочими соблазнами.

Однажды он одержал победу, которой долгое время гордился. Это произошло, когда он в третий раз попал на ярмарку. Там затеяли бой на палках, и Майлз одолел в нем двадцатилетнего парня, а самому тогда только пошел пятнадцатый год.

Старый Боумэн в тот день встретил на ярмарке старых приятелей и решил посидеть с ними в пивной, на часок предоставив Майлза самому себе. Время от времени поглядывая из окна на площадь, старик заметил толпу азартных зевак, какая собирается обыкновенно, чтобы поглазеть на драку. Прихватив кружку с пивом, старик вышел на площадь. Пробившись сквозь толпу, он увидел, как раздетый до пояса его юный хозяин, точно гладиатор, сражается с парнем на целую голову выше его. Дьякон хотел было вмешаться

---

[3] Примечания: 3
Зажиточный крестьянин, независимый мелкий землевладелец.

и разнять драчунов, но тут же сумел разглядеть своим наметанным глазом, что отрок не только не уступает парню, но и уверенно побеждает его. Поэтому он остался в толпе, подбадривая своего воспитанника крепкими выражениями, до триумфального завершения поединка. Лорду Фолворту старик ни словом не обмолвился об этом случае, но с простым людом Кросби-Холла не был столь сдержан на язык, и, конечно же, новость дошла до отца. Ибо вскоре после этого примечательного события, состоялось торжественное посвящение Майлза в эсквайры, то есть рыцарские оруженосцы. Отец и мать поручились за него, как требовал обычай. В монастырской церкви они со свечами в руках подвели сына к алтарю, а отец Эдуард благословил меч и подвесил его к поясу юноши. Кроме них в церкви не было ни души. И после того, как святой отец благословил Майлза и осенил крестным знамением его лоб, мать наклонилась и поцеловала то место, которого коснулся перст священника. Глаза ее наполнились слезами. Бедная леди! Быть может, в тот миг она впервые осознала, что ее птенец уже слишком велик для своего гнезда. С той поры Майлз получил право носить меч.

Майлз почти достиг шестнадцатилетнего воз-

раста. Это был крепкий, загорелый юноша с вьющимися волосами. Глаза его смотрели открыто и весело, но черты лица, особенно подбородок, несли отпечаток твердой и благородной чеканки, что свидетельствовало о непреклонной воле. А развернутые плечи и сильная широкая грудь еще более усиливали это впечатление. В день своего шестнадцатилетия по дороге из монастырской школы он встретил старика Боумэна.

— Мистер Майлз, — с дрожью в голосе окликнул его старик, — мистер Майлз, твой отец хочет видеть тебя в своем покое, он просил, чтобы ты без промедления шел к нему. О, Майлз, боюсь, что завтра утром тебе придется покинуть дом.

Майлз встал, как вкопанный.

— Покинуть дом?

— Да, — подтвердил Боумэн, — должно быть, тебя ждет служба в каком-нибудь большом замке. Ты станешь пажом. Почему бы и нет? А потом и джентльменом при особе какого-нибудь важного лорда…

— Что ты мелешь? Какой замок, какой джентльмен при особе?.. Ты, верно, шутишь?

— Нет, не шучу. Ступай к отцу и сам все узнаешь. Я только сказал, что завтра ты, похоже, покинешь нас.

Увы, старик действительно не шутил. В доме Майлза ждал разговор с отцом в присутствии матери и его преподобия.

— Нынче утром мы втроем держали совет, — сказал отец, — и пришли к согласному решению, что пора тебе покинуть наш бедный дом. Упустишь время и уже навсегда осядешь здесь. Завтра я дам тебе письмо к моему родственнику, графу Хаусу. Он сейчас в силе, а я уже стал грустным преданием. Когда-то мы поклялись друг другу в дружбе до гробовой доски. Я знаю его как человека чести и слова и надеюсь, он поможет тебе встать на ноги. Так что завтра же отправляйся с Боумэном в замок Дельвен, передашь там мое письмо. А пока собирай в дорогу вещи да скажи Боумэну, чтобы он тем временем подковал в деревне серую лошадь.

После этих слов стоявший у окна отец Эдуард повернулся к Майлзу и сказал:

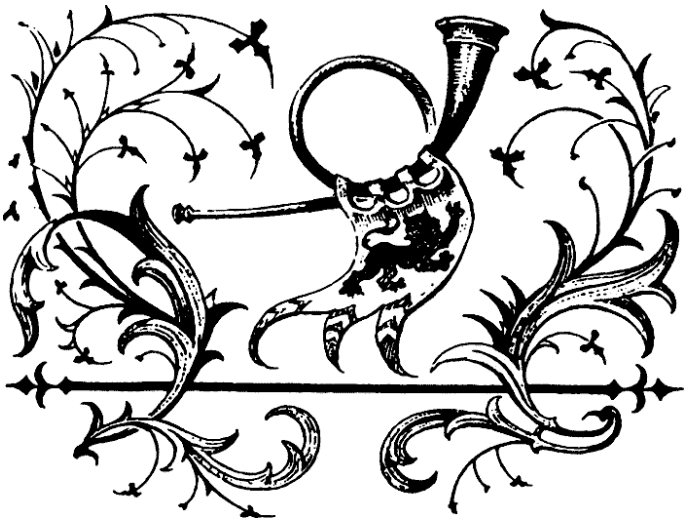
— Тебе не обойтись без денег, сын мой. Я дам тебе взаймы сорок шиллингов. Вернешь, когда сумеешь. В том мире, где тебе предстоит жить, без денег не ступить и шагу. Твой отец вручит их тебе завтра перед отъездом.

Если лорда Фолворта укрепляла мрачная сила мужества, то бедная мать, казалось, теряла вся-

кую опору и надежду. Только она и сын ее знают, сколько было пролито слез и сказано слов любви в час горестного прощания.

Рано поутру двое путников покинули Кросби-Холл, и первые лучи зари зажигали в сердце Майлза надежду на грядущие удачи в большом незнакомом мире.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ



Каким бы грандиозным ни представлялся Майлзу запечатленный детской памятью замок Фолворт, он не мог сравниться с громадой Дельвена, представшей перед путниками, когда они подъезжали к нему по мосту из каменных глыб. Взгляд упирался в древние стены, рядом с

которыми мелким кустарником казались самые высокие деревья. А над стенами возвышалась ломаная линия крыш со множеством башенок и дымоходов. Можно было подумать, что крепостные стены заключают в себе целый город.

Замок стоял на пологой возвышенности, обнесенной наружной стеной. С трех сторон его петлей охватывала река, а с четвертой он был защищен рвом почти столь же широким, как и река, из которой в него поступала вода. Теперь дорога шла вдоль этого рва. И под звук копыт, гулко отражаемый гладкими стенами, Майлз завороженно тянулся взглядом ввысь, дивясь мощи и величию древней крепости. В тех воздушных замках, что рисовал он в своем воображении, хозяин неизменно принимал его как сына своего боевого друга и соратника, встречая с такой же деревенской теплотой, какая была самим естеством жизни в Кросби-Холле. Но сейчас, снизу вверх глядя на эту громаду и ощущая собственную незначительность, Майлз остро почувствовал весь ужас бесприютного существования, и сердце юноши сжалось, когда в памяти мелькнули картины его прежней жизни.

Вскоре копыта коней загрохотали по подъемному мосту, а затем путники въехали в темную арку ворот. Старик попросил Майлза запастись терпением, а сам вступил в разговор с привратником. Наконец тот поручил проводить гостей одному из вооруженных стражников, сидевших на скамье поодаль. Стражник в свою очередь передал их в руки какому-то челядинцу во внешнем дворе. Так, переходя от одного сопровождающего к другому и устав от ответов на одни и те же вопросы, они оказались в первом приемном холле и уселись на скамью у огромного застекленного окна.

Бедный деревенский юноша далеко не сразу оправился от смущения. Мимо сновали какие-то люди, что-то говорили друг другу, чему-то смеялись, а его одолевала тоска по родному углу и тяготила непривычная суета множества чужих людей. А старый Боумэн не скрывал живого любопытства, то и дело толкая локтем своего молодого хозяина, когда видел нечто примечательное. Мало-помалу оцепенение прошло, и Майлз начал приглядываться к тому, что творилось вокруг. Помимо торопливых слуг, от которых рябило в глазах, и нескольких солдат дворцовой стражи, стоявших в дальнем конце помещения с алебардами и бердышами в руках и позволявших себе негромко переговариваться и пересмеиваться, Майлз увидел компанию молодых оруженосцев. Они расположились на скамье у противоположной стены, завешанной необъятными гобеленами. Майлз смотрел на них во все глаза. Трое были примерно его возраста, четвертый чуть постарше. В облачении каждого из них преобладали черный и желтый цвета дома Бьюмонтов.

— Это оруженосцы? — спросил он старика.

— Они самые.

— И я буду с ними?

— Да, если граф возьмет тебя на службу.

Майлз продолжал разглядывать юношей и вдруг понял, что они говорят о нем. Об этом можно было догадаться по их лукавым взглядам и перешептываниям. Один из них, особенно веселый, в высоких сапогах с зеленой шнуровкой, отпустил какую-то шутку, на которую не замедлили отозваться его смешливые товарищи. И бедный Майлз, страдая от унижения и почувствовав, как запылали у него щеки, пристыженно отвернулся.

И вдруг тот самый насмешник порывисто поднялся и направился к скамье, на которой сидели Майлз и Боумэн.

— Да не минует тебя сегодня удача, — обратился он к юноше. — Позволь мне узнать, как тебя зовут и откуда ты держишь путь.

— Меня зовут Майлз Фолворт, а приехал я из Кросби-Холла с письмом к вашему господину.

— Никогда не слышал о Кросби-Холле. Но что привело тебя сюда, осмелюсь полюбопытствовать?

— Я приехал служить здесь оруженосцем, как и вы.

Весельчак усмехнулся.

— Это сулит нам забаву, — сказал он. — Ты ко-

гда-нибудь выполнял такую службу?

— Нет. До сих пор я просто ходил в школу, учил латынь и французский. Но мой старший друг, — он кивнул на Боумэна, — научил меня владеть оружием.

Молодой оруженосец расхохотался.

— Клянусь Богоматерью, твой рассказ развеселил меня, друг Майлз, — сказал он. — Ты думаешь, здесь ждут — не дождутся оруженосца домашней выпечки? Хотя постой! Ты вроде бы сказал, что у тебя есть письмо к моему господину. От кого оно?

— От моего отца, — сказал Майлз. — Он благородной крови, но лишен родовых владений. Он родственник твоего господина и его соратник по оружию.

— В самом деле? — удивился оруженосец. — Тогда твои шансы, наверное, не так уж ничтожны.

Он задумчиво помолчал и добавил:

— Мое имя Френсис Гаскойн. Я помогу тебе. Держи наготове свое письмо, мой господин и его преосвященство архиепископ Йорский будут здесь с минуты на минуту. Архиепископ едет в Далворт, и мой господин сопровождает его до Аппингхэма. Ты знаешь, как выглядит мой господин?

— Нет, — ответил Майлз. — Я никогда его не видел.

— Ну тогда я дам тебе знак при его появлении. Слушай! — сказал он, когда из-за окна донесся топот копыт. — Это их лошади. Скоро господин будет здесь. Не замешкайся с письмом, дружище Майлз.

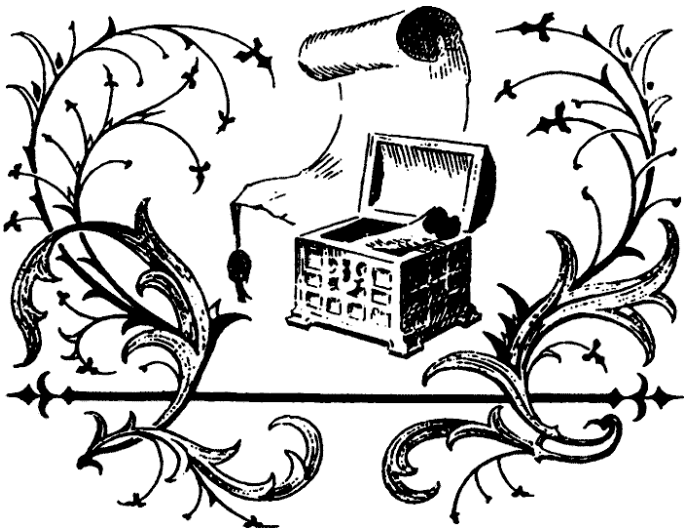
Слуги, сновавшие по холлу, забегали намного резвее, и Майлз понял, что граф вот-вот войдет. Он едва успел расшнуровать свой карман, вынуть письмо и снова завязать шнурки, когда гобелены, закрывающие проход, распахнулись, и высокий стройный оруженосец лет двадцати вошел в комнату, что-то сказал молодым людям и затем снова вышел. Оруженосцы тут же поднялись и встали по обе стороны дверей. Все тут же притихли, солдаты выстроились в линию вдоль стены, прямые и неподвижные, словно железные статуи. Гобелены снова распахнулись, и в тишине Майлз услышал приближающиеся голоса.

— Мой господин прибыл, — шепнул ему на ухо Гаскойн, и Майлз почувствовал, как бешено забилось сердце.

В следующее мгновение в комнату вошли два вельможи, сопровождаемые толпой дворян, оруженосцев и пажей. Один из этих двоих был

иерархом церкви, другой, несомненно, графом Хаусом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ



Это был высокий мужчина, еще более рослый, чем отец Майлза. Тонкое лицо, кустистые брови, ястребиный нос. Верхняя губа чисто выбрита, но с подбородка почти до пояса свисала волнистая, стального цвета борода. Он был одет в плащ для верховой езды из черного бархата, отороченный

мехом выдры и расшитый серебряными ястребами — знаком рода Бьюмонтов. Из-под плаща посверкивала тонкая, как рубаха, кольчуга. На ногах были кожаные дорожные сапоги, зашнурованные до самых колен и защищавшие его алое трико от пыли и грязи. Вокруг ворота колыхалось золотое, изукрашенное эмалью ожерелье, с которого свисал роскошный бриллиантовый брелок, и на руке графа сидел великолепный северный сокол.

Майлз не мог оторвать взгляда от всего этого блеска, очнуться заставил голос Гаскойна, шепнувшего ему на ухо:

— Вот мой господин, иди вперед и передай ему свое письмо.

Не помня себя, на негнущихся ногах, Майлз подошел к графу. Сердце чудом удерживалось в груди, в ушах стоял гул. Когда он приблизился, вельможа на мгновение остановился и удивленно посмотрел на него. Майлз, точно во сне, преклонил колени и передал письмо. Граф повертел пакет в руке, поочередно поглядывая то на курьера, то на письмо.

— Кто ты? — спросил он, — и что за дело привело тебя ко мне?

— Меня зовут Майлз Фолворт, — чуть слышно

произнес юноша, — и я пришел искать у вас службы.

Граф быстро сдвинул густые брови и бросил на юношу острый взгляд.

— Фолворт? Я не знаю никакого Фолворта!

— Письмо все вам объяснит, — сказал Майлз, — оно от одного близкого вам человека.

Граф взял письмо и, передавая его стоящему рядом дворянину, приказал сломать печать.

— Ты можешь встать, — сказал он Майлзу, — нет нужды более стоять на коленях.

Взяв в руки свиток и развернув его во всю немалую длину, граф заметно поскучнел. Затем он стал его читать минуту или две, перескакивая со строки на строку. Наконец он свернул письмо и бросил его в висящую на плече сумку.

— Вот так-то, ваше преосвященство, — сказал он прелату, — все мы, кому посчастливилось возвыситься в этом мире, обречены страдать от назойливых просителей. Вот один из них, мы встречались с ним когда-то, теперь же он полагает, что это дает ему право докучать мне своими заботами о сыне. Однако во имя мира и согласия придется взять малого.

Он оглянулся вокруг и, увидев Гаскойна, кивком подозвал его.

— Отведи этого парня на кухню, — сказал он, — и проследи, чтобы его накормили, а затем проводи к сэру Джемсу Ли, чтобы его имя занесли в служивый регистр. Да, вот еще… — добавил он, — передай сэру Джемсу, пусть зачислит его в оруженосцы. Он слишком неотесан, чтобы служить в замке пажом.

В своей грубошерстной куртке Майлз и впрямь казался деревенским увальнем в компании изящных господ. Вокруг раздавался негромкий смех, но Майлз был настолько смущен, что не мог сообразить, над чем потешается свита хозяина замка. Потом чья-то рука потянула его назад — это был Гаскойн. Тут все пришло в движение, слуги расступились и вслед за свитой поспешили к дверям. Майлз, Боумэн и молодой оруженосец остались в холле одни.

Гаскойн выглядел очень расстроенным и обиженным.

— Чума его побери! — воскликнул он. — Я мог бы наслаждаться прогулкой, а меня заставляют возиться с тобой. Я не желаю тебе зла, друг, но лучше бы ты приехал попозже или подождал до завтра.

— От меня одни неприятности, — сокрушенно сказал Майлз. — Лучше бы мне вовсе не приез-

жать сюда.

Его убитый вид немного смягчил Гаскойна.

— Ничего, — сказал оруженосец. — Это не твоя вина, скоро все исправится. Так что пойдем набивать твой живот с божьего благословения.

Не самой легкой минутой этого длинного трудного дня было для Майлза расставание с Боумэном. Вместе с Гаскойном он проводил старого слугу до наружных ворот, за пределы которых не могли выйти без особого разрешения. Старый лучник оседлал коня и склонившись к Майлзу, сжал его крепкую загорелую руку в своей грубой узловатой ладони.

— Прощай, молодой хозяин, — сказал он с дрожью в голосе. Глаза старика увлажнились. — Надеюсь, не забудешь меня.

— Нет, — сказал Майлз, — никогда не забуду.

— Вот оно как, — сказал старый солдат, покачивая головой. — Сейчас ты высокий крепкий парень, а давно ли сиживал у меня на коленях, дергал меня за бороду. Стой, дьявол! — внезапно прервал он свою речь, осаживая нетерпеливую лошадку, которая уже не могла устоять на месте.

Майлз был втайне благодарен порывистой лошади, ему становилось не по себе от этой трогательной сцены, которую наблюдали и Гаскойн,

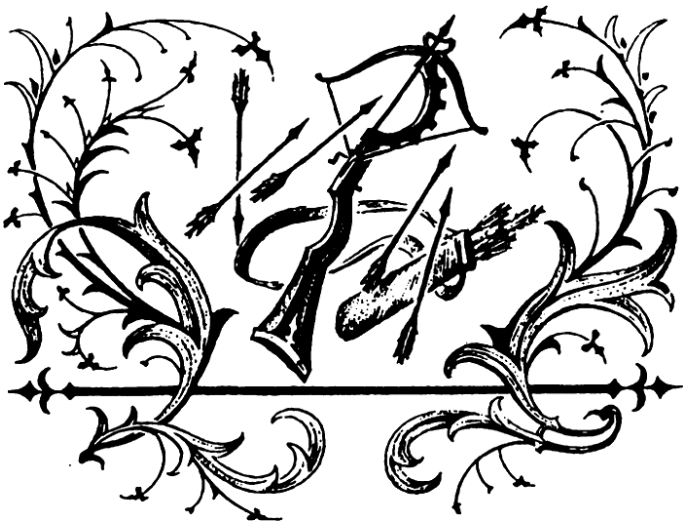
и стража у ворот. К тому же выглядел старик довольно нелепо, тщетно сражаясь со своей бойкой длинношеей лошадкой.

— Разрази тебя гром! Ну, пошла, пошла! — крикнул он, ударив каблуками в ребра животного. Лошадь рванулась вперед и напоследок так забавно взбрыкнула копытами, что Гаскойн трясся от смеха. У поворота дороги старый солдат повернулся, кивнул своему воспитаннику и исчез за углом стены. А Майлзу казалось, что порвалась последняя нить, связывающая его со старой жизнью. Обернувшись, он поймал на себе взгляд Гаскойна.

— Расстроился? — спросил молодой оруженосец.

— Нет, — с нарочитым равнодушием отметил Майлз. Однако, несмотря на все усилия казаться спокойным, он чувствовал, как ком подступает к горлу.

ГЛАВА ПЯТАЯ



Владетельный граф Хаус по обычаю тех времен содержал небольшую армию, состоящую из рыцарей, наемных солдат и вассалов, которые должны были служить ему по мере надобности, а в какой-то своей части отряжались на королевскую службу, насколько того требовали нужды войны.

Ратники этой маленькой армии, состоящей из конных и пеших воинов, набирались в основном из числа оруженосцев и, так называемых бакалавров и холостяков, — людей, постигающих в замке воинское искусство.

Эта часть дружины насчитывала чуть менее сотни мальчиков и юношей в возрасте от восьми до двадцати лет. Мальчики до четырнадцати лет именовались пажами, главным образом находились в покоях графини и ее фрейлин, где обучались хорошим манерам. По достижении четырнадцатилетнего возраста их производили в эсквайры, или оруженосцы.

В большинстве могущественных домов эсквайры состояли порученцами при особах лорда и его супруги, исполняя обязанности оруженосцев, подавальщиков кубков, мальчиков на побегушках, а порой и камердинеров. Но Дельвен, как и некоторые другие замки высокородных вельмож, был более похож на военный лагерь или крепость, чем на обычное поместье. Лишь сравнительно небольшое число эсквайров состояло при особе хозяина для придворного обихода. Большинство же проходило строгую школу воинского искусства и служило скорее в качестве телохранителей, нежели простых оруженосцев. По мере

того, как граф усиливал свою власть и влияние, а более слабые, и тем паче мелкопоместные, дворяне все чаще предпочитали отдавать своих сыновей в его дом, штат оруженосцев становился все более обременительным. Поэтому контингент собственно оруженосцев был отделен от более молодых пажей и разделен на три класса: первый составляли оруженосцы для мелких поручений, которые только что вышли по возрасту из сословия пажей, но продолжали оставаться при особе графа; второй формировался из оруженосцев, занятых преимущественно военными упражнениями и освобождаемых от службы при особе графа, если того не требовали особые обстоятельства; третий старший класс состоял из молодых мужчин в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, которых и называли бакалаврами, или «холостяками». Этот класс был предназначен для управления остальными, более молодыми оруженосцами, дабы учить их уму-разуму и строевой дисциплине, следить за надлежащим состоянием их оружия и снаряжения, проверять по списку их присутствие в церкви на утренней мессе и на ежедневных военных занятиях, если они были свободны от придворных обязанностей. Различные распоряжения оруженосцам переда-

вались в основном через «холостяков», которые еженедельно отчитывались о состоянии дел у своих подчиненных перед капитаном — начальником всего отряда.

Столь привилегированное положение бакалавров постепенно привело к тому, что младшие вынуждались прислуживать старшим, как повелось и в большинстве английских общественных школ. И когда Майлз попал в Дельвен, подобный порядок вот уже лет пять или шесть как утвердился здесь и стал абсолютным, хотя и неписанным, законом, опиравшимся на авторитет многолетней традиции. В то время три десятка бакалавров помыкали остальными шестьюдесятью четырьмя оруженосцами и пажами и были их полновластными хозяевами, строгими, придирчивыми и часто жестокими.

Весь отряд пажей и оруженосцев находился под верховным командованием одноглазого рыцаря по имени сэр Джемс Ли, солдата, которому привелось биться в десятках сражений и турниров, оставивших на нем свои неизгладимые отметины. Он сражался на стороне короля во всех последних войнах и в битве при Шрусбери получил рану, которая сделала его непригодным к боевой службе, так что сейчас он был назначен на

пост капитана оруженосцев замка Дельвен, это еще больше ожесточило его и без того тяжелый характер и усугубило страдания, причиняемые болью плохо заживающих ран.

Едва ли кто-нибудь другой смог бы заменить его при тех порядках и нравах, которые возобладали во вверенном ему отряде. Юноши росли грубыми, жестокими, не ведающими справедливости драчунами, дело порой доходило до мечей и кинжалов. Но старый солдат был суров и холоден, как железо, и усмирял их так же легко, как дрессировщик с помощью одного хлыста усмиряет целую стаю молодых волков. Помещение, в котором он сидел со своим писарем, находилось рядом с общей спальней мальчиков, и даже в разгар самых громких заварух отдаленный звук его хриплого голоса: «Молчать, мессиры!» — водворял тишину в мгновение ока.

Ему-то и представил Гаскойн Майлза. Кабинет сэра Джемса был лишен всякого намека на комфорт и каких бы то ни было украшений, не было даже тростниковой циновки на холодном каменном полу. Старый одноглазый рыцарь сидел, теребя свои жесткие усы. Это означало, что сегодня его старые раны болят сильнее, чем обычно. В таких случаях здесь говорили: «Дьявол

оседлал его».

Рядом сгорбился писарь, на столе лежали раскрытая книга и развернутый свиток, к ним присоединился и рапорт, который отдал старший оруженосец Уолт Блант, парень года на три старше и на полголовы выше Майлза, черноволосый, мощного телосложения с темным пушком на губе и щеках.

Сэр Джемс угрюмо выслушал Гаскойна и порывисто встал.

— Все ясно, мне подбрасывают еще одного! Так, что ли? — загремел капитан. — Мне что, без этого щенка делать нечего? Может, граф думает, что из оболтуса легче сделать воина, чем придворного шаркуна! Пусть себе отирается в покоях.

— Сэр, — робко заметил Гаскойн. — Его светлость сказали, что парня можно произвести в оруженосцы.

— Ах, сказали! Так передай своей светлости, что ни он, ни кто-либо другой не заставит меня изменять моим правилам. Раз уж я поставлен управлять этой бандой, то буду делать это не по подсказке, а по собственному усмотрению. Скажи графу, молокосос, что я никого не произвожу в оруженосцы без испытания. Сперва посмотрим, на что он годится с оружием в руках.

Сэр Джемс снова сел, сверля Майлза взглядом своего единственного глаза и теребя жесткие усы. Наступила мертвая тишина.

— Как твое имя? — спросил он Майлза и, не дав ему ответить, повернулся к Бланту:

— Где его разместить?

— Есть пустая койка Жиля Витлона, — сказал Блант, — он сейчас в лазарете и, похоже, скоро его отправят домой. Лихорадка поразила его кости и…

— Ладно, — сказал рыцарь, нетерпеливо прервав его. — Пусть займет это место или любое другое, что у тебя есть. А ты, Джером, — сказал он своему писарю, — можешь занести его в список, но то, кем он будет — пажом, оруженосцем или бакалавром, решу я, а не Мэкворт. А теперь убирайтесь все!

— Должно быть, раны у старика сегодня здорово разболелись, — заметил Гаскойн, когда оба юноши шли через арсенал. Он любезно предложил новичку осмотреть примечательные места в замке, и в течение часа, пока длилась прогулка, их знакомство переросло в дружбу, как бывает только в счастливую пору юности. Они посетили оружейную, часовню, конюшни, главный зал, картинную галерею, сторожевой пост, столовую

залу, и даже посудомойку и кухню с ее огромными котлами, печами и очагами. В самую последнюю очередь новый друг Майлза познакомил его с кузнецом оружейной.

— Наш господин прислал для починки миланское оружие, — сказал он. — Хочешь взглянуть на него?

— Да, — с жаром согласился Майлз, — конечно.

Кузнец оказался добродушным парнем с хрипловатым голосом, он с готовностью показал Майлзу работу миланских мастеров. Это был красивый кинжал с богато инкрустированной рукоятью и позолоченным лезвием. Майлз не сразу осмелился прикоснуться к нему. Он глядел на него с нескрываемым восхищением, чем порадовал сердце кузнеца.

— У меня есть еще один миланский клинок, — сказал он. — Я тебе уже показывал мой кинжал, мастер[4] Гаскойн?

— Нет, — ответил юноша.

Кузнец подошел к огромному дубовому сундуку, откинул крышку и достал красивый кинжал с отделанной серебром рукояткою из черного дерева и ножнами из испанской кожи с золотым

---

[4] Примечания: 4

Здесь: обращение к юноше, еще не достигшему возраста, позволяющего именоваться мистером.

тиснением. Тонкое, обоюдоострое лезвие было украшено филигранной гравировкой с чернью, образующей рисунок, который изображал «пляску смерти»[5]. Это было одновременно красивое и удобное оружие, и даже Гаскойн не сдержал своего восхищения, не говоря уже о прямодушном Майлзе.

— Кому он принадлежит? — спросил он, пробуя ногтями остроту лезвия.

— Самое смешное, что теперь он принадлежит мне, — сказал кузнец. — Сэр Уильям Беклерн приказал мне отправить его к лондонским мастерам, но к тому времени, когда его оттуда вернули, старик умер, и кинжал остался у меня. Здесь никто не платит за эту игрушку ту цену, которую предлагаю я, поэтому пришлось оставить ее у себя, хотя я и нуждаюсь в деньгах.

— Сколько ты хочешь за него? — сказал Гаскойн.

— Семнадцать шиллингов меня устроят.

— Да, да, — со вздохом сказал Гаскойн. — Вот что значит быть бедным. Нет хуже, чем смотреть,

---

[5] Примечания: 5

Мотив «пляски смерти» получил распространение в искусстве начала XV века и воплощался в виде хоровода, в котором живые и мертвые поочередно сменяли друг друга, что символизировало своего рода «приглашение» в загробный мир.

но не иметь. Семнадцать шиллингов — это почти половина моего годового жалования.

Тут в голову Майлза пришла шальная мысль, от которой даже кровь застучала в висках.

— Мастер Гаскойн, — сказал он с нарочитой небрежностью, — вы были мне настоящим другом с той минуты, как я здесь появился, и всячески помогали мне. Сейчас у меня с собой сорок шиллингов, которые я волен потратить, как хочу. Поэтому прошу принять этот кинжал в качестве дружеского дара.

Гаскойн уставился на Майлза, раскрыв рот от изумления.

— Ты это серьезно? — спросил он.

— Да, — сказал Майлз. — Мастер кузнец, дайте ему клинок.

Сначала кузнец улыбался, думая, что все это шутка, но вскоре увидел, что Майлз вполне серьезен, а когда тот выложил семнадцать шиллингов и пересчитал их на наковальне, кузнец снял свою шапку и отвесил Майлзу глубокий поклон, сгребая деньги в мешок.

— Ну, честное слово, — сказал он, — это просто королевский подарок. Не так ли, мастер Гаскойн?

— Да, — с трудом вымолвил Гаскойн, — что

правда, то правда.

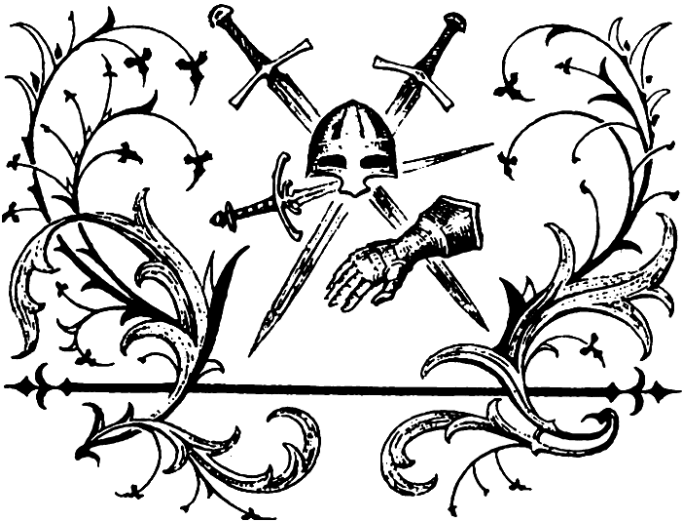
И тут же, к удивлению Майлза, он внезапно обхватил руками его шею, крепко обнял и поцеловал его в щеку.

— Дорогой Майлз, — признался он, — по правде сказать, я почувствовал к тебе симпатию, как только впервые увидел тебя на скамье в холле, а теперь, честное слово, люблю тебя, как брата. Да, я приму этот кинжал и буду стоять за тебя горой. А здесь тебе нужен настоящий друг, тут лупят друг друга смертным боем и пинки раздают чаще, чем пенсы, поэтому новичкам приходится туго.

— Благодарю тебя, Гаскойн, — ответил Майлз, — я тоже очень хотел бы стать твоим другом.

Так началась первая большая дружба в жизни Майлза, дружба, которую ему предстояло пронести через долгие годы. Возвращаясь от кузнеца, они шли в обнимку и не стыдились этого, как умеют, по словам великого писателя, только юноши и любовники.

ГЛАВА ШЕСТАЯ



Одно из преимуществ юности — чрезвычайная гибкость натуры и восприимчивость ко всему новому.

Вот и Майлз на удивление быстро освоился в непривычном окружении и перестал дичиться своих не самых любезных сверстников. В первое

же утро, которое он встретил в замке Дельвен, Майлз уже мало чем отличался от них, когда окружив огромный чан с водой, служивший для умывания, они и эту процедуру превратили в озорную забаву. Не отставая от остальных, он толкался, пихался, шумел, поднимая фонтаны брызг, и кого-то уже запросто окликал по имени как давнего знакомого. Во время мессы он с восхищением наблюдал за дежурными проделками юной паствы, которые видели все, кроме отца Эммануэля, бубнившего свою латынь. А к именам, вырезанным на спинке передней скамьи, он, воспользовавшись кинжалом, не преминул присоединить и свое. Точно так же разделял он всеобщее буйство, когда толпа оруженосцев табуном неслась на послеобеденную перекличку.

Мальчики тонко чувствуют авторитет сильной личности. И Майлз с его независимой натурой и твердостью характера быстро занял подобающее ему место в отряде. Он готов был подчиниться любой власти, которую считал законной и справедливой, но ни на дюйм не сгибался перед тиранией. Еще в монастырской школе он безропотно переносил наказания, налагаемые на него отцом Амброзом. Но однажды, когда вместо заболевшего учителя появился какой-то долговязый

монах и занес над Майлзом руку, тот борцовским приемом осадил его так, что, перелетев через скамью, монах шмякнулся об стену. Майлза примерно выпороли под надзором самого настоятеля отца Эдуарда, но как только экзекуция была закончена, мальчик очень серьезно заверил настоятеля, что, повторись такая ситуация снова, он поступит точно так же и никакая порка его не остановит.

Именно эта смелость и непреклонность воли позволили ему как обрести друзей, так и нажить врагов в Дельвене. И, хотя, эта черта характера появлялась поначалу в мелочах, она оставила на нем знак, который заметно отличал его от большинства и даже, хоть он не сразу догадался об этом, привлекла к нему внимание самого сэра Джемса Ли, который распознал в нем независимую и честную натуру.

В то первое утро, после переклички в оружейной, когда старший бакалавр Уолтер Блант свернул пергаментный свиток со списком, после чего шумная толпа бросилась разбирать оружие, Бланк кивком подозвал Майлза к себе.

— Мой господин сам разговаривал с сэром Джемсом о том, как быть с тобой, — сказал он, — сэр Джемс стоит на том, что в большом отряде

тебе не место, покуда не набьешь руку и не докажешь, что умеешь владеть большим мечом. Ты когда-нибудь этим занимался?

— Да, — ответил Майлз, — каждый день с тех пор, как четыре года назад стал эсквайром, кроме воскресений и святых праздников.

— Со щитом и с большим мечом?

— Случалось, — ответил Майлз, — а иногда с коротким мечом.

— Сэр Джемс велел, чтобы сегодня утром ты был во дворе для турниров. Он сам решит, на что ты годен. Можешь взять свой доспех с ружейной стенки. Над ним номер нарисован — семнадцать. Временно он будет твоим.

Майлз направился в арсенал. Латы были грубыми и тяжелыми и предназначались скорее для того, чтобы приучить тело к пудовому грузу, чем для защиты. Они состояли из кирасы, или нагрудной пластины, створы которой соединялись на боку крючьями; наплечников, наручей, поножей и шлема с забралом. Майлзу достались также большой треугольный щит, обтянутый кожей и испещренный зарубками, и тяжелый обоюдоострый, вернее сказать, обоюдотупой, меч.

Тренировку, на которую было приказано явиться Майлзу, называли иногда «столбовой потехой»,

это было основное упражнение для обучения молодых воинов того времени. На столбе не только отрабатывались используемые в то время колющие, рубящие удары и метание в цель, но испытывались также упорство, выносливость и быстрота. Сами столбы представляли собой вкопанные глубоко в землю дубовые или ясеневые колоды, пяти футов шести дюймов в высоту, чуть толще человеческой фигуры. По ним и наносились удары.

В Дельвене эти столбы занимали всю тыльную сторону двора для упражнений с мечами и копьями, а также стрелкового тира для лучников. Сюда каждый день, кроме пятниц и воскресений, и приходили юноши, не занятые на службе в доме, здесь они занимались под руководством сэра Джемса Ли и двух его помощников. Всех присутствующих делили на две, иногда на три, группы, каждая из которых ждала своей очереди, чтобы по команде наставника нанести тот или иной удар, сделать выпад или показать какой-либо хитрый прием боевого искусства.

Пяти минут этой учебной баталии было достаточно, чтобы на лице выступил пот, дыхание стало тяжелым и хриплым. Но сигнал отбоя звучал не раньше, чем кто-нибудь падал от уста-

лости, тогда им разрешалось поваляться на земле и уступить место следующей смене. Пока Майлз колол и рубил отведенный ему столб, сэр Джемс Ли стоял рядом, хмуро наблюдая за юношей. Майлз изо всех сил старался показать все, что знает о рубящем ударе с плеча, низком выпаде с уколом, двулучном ударе из-за головы. Но ему казалось, что сэр Джемс не очень-то удовлетворен его умением.

— Ты сражаешься, как покойник, — сказал старый воин. — Ну а этот удар совсем плохо поставлен. Ударь снова, но быстрее переходи к обороне.

Майлз повторил этот удар.

— Чума! — крикнул сэр Джемс. — Ты слишком медленно двигаешься. Ну-ка, а теперь ударь меня.

Майлз колебался. Сэр Джемс держал в руке крепкую палку, это было его единственным оружием.

— Бей, я сказал! — рявкнул сэр Джемс. — Чего стоишь, перетрусил?

И ответ Майлза заставил взглянуть на него как на человека, из ряда вон выходящего.

— Нет, — смело сказал он, — я не боюсь ни вас, ни кого бы то ни было!

С этими словами он нанес сэру Джемсу мощный удар. Однако тот был отражен жестким встречным ударом, «отсушившим» ему запястье и руку, второй удар палкой пришелся по шлему. У Майлза зазвенело в ушах, из глаз искры посыпались.

— Сосунок! — не унимался сэр Джемс. — Бели бы у меня была палица, а не палка, я бы вышиб твои куриные мозги. Ты получил этот удар за свой непочтительный ответ. А теперь мы квиты. Начинай все снова, если, конечно, не боишься.

Глаза Майлза слегка затуманились, и он крепко зажмурил веки, чтобы исчезла пелена перед глазами. Тем не менее так же прямо, как и прежде, он сказал капитану:

— За мной дело не станет.

И на этот раз он сумел прикрыться достаточно быстро, чтобы встретить удар сэра Джемса щитом, а не головой.

— Так! — почти миролюбиво крякнул сэр Джемс. — Теперь ты усвоил, что нанося нижний рубящий удар в ногу, нужно быстрее прикрываться щитом.

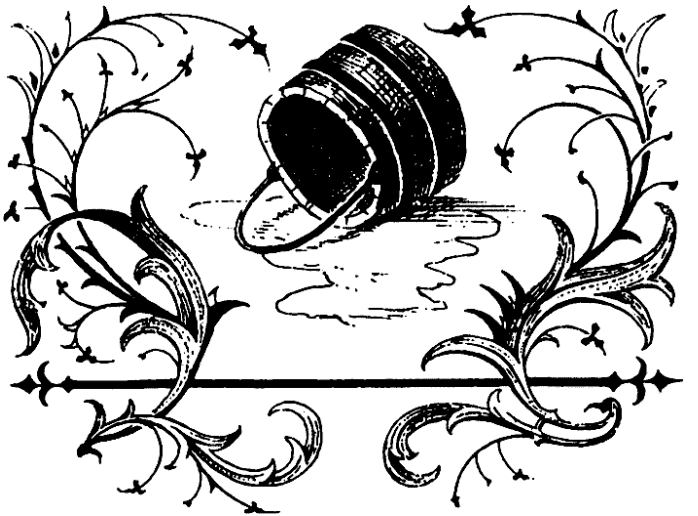
Гаскойн и другие юноши, которые тем временем лежали в холодке под деревом на краю площадки, были заинтригованы разыгравшейся сценой. Ни один из них не мог припомнить,

чтобы сэру Джемсу отвечали с таким дерзким прямодушием, должно быть, этот Дельвен еще не обломал его.

— Клянусь Святой девой! Ты прям душой, как меч, Майлз, — сказал Гаскойн по дороге в оружейную. — Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так разговаривал с сэром Джемсом.

— И в конце концов, — встрял в разговор еще один молодой оруженосец, — старый медведь не так уж плох. Знатно огрел он тебя по башке? А? Фолворт! Святая дева, я бы не согласился получить такой удар даже за серебряный пенни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ



Так за считанные часы новичку удалось завоевать уважение бывалых.

Этой ночью вся казарма гудела, толкуя о том, как этот новый парень, Фолворт, без страха отвечал сэру Джемсу Ли и не упал лицом в грязь. Сам Уолтер Блант пришел порасспросить его о событии дня.

— Что же он тебе сказал, Фолворт? — спросил он.

— Ничего не сказал, — резко ответил Майлз. — Он только объяснил, как закрываться от нижнего удара.

— Не могу понять, как снизошёл он до того, чтобы самому обменяться с тобой ударами. Ты либо очень скор, либо очень неловок в обращении с оружием.

— Именно скор, — ответил Гаскойн за своего друга, — во второй раз, когда Фолворт нанёс удар, сэр Джемс уже не смог достать его, я видел это своими глазами.

Но именно эта независимость, которая помогла Майлзу так славно пройти через первое испытание, нажила ему врагов среди других юношей, многие из которых, особенно бакалавры, были старше его по возрасту, хитрее и сильнее. Как уже говорилось, «холостяки» заставляли некоторых юношей выполнять для них различную работу, и как раз на этой почве у Майлза возникли первые неприятности. Случилось так, что через несколько дней Майлзу велели выполнить подобное поручение, и тут-то бакалавры быстро поняли, что человек, не дрогнувший перед сэром Джеймсом Ли, вряд ли будет им покорным слугой.

— Будь уверен, Френсис, — сказал он однажды в разговоре с Гаскойном. — Никогда я не буду прислуживать им. Променять служение достойному господину на холопство в угоду мужлану! Что может быть постыднее?

— Боже! — вскричал Гаскойн. — Я не думаю о том, что постыднее. Я знаю только, что им прислуживают и другие, такие же, как я, а то и лучше, и что если я буду ерепениться, мне все ребра пересчитают, а мне этого вовсе не хочется.

— Я не упрекаю тебя, — сказал Майлз. — Ты привык к обычаям замка, но, клянусь, я не буду прислуживать им, будь их втрое больше, чем сейчас, против меня одного.

— Тогда ты дурак, — сухо сказал Гаскойн.

В этом деле о прислуживании одна вещь больше всего возмущала Майлза. Годом раньше, до того, как он попал в Дельвен, Уолтер Блант, будучи в своём роде сибаритом и не желая мыться в общем чане на открытом дворе, да ещё в холодную погоду, приказал Дику, плотнику, изготовить и поставить в углу спальни особое корыто для нужд бакалавров, и каждое утро в обязанность кого-либо из молодых оруженосцев входило принести несколько ведер воды, чтобы наполнить эту ванну для избранных. И униженный вид сво-

их товарищей, таскающих по утрам воду, будил в Майлзе бурю негодования.

— Скорее умру, чем стану выполнять эту гнусную повинность, — твердо сказал он.

Он не знал, насколько скоро его решимость будет подвергнута испытанию.

Однажды, недели через две после того, как Майлз прибыл в Дельвен, Бланту было приказано явиться к хозяину замка после вечерней трапезы в парадных палатах, которая, как правило, была не просто пиршеством, но своего рода церемониальным действом. Вечерний колокол ещё не возвестил отбоя, и юноши в своей казарме вовсю резвились, дрались на кулачках, гонялись друг за другом вдоль длинного ряда грубых коек, — словом, предавались обычному буйству в последние минуты перед сном. В зале горели ещё все восемь факелов, вставленных в торчащие из стен железные бра. Майлз и Гаскойн обороняли проход между двумя койками, отбиваясь от трех не в меру ретивых отроков, и Майлз держал в руке своё свёрнутое комом одеяло из овечьей шкуры, намереваясь запустить им в голову одного из противников, как только тот вынырнет из-за койки. В этот момент и появился принарядившийся Уолтер Блант, который направлялся в

графские апартаменты. Проходя мимо Гаскойна, он небрежно бросил:

— Возможно, я задержусь у графа, тебе и Фолворту завтра носить воду.

Майлз остолбенело смотрел вслед его удаляющейся фигуре, всё ещё держа в руке шар из овечьей шкуры. Гаскойн невольно рассмеялся, глядя на своего ошарашенного друга и, положив ему на плечо руку, сказал:

— Майлз, ты не станешь нарываться на неприятности, правда?

Майлз не ответил. Он бросил на пол свой метательный снаряд и уселся на край койки.

— Я же сказал, что скорее умру, чем стану носить для них воду.

— Да, — согласился Гаскойн, — но ты сказал это в запальчивости.

Майлз безмолвно покачал головой.

Однако, в конце концов, жизнь всё расставила на свои места.

На рассвете его растолкал Гаскойн.

— Вставай, — орал он на ухо Майлзу. — Пора, мы опаздываем!

Ещё не очухавшись, Майлз начал суматошно вдевать руки в рукава своей куртки и натягивать сапоги. Окончательное пробуждение наступило

только тогда, когда он понял, что наполняет водой одно за другим три кожаных ведра.

Солнце только вставало, бросая алый отблеск замка на шпиль башни. А во дворе всё ещё царил серый полумрак. Редкие, случайные звуки нарушали тишину раннего утра: кто-то кашлянул за окном одной из комнат, звякнула кастрюля на кухне, задетая сонным поварёнком, где-то скрипнула дверь, только петух за конюшнями то и дело подавал голос. В утренней тишине всякий звук казался резким и грубым.

— Ты предал меня, — сказал Майлз, нарушив наконец молчание. — Я ничего не понял спросонья, иначе никогда бы не пришёл сюда. Но что бы там ни было, я не стану таскать для них воду.

— Будь по-твоему, — резко ответил Гаскойн, — тогда я один понесу все три ведра. Лучше сходить лишний раз за водой, чем подставлять зад для пинков. Слава Богу, что я не такой гордый.

Он взял два ведра и направился к дверям.

Смущенный таким оборотом Майлз подхватил третье и догнал друга, взявшись свободной рукой за дужку одного из вёдер, которые нёс Гаскойн. Ему пришлось-таки выполнить ненавистную работу.

— Чего так долго? — гаркнул ражий «холостяк»,

когда они выливали воду в деревянную бадью. Сидя на краю кровати, он скреб пятерней свою лохматую голову.

Его начальственный тон привёл Майлза в ярость.

— А ты хочешь, чтобы мы летали тебе в угоду? — дерзко ответил он. — Крылья ещё не отросли.

Это было сказано достаточно громко, чтобы его услышали все. Младшие оруженосцы изумленно застыли на месте, а Блант от неожиданности присел на койку.

— Что, что? — прорычал детина. — Я, наверно, ослышался. Наглый щенок! За такие слова тебе башку расшибить мало!

Он презрительно уставился на Майлза, а тот ответил ему полным непримиримой решимости взглядом. Дело принимало дурной оборот, но Гаскойн и Уилкс оттащили своего друга назад прежде, чем он успел что-либо ответить.

— Самый неотесанный из проходимцев, которых мне приходилось видеть, — проворчал Блант, глядя ему вслед.

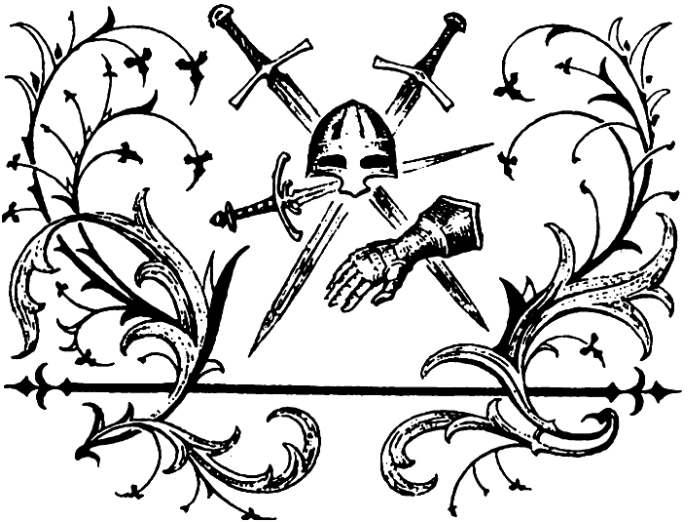
— Майлз… Майлз… — почти в отчаянии бормотал Гаскойн, — ты накличешь на себя большие неприятности. Ты настроил против себя всех.

— Ну и пусть, — кипя от ярости и обиды, отве-

тил Майлз. — Вы что не слышали, как эти псы оскорбили меня при всех! Этот Блант назвал меня неотесанным проходимцем!

— Господи, — рассмеялся Гаскойн, — разве ты отесанный проходимец?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ



Каждому знакома тягостная напряженность, которая остается после ссоры и придает горький привкус всякому ощущению. Именно такую горечь чувствовал Майлз после того, что произошло в казарме. Каждый из свидетелей подобной ссоры испытывает некоторую неловкость, и Май-

лза терзали сомнения: не повинен ли в этом и он? А полчаса спустя, когда все пошли в часовню, Гаскойн еще более смутил его душу.

— Зачем ты прешь на рожон, Майлз? — сказал он, возвращаясь к тому, что уже говорил. — Уж если попал сюда, изволь жить по здешним правилам.

— Будь ты настоящим другом, ты бы постарался ободрить меня, — грустно ответил Майлз, высвобождая свою руку, которую горячо сжимал Гаскойн.

— Бог ты мой, — вскричал тот. — Если бы я не был твоим другом, я бы не предупреждал тебя об опасности. Не мне быть битым, а тебе!

К счастью, они уже переступили порог часовни, и Майлз не успел дать волю своей обиде.

А Блант, как видно, не пропустил его слова мимо ушей. Тем же утром в оружейной Майлзу пришлось о чем-то спросить Бланта; тот смерил его долгим ледяным взглядом, буркнул что-то невразумительное и тут же повернулся спиной. Майлз покраснел до корней волос и быстро огляделся вокруг: нет ли свидетелей его очередного унижения. Он с облегчением увидел, что все были слишком заняты своим вооружением, чтобы думать о чем-либо ещё. Тем не менее на душе у

него кошки скребли, когда он вернулся к своему доспеху.

«Я заставлю этого пса считаться с собой», — решил Майлз, сжимая кулаки.

День выдался необыкновенно жарким, и для оруженосцев, которые сегодня не дежурили, было дано разрешение после «столбов» сходить искупаться на реку. Но не успел Майлз сложить свой доспех, как к нему подошел какой-то безусый паж с приказом зайти в кабинет к сэру Джемсу.

— Вот тебе на! — сокрушенно воскликнул Майлз. — Не мог часик подождать! Теперь уже не искупаешься!

— Ничего, — сказал Гаскойн. — Еще успеешь. Иди быстрей, а мы с Уилком подождем тебя в казарме. Так ведь, Эдмунд?

Сэр Джемс сидел за столом, изучая какой-то пергамент.

— Ну, парень, — сказал он, откладывая пергамент и поднимая глаза на юношу. — Я достаточно испытал тебя за эти дни и считаю возможным внести тебя в список оруженосцев при его светлости.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Майлз.

Рыцарь согласно кивнул, но как и ожидал Майлз, отпустил его не сразу.

— Домой писать собираешься?

— Да, — озадаченно произнес Майлз.

— В таком случае, дай знать своему отцу, что сэр Джемс помнит и чтит его.

Немного помолчав, рыцарь пояснил:

— Я хорошо знал его в былые времена, мы были друзьями, и ради него я буду помогать тебе.

— Сэр… — начал было Майлз, но капитан поднял руку, и Майлз не успел сказать слова благодарности.

— Нет, парень, — сказал он, — я вызвал тебя не для этого. Есть вещи поважнее. Ты знаешь, что твой отец преступник, находящийся в изгнании?

— Нет! — выкрикнул Майлз, краснея от негодования. — Это ложь!

— Ты неправильно понял меня, — спокойно возразил сэр Джемс, — иногда это не позор — находиться в изгнании и быть вне закона. Иначе я не говорил бы с тобой и не велел бы передать мой глубокий поклон твоему отцу. Но ты должен знать, мальчик, что ему постоянно грозит опасность, о какой ты даже не догадываешься. Если станет известно, где он скрывается, ему несдобровать, а может, и не жить на этом свете. Ты был в неведении, и я послал за тобой с тем, чтобы предупредить: об отце никому ни слова,

даже имя его не произноси.

— Но почему мой отец оказался в изгнании? — упавшим голосом спросил Майлз.

— Сейчас я не могу тебе этого сказать, — ответил старый рыцарь. — Однако мне велено поставить тебя в известность, что у твоего отца есть враг столь же могущественный, как наш лорд, и что от этого врага исходят все его несчастья — слепота и все другие беды. Более того, знай этот враг, где скрывается твой отец, он бы немедленно подослал к нему убийц.

— Сэр, — вскричал Майлз, хлопнув сгоряча по столу ладонью. — Скажите мне, кто этот человек, и я убью его!

Сэр Джемс мрачно улыбнулся.

— Ты говоришь, как мальчишка, — сказал он. — Если хочешь знать, когда-то враг твоего отца считался лучшим рыцарем Англии, а сейчас он лучший друг короля и один из самых могущественных лордов.

Майлз подавленно молчал, а потом с надеждой в голосе спросил:

— А не поможет ли ему наш господин, ведь когда-то они были друзьями?

Сэр Джемс покачал головой.

— Этого не будет, — сказал Ли. — Ни тебе, ни

твоему отцу не ждать открытой поддержки от графа. Ему самому не сносить головы, если станет известно о его сочувствии Фолворту. И не рассчитывай, что тебя, мальчик, возьмут на службу джентльменом, как других эсквайров, но даже здесь ты должен жить своей жизнью и пробивать себе путь.

Глаза Майлза гневно сверкнули.

— Если так, — почти кричал он, — стыд и позор милорду графу! Я не стану искать помощи у труса, предавшего боевого товарища!

— Ты еще несмышленыш, — с горькой улыбкой сказал сэр Джемс, — и ничего не знаешь об этом мире. Думаешь, много на свете людей, готовых жертвовать собственной шкурой и всем, чего достигли, ради старых друзей? Я сам был другом твоего отца, но не просил у него помощи, когда он был еще в силе, а я уже стал никому не нужен.

Потом сэр Джемс говорил о том, что граф не хуже и не лучше многих других, что люди его положения имеют коварных и могущественных врагов, всегда готовых нанести сокрушительный удар, что ему приходится быть начеку днем и ночью, чтобы не погубить себя и всех своих приверженцев. Майлз молчал, и сердце его наполняла горечь.

Сэр Джемс, видимо, догадывался о его чувствах, он внимательно смотрел на Майлза, крутя свой седой ус.

— Похоже, тебе придется повоевать в жизни, ты должен сохранить себя для будущих сражений, — сказал он с неожиданной теплотой в хриплом голосе. — Но не суйся в драку, пока не пришло твое время.

Затем он очень серьезно внушал мальчику, чтобы он научился жить в ладу со своими товарищами и хотя бы ради отца не ввязывался ни в какие ссоры, столь частые в казармах оруженосцев.

Выслушав это предостережение, Майлз вернулся восвояси, чтобы уже через пять минут ввязаться в первую серьезную драку в своей жизни.

Вместе с Гаскойном и Уилксом в казарме переодевалась полудюжина эсквайров, которые должны были заступать на службу по дому, а Уолтер Блант и ещё трое выдавали им парадную одежду.

— Почему так долго, Майлз? — спросил Гаскойн. — Я уж решил, что ты передумал.

— Куда собрался, Фолворт? — громко перебил его Блант, возившийся со шнурами своего кам-

зола.

Майлза уже не тянуло на реку, ему вообще не хотелось двигаться, он сказал:

— Я иду на реку.

— Ну уж нет! — заявил Блант. — Сегодня ты из замка не выйдешь. Или забыл про свое хамство утром? Сегодня ты должен быть наказан, так что ступай в оружейную и отдай мою кирасу.

Сколько злополучий за один день! Он начался с унижения и ссоры с предводителем бакалавров, потом Майлз чуть не повздорил с Гаскойном и наконец — страшная новость об отце, который объявлен вне закона и не может даже надеяться на помощь и покровительство графа. Слова Бланта переполнили чашу и привели Майлза в ярость. Какое-то время он был не в силах ответить, он стоял, как вкопанный, повернув к Бланту дрожавшее от гнева лицо, а тот просто не замечал этого, продолжая заниматься своим нарядом.

Гаскойн и Уилкс восприняли наказание Майлза как должное и уже собирались выйти, но Майлз остановил их.

— Эй, Френсис, — хрипло выкрикнул он. — Ты думаешь, я останусь делать грязную работу для этой грязной свиньи?! Нет, я иду с тобой.

На две минуты в казарме все смолкло, потом

раздался выкрик Бланта:

— Совсем очумел!

— Нет, — сдавленным от гнева голосом произнес Майлз, — я в своем уме. Но знай, что будь на твоем месте человек в тысячу раз достойнее тебя, даже он бы не смог помешать мне идти, куда хочется.

— За такие слова я сверну твою цыплячью шею! — взревел Блант и потянулся рукой к тяжелому башмаку, валявшемуся поодаль.

Это было не такое уж безобидное оружие. Обувь тех дней часто имела дубовые подошвы и остроносые передки, набитые кожей или шерстью. В грязную погоду тяжелые башмаки или деревянные колодки, как коньки на ремешках, крепились к мягкой обуви. Башмак, который поднял Блант, был восемнадцати или двадцати дюймов длиной, с подошвой толщиной в два — два с половиной дюйма. Разъяренный «холостяк» шагнул вперед, Гаскойн попытался встать у него на пути.

— Не трогай его, Блант, — умоляюще сказал он, — он же ещё новичок и не знает наших обычаев.

— Уйди, Гаскойн, — прохрипел Блант, отбрасывая его в сторону, — я обучу этого щенка нашим обычаям так, что он не скоро их забудет.

У ног Майлза взялся точно такой же башмак. Он поднял его и отпрянул к стене, сердце Майлза стучало как набатный колокол, но в нем не было страха. Взгляд голубых глаз выражал такую отчаянную решимость, что Блант слегка оробел.

— Том! Уотт! Нед! — кликнул он своих друзей. — Скорее сюда! Помогите мне проучить этого недоумка!

— Только попробуйте, — тяжело дыша, сказал Майлз, — я ударю первого, кто приблизится.

Гаскойн незаметно обошел бакалавров с тыла и прошмыгнул к дверям, за помощью.

Драка длилась считанные секунды, хотя была жестокой с обеих сторон Майлз нанес сильный удар наступавшему Бланту, но при этом слишком волновался, чтобы кулак его точно попал в цель. Блант выпустил из рук башмак и обхватил корпус Майлза, пытаясь сковать его движения.

Майлз тоже бросил свой башмак и, высвободив правую руку и, описав ею короткую дугу, ударил Бланта прямо в лицо, ещё одним ударом Блант был отброшен назад. Все это произошло в мгновение ока, и тут же трое других бакалавров повисли на Майлзе, придавив его своей тяжестью. Секунду или две все они ещё держались на ногах, а затем клубок судорожно сплетшихся тел

рухнул на пол.

Майлз дрался с яростью дикого кота, пуская в ход кулаки, локти, каблуки и колени. Одного из обидчиков он схватил за воротник и разорвал ему куртку от шеи до пояса; другому угодил ногой в солнечное сплетение и сбил дыхание. Те, кто не принимали участия в драке, облепили стоявшие поблизости скамьи и кровати. Но страх перед «холостяками» так глубоко укоренился в них, что никто не осмелился прийти на выручку Майлзу, и тот бился в одиночестве.

Но одному не осилить четверых здоровых парней, сопротивление Майлза стало слабеть.

Блант вспомнил про свой башмак, поднял его и, бледный от гнева, с разбитой в кровь губой, застыл над клубком сцепившихся борцов. Глаза его зловеще сверкнули, это был взгляд убийцы.

— Подставьте его мне! — прошипел он, занося свой башмак, — я его мигом успокою!

Это удалось не сразу, но все же, улучив момент, Блант изо всех сил ударил Майлза по голове.

Тот лишь слегка смягчил его, прикрывшись рукой. И только тут Майлз издал хриплый стонущий крик.

— Господи Боже! — в ужасе воскликнул Эдмунд Уилкс. — Они же убьют его!

Блант нанёс ещё два удара, оба в корпус, а потом Майлза, опрокинутого лицом вниз, прижали к полу, и Блант изготовился для страшного завершающего удара.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Что за шум, мессиры? — послышался знакомый всем голос, который заставил юношей содрогнуться, как от громового раската. В дверях стоял сэр Джемс Ли. Драка мгновенно прекратилась, а её участники поднялись на ноги.

Старшие покорно вытянулись перед своим начальником, но Майлз словно ослеп и оглох от

ярости, он не отдавал себе отчета в своих действиях. Белый, как смерть, он стоял, дико озираясь и тяжело дыша. И вдруг закричал:

— Кто ударил меня? Кто ударил лежачего? Я пущу кровь тому, кто ударил меня!

Его взгляд остановился на Бланте.

— Это ты?! Ты, трус, бил меня из-за чужих спин!

С этими словами он готов был пантерой броситься на своего врага.

— Стой! — крикнул сэр Джемс Ли, хватая его за руку.

Ярость застилала Майлзу глаза, он не мог понять, кто держит его за руку.

— Не мешай! — орал он, вырываясь и пиная рыцаря. — Пусти меня! Я убью это трусливое ничтожество!

Тут он почувствовал, что крепко прижат к стене, а потом, как только взгляд его немного прояснился, он увидел перед собой суровое лицо одноглазого рыцаря.

— Узнаешь меня? — послышался хриплый голос.

Майлз тут же прекратил сопротивление, его руки опустились по швам.

— Да, — задыхаясь, произнес он. — Узнаю.

Он с трудом перевел дыхание, и неожиданно его плечи затряслись от рыданий.

Стиснув руки обоих зачинщиков, сэр Джемс повел их к себе в кабинет, за ними робко семенили другие оруженосцы. Но сэр Джемс захлопнул перед ними дверь, оставив шушукаться на каменных ступенях.

— Ну что, Уолтер Блант? — сказал он, усевшись на свое жесткое кресло. — Что все это значит?

— Ну… это… — забормотал Блант, слизывая кровь с губы, — этот парень… Майлз Фолворт, сеял смуту и недовольство с тех пор, как прибыл сюда. …И за то, что он сеял смуту, я его впоследствии и наказал.

— Ты лжёшь! — взорвался Майлз. — Никогда в жизни я не был смутьяном!

— Помолчите, сэр, — сурово сказал сэр Джемс. — До вас дойдет очередь.

— Нет, — возмутился Майлз, — я не буду молчать. У меня здесь нет друзей, но молчать я не буду и не стану терпеть напраслину!

Даже Блант был поражён храбростью Майлза. Со стариком никто ещё не осмеливался так говорить. Сам Блант боялся даже глаза поднять. Какое-то время сэр Джемс хранил молчание, с ужасающим спокойствием глядя на Майлза.

— Сэр, — раздался наконец глухой голос капитана, — вы ничего не знаете о здешних порядках и правилах. Пришло время зарубить их себе на носу. Попробуйте только что-нибудь вякнуть без моего приказа, и я посажу вас в темницу главной башни остудить горячую голову.

В спокойном тоне старого рыцаря звучала такая непререкаемость, что Майлз почувствовал себя совершенно усмиренным.

— А теперь, Блант, — сказал сэр Джемс, поворачиваясь к бакалавру, — расскажи мне все подробности дела начистоту.

На этот раз рассказ Бланта был ближе к правде, хотя и отнюдь не беспристрастен. Потом свой взгляд на случившееся изложил Майлз.

— Ты знаешь, Блант, — сказал сэр Джемс, выслушав Майлза, — что я сам разрешил парням идти на реку купаться. На каком основании ты запретил это одному из них?

— Чтобы наказать за дерзость и непослушание. Он бросил вызов всем старшим.

— Ты прав лишь отчасти, — сказал рыцарь. — Если ты отменяешь какой-либо мой приказ или мое разрешение, сперва приди ко мне. Ясно?

— Да, — угрюмо ответил Блант.

— Ну вот и все, теперь ступайте, — сказал ры-

царь, — и сделайте так, чтобы я не слышал больше стука каблуков по черепу. Баталия закончена, а смертоубийства я не допущу. Ещё раз услышу, будьте уверены… — Старик оборвал свою угрозу на полуслове и уставился своим единственным глазом на предводителя бакалавров. — А теперь пожмите друг другу руки в знак примирения, — неожиданно предложил он.

Блант сделал движение навстречу Майлзу, но тот спрятал руку за спину.

— Я не дам руки тому, кто бьет лежачих.

— Так тому и быть, — согласился рыцарь. — Можешь идти, Блант. А ты, Фолворт, останься, я поговорю с тобой ещё.

— Скажи, — сказал он, когда они остались вдвоем. — Почему ты не стал прислуживать этим парням, как это делали другие? Такой уж у них закон. Почему ты не подчинился?

— Потому что мне противно быть холопом, да ещё у таких господ. Если бы прислуживать им мне приказали вы, я бы подчинился. А под их дудку плясать не буду.

— Нет, — сказал рыцарь, — такого приказа ты от меня не услышишь. Но как ты собираешься воевать с тремя десятками дюжих парней?

— Не знаю, — ответил Майлз, — но будь их да-

же сотня вместо тридцати, они не заставят меня прислуживать.

— Эх, простота! — с едва уловимой улыбкой произнёс сэр Джемс. — Это будет не мужество, а глупость. Когда тебя унижает сильнейший, не стоит бросаться на него, очертя голову, это не принесёт тебе ничего, кроме побоев. Сначала стерпи, стисни зубы, а потом, когда придёт твоё время, нанеси удар. Вот наш любимый король Ричард, чего он мог добиться, когда, будучи графом Дерби, выступил против старого короля? Ему тогда накостыляли похлеще, чем тебе сегодня. Будь я на твоём месте, я бы сначала обзавёлся друзьями, и тогда бы уж…

Старик не договорил, но Майлз хорошо его понял.

— Сэр, — сказал он, чувствуя, как к горлу подкатывает комок, — я благодарю вас за вашу дружбу и прошу прощения за то, что я натворил.

— Дарую тебе прощение, — сказал рыцарь. — Но строго предупреждаю: не образумишься, попадёшь на неделю в темницу. Теперь ступай.

В казарме уже никого не было, кроме верного Гаскойна, который пожертвовал купанием, чтобы остаться со своим другом. И, может быть, этот искренний жест самоотречения в ту минуту был

Майлзу дороже всего на свете.

— Ты очень обрадовал меня, Френсис, — сказал он, кладя руку на плечо друга, — даже не знаю, за что ты так меня любишь?

— Так и быть, скажу, — ответил Гаскойн. — Я считаю тебя лучшим бойцом и самым храбрым из всех нас.

Майлз улыбнулся. Стало быть, не так уж напрасно он принял на себя столько ударов в этот день.

— С драками придется подождать, — задумчиво произнес он и рассказал другу о мудрой тактике, придерживаться которой ому посоветовал сэр Джемс.

Гаскойн присвистнул.

— Разрази меня гром! — воскликнул он. — Сдаётся мне, старый медведь на твоей стороне, Майлз. А коли так, я тоже с тобой, и не только я. Скоро увидишь.

— Как бы то ни было, — ответил Майлз, — теперь надо запастись терпением и копить силы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вряд ли любое из чудес света принесет мальчишеской душе такое романтическое упоение, как открытие какого-нибудь тайного убежища, где можно укрыться от скучной повседневности, да ещё и наблюдать за суетой не посвященных в твою тайну и потому явно обделенных людей,

которые и не подозревают о твоем дозоре, а, стало быть, выглядят глупее тебя.

Именно такое убежище однажды летом нашли Майлз и Гаскойн. Они назвали его «соколиным гнездом», здесь два юных сокола устроили уютный наблюдательный пункт и отсюда любили смотреть вниз, на полные жизни дворы замка.

Позади северных конюшен в старой части крепости стояло огромное, длинное, беспорядочно построенное здание с толстыми стенами, которые уже почернели от времени. Оно представляло собой как бы чехарду разнородных строений грубой, но прочной кладки, и служило пристанищем конюхов и крестьян. Над этим громоздким сооружением ещё высилась круглая башня. Она так заросла старым плющом, что казалась огромной зелёной колонной. Над её обвалившейся вершиной кружили и хлопали крыльями сотни голубей, белых, сизых и пестрых. Несколько окон, кое-где закрытых ставнями, были почти неразличимы в зелёной бороде, а на самом верху виднелся ряд полукруглых бойниц, скорее всего там была открытая площадка.

При виде башни Майлз не раз испытывал жгучее любопытство и однажды, когда они с Гаскойном грелись на солнце, он указал на неё

другу и спросил:

— Что это за громадина?

— Это, — ответил Гаскойн, — называют башней Брута[6], говорят, он построил её, когда прибыл сюда, в Британию. Сам я в эти рассказы не верю, однако башня ужасно древняя, и старый Робин Флетчер говорил мне, что в её стенах есть лестницы и переходы, даже какие-то лабиринты, из которых не выберешься, если не знаешь дороги, и тогда уже не видать тебе больше дневного света.

— Ничего себе! — присвистнул Майлз. — Вот уж не думал. А там сейчас живёт кто-нибудь?

— Никто там не живёт, кроме нескольких конюхов и того полоумного гусиного пастуха, который вчера швырял в нас камни, когда мы его передразнивали. Он и его жена, как и все прочие, ютятся внизу в подвале, как кролики в норах. А вообще здесь нет обитателей со времён графа Роберта, лет, наверное, сто. Существует предание, что брат графа Роберта — или сводный брат — был убит в этой башне, и, говорят, даже самим графом. С тех пор она крепко заперта.

Майлз некоторое время молча смотрел на башню.

---

[6] Примечания: 6

Речь идёт о легендарном родоначальнике бриттов, потомке ещё более легендарного Энея.

— Прелюбопытное сооружение, — задумчиво произнёс он, — а внутри, наверное, тем более. Ты когда-нибудь был там, Френсис?

— Нет, — ответил Гаскойн, — я же говорю, она на замке со времён графа Роберта.

— Святая Дева! Если бы я жил здесь так долго, как ты, я бы уже побывал внутри.

— Чёрт меня побери! — воскликнул Гаскойн. — Мне и в голову такое не приходило.

Он повернулся и словно впервые начал разглядывать башню, устремленную в знойное небо, она уже манила его, обещая самые неожиданные открытия и приключения.

— Как ты думаешь попасть туда? — тут же спросил он.

— А ты приглядись, — сказал Майлз, — видишь зияние между ветвями плюща? Думаю, там есть окно. Чем черт не шутит, может до него удастся дотянуться с крыши конюшни. Можно залезть по поленнице на крышу курятника и длинной конюшни, а по кровле северной конюшни добраться до этой дыры.

Гаскойн завороженно смотрел на башню Брута и вдруг предложил:

— Ну так полезли!

— Давай, — с готовностью согласился Майлз.

— Только впереди пойдёшь ты, — сказал Гаскойн.

Как и предполагал Майлз, перелезть с крыши на крышу не составило для них особого труда, но когда они добрались до самой башни, оказалось, что спрятанное в листве окно находится много выше, чем им казалось снизу; кроме того, между башней и крышей конюшен оказалась широкая щель. Майлз посмотрел наверх, потом вниз. Вверху были густые заросли плюща со стеблями чуть не в руку толщиной; внизу виднелась булыжная мостовая узкого дворика.

— Пожалуй, начну штурм, — сказал Майлз.

— Ты свернёшь себе шею! — воскликнул Гаскойн.

— Нет, — возразил Майлз, — не такое уж это хитрое дело. Если сейчас отступимся, никогда уже туда не попадём. Так что давай рискнём.

— Таких отчаянных, как ты, я ещё не встречал, — заметил Гаскойн, — все время ходишь по лезвию, как бы не сорваться. Однако если Джек-дурак лезет на рожон, то мне, Тому-дураку, остается только последовать за ним. Если твоя шея недорого стоит, моя стоит не больше.

Это и в самом деле был опасный подъём, но видно у безрассудных юнцов есть особый ангел-

хранитель. Цепляясь за узловатые стебли, они наконец добрались до заросшей плющом ниши окна. Оно было закрыто изнутри полуразвалившимися ставнями, но стоило посильнее толкнуть их, как ржавый напор рассыпался в прах, открыв узкий проход в сводчатый коридорчик, несколько крутых каменных ступеней вели из него в нижнее помещение.

Ступени упирались в тяжёлую дубовую дверь, болтавшуюся на ржавой петле. Майлз толкнул дверь, которая издала при этом душераздирающий скрип, и тут же послышались странные шорохи и писк.

— Привидения! — в ужасе прошептал Гаскойн, у Майлза тоже пробежали по спине мурашки. Но спустя мгновение он рассмеялся.

— Нет, Гаскойн, это всего лишь крысы. Видишь вон ту, здоровую? Дай-ка мне камень.

Он швырнул в крысу камнем, и она с невероятной быстротой скрылась в тёмном углу. Вновь раздался шорох и писк множества забегавших крыс, а затем наступила тишина.

Оба с любопытством огляделись вокруг. Это было помещение, образующее в плане правильную окружность футов двадцати в диаметре, заваленное всевозможной рухлядью: грубо ско-

лоченными столами, громоздкими креслами и ларями, ворохами одежды, холста и кожи, старинными шлемами, поломанными копьями и секирами, кастрюлями и сковородками и прочей утварью.

Прямые солнечные лучи попадали сюда только сквозь дыру в ставнях; это был золотой сноп, который ослепительными полосами рассыпался по полу, наполняя комнату мягким светом.

— Матерь божья! — сказал наконец Гаскойн приглушённым голосом. — Да это просто свалка древностей. Ты видел что-нибудь подобное, Майлз? Посмотри на тот арбалет, из него, наверно, сам Брут стрелял!

— А ты — на это седло, — сказал Майлз. — Разрази меня гром, теперь это уже крысиное гнездо!

Копаясь в хламе, они чихали и кашляли в облаках поднятой пыли. То и дело вспугивали какую-нибудь огромную крысу, которая, пометавшись по полу, неожиданно пропадала в невидимой дыре.

— Пошли, — сказал наконец Майлз, стряхивая пыль со своей куртки, — если застрянем здесь, ничего больше не увидим, солнце уже садится.

Ещё один сводчатый проход вел наверх, каменные ступени освещались через узкие бойницы в

мощных стенах. Над комнатой, которую они только что покинули, оказалась другая, точно такая же, но с дубовым полом, который покоробился и местами прогнил, открывая взору лежащие под ним балки. Здесь царила гулкая пустота, даже крыс не было видно. Выше находилась ещё одна комната, над ней — другая, все проходы и лестницы, соединявшие ярусы башни, были вырублены в стенах не менее пятнадцати футов толщиной.

Наконец они приблизились к прямой лестнице, ведущей вверх к закрытой двери, из-за которой пробивались лучи солнца, и слышался необычный шум — мягкий шелест и мелодичное воркование. Мальчики нажали плечами на запертую дверь, замок сломался, и они чуть не ослепли от разлива яркого света. Вокруг оглушительно захлопали крылья, и туча потревоженных голубей поднялась в небо.

Юноши присели, изумленно озираясь вокруг. Казалось, они попали в увитую зеленью поднебесную беседку. Это был самый верхний ярус башни, крыша которой прогнила и осыпалась, оставив открытую площадку, лишь кое-где сохранились балки с остатками кровли, служившие нашестом для голубиных гнёзд. Над всем этим нависал зеленый полог разросшегося плюща, а сквозь

просветы в нём били горячие лучи солнца.

— Вот это да! — сказал наконец Гаскойн, нарушая молчание.

— В жизни такого не видел, — согласился Майлз. — А вот вход в ещё одну комнату. Заглянем?

Пройдя под аркой, они обнаружили красивую домовую часовенку со сводчатым потолком, футов восемнадцати длиной и двенадцати — пятнадцати шириной. Она венчала собой вершину мощного контрфорса, рельефного выступа стены. Здесь был ряд округлых окон, которые они

заприметили, ещё стоя внизу. Стоило раздвинуть зелёный занавес плюща и можно было любоваться чудесным видом.

Весь замок лежал перед ними, как на ладони, и далеко внизу виднелись крохотные фигурки людей, занятых своей повседневной работой. Они видели спину садовника, копошащегося в цветнике, мальчиков с конюшни, прогуливавших лошадей, стайку девушек, подбрасывающих в саду волан деревянными ракетками, группу джентльменов, расхаживающих взад и вперёд перед домом графа. Они могли разглядеть снующих по двору слуг, двух маленьких поварят, которые дрались на кулачках, и девушку с кухни, стоявшую в дверях и запустившую гребень в свои нечесанные волосы.

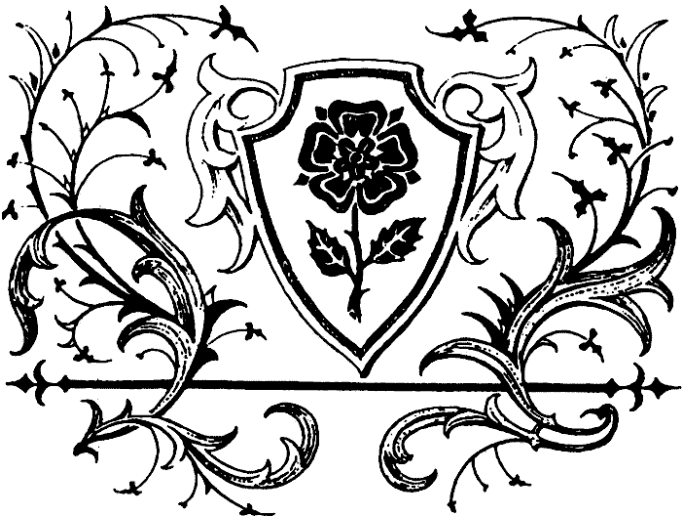
Это было похоже на кукольное представление, где каждый, сам того не подозревая, играл свою роль в пьесе. Прохладный ветерок, пробив шуршащую листву, немного остудил щеки подростков, ещё не успевших отдохнуть после подъёма по крутым лестницам.

— Пусть это будет нашим соколиным гнездом, — сказал Гаскойн, — мы будем соколами, которые здесь живут.

Так это место получило своё название.

На следующий день Майлз упросил оружейника сделать несколько больших крючьев, которые он и Гаскойн забили в швы кладки, обеспечив себе сравнительно безопасный путь к нижнему окну в стене.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ



Своё потайное убежище друзья держали в строгом секрете, они частенько поднимались в старую башню, чтобы покопаться в диковинном хламе нижней комнаты или просто посидеть после обеда на обдуваемой ветерком верхней площадке. И в эти минуты, находясь в пропахшем

древностью уединении, как бы возвышающим их над будничной суетой, они говорили о многих вещах, которые ещё не успели поведать друг другу. Они мечтали вслух, грезили приключениями и подвигами, словом, бросали на ветер зерна, хотя некоторым из них суждено было упасть на благодатную почву и со временем дать свои всходы.

В этих задушевных беседах Майлз заражал своей верой и твердостью более мягкую и не столь решительную натуру Гаскойна и в то же время невольно перенимал благородные манеры и познания, почерпнутые Гаскойном во время службы пажом при графине и её фрейлинах.

И вообще их дружеское общение заметно обогащало обоих.

Майлз мог похвастаться кое-какой латинской премудростью и книжной образованностью благодаря отцу Эдуарду, давшему ему в руки «Gesta Romanorum»[7] и старинные хроники из монастырской библиотеки, и Гаскойн никогда не уставал слушать сюжеты, которые его друг нашёл в старинных латинских манускриптах.

Гаскойн же, как уже говорилось, знал толк в придворном этикете, и Майлз, который за свою

---

[7] Примечания: 7

«Римские деяния» — собрание исторических повестей с богословскими нравоучениями.

жизнь никогда не был знаком ни с одной леди, не считая собственной матери, с интересом слушал болтовню Гаскойна о развлечениях придворного круга, в который имел доступ, когда служил пажом.

— Удивительно, — сказал Майлз, — как у тебя хватало смелости заговорить с молодой девушкой, Френсис. Я, наверно, никогда не решусь на это. Уж лучше столкнуться на узенькой дорожке с тремя громилами, чем оказаться наедине с девицей.

Гаскойн чуть не покатился со смеху.

— Боже! — сказал он. — Неужели ты думаешь, они такие страшные? Большей частью они приятные собеседницы, к тому же нежные и грациозные, как кошки.

— Все равно, — вздохнул Майлз, — это не по моей части.

Именно в момент одного из таких откровений в «соколином гнезде» Майлз рассказал своему другу о том, что его отец объявлен вне закона и об опасности, нависшей над всей его семьей. Они с Гаскойном, как обычно, растянулись на горячих плитах верхнего яруса и неподвижно смотрели вниз, когда Френсис вдруг с недоумением произнёс:

— Ты здесь уже больше месяца, а наш милорд не призывает тебя на службу в доме. Что бы это могло значить, Майлз?

Разговор коснулся самого больного места. Если бы сэр Джемс не предупредил Майлза, он так и не знал бы о том, что его отец в опале и даже объявлен вне закона. Неистребимое детское жизнелюбие помогло ему легко смириться с суровой простотой и бедностью Кросби-Холла после изгнания из родовых владений, и слова сэра Джемса открыли ему глаза на трагедию дома Фолвортов. За четыре недели, что прошли с тех пор он просто извелся, думая об этом, но самое страшное заключалось в том, что ему стала мерещиться тень позора, упавшая на отца, хотя Майлз был неколебимо уверен в его честности и благородстве.

К этим чувствам примешивались гнев и обида на графа за трусливую осторожность, заставлявшую хозяина замка не замечать юного оруженосца, и на сердце становилось ещё тяжелее. Поэтому так и кольнул Майлза заданный без всякого умысла вопрос Гаскойна, поэтому и ответ прозвучал с такой нескрываемой болью.

— Милорд скорее приблизит к себе свинопаса, чем меня, — сказал он.

— Да почему, чёрт побери?

— Потому, — ответил Майлз, — что граф либо трус, который боится покровительствовать мне, либо — негодяй, по собственной воле предавший старого друга. Неужели он стыдится меня?

Гаскойн приподнялся на локте и во все глаза уставился на Майлза.

— Он… стыдится… тебя? Да кто ты такой, Майлз, чтобы граф тебя стыдился?

Майлза одолевали сомнения, рассудок повелевал держать язык за зубами, но измученной душе так не хватало сочувствия и поддержки.

— Тогда послушай, — решился, наконец, Майлз и поведал изумленному другу всё, что знал об истории злоключений своей семьи. Ему как будто стало легче дышать.

— Вот и суди теперь, — добавил он в заключение, — кто наш граф? Подлый трус, отвернувшийся от сына своего друга и родственника, или благородный господин?

— Мне кажется, — ответил Гаскойн, — что он делает это не из подлости и трусости. У графа много врагов. Я слышал, он не раз подвергался смертельной опасности из-за своих связей с врагами короля. Граф Кентский был кузеном нашего господина, и уже одно это чуть не стоило головы

хозяину Дельвена. Кто знает, может, есть ещё какие-то причины, почему он избегает связей с твоим отцом?

— Никак не думал, — с горечью воскликнул Майлз, — что ты примешь его сторону, Гаскойн. Что же до меня, то я не прощу ему это до гробовой доски. А мне-то казалось, ты поймешь меня.

— Так оно и есть. Дружбу с тобой я ценю больше всего на свете. Но я думаю, тебе самому изрядно полегчает, если ты узнаешь, что на самом деле граф ничего против тебя не имеет. Скажу больше, из твоих слов можно заключить, что он и сэр Джемс по-своему покровительствуют тебе.

— По-своему? Да настоящий мужчина открыто бы встал на защиту моего отца и меня, даже если бы это был рискованный поступок.

Майлз упорно не желал принимать другой правды. А Гаскойн умолк, пытаясь обдумать всё, что услышал.

— А тебе известно, — вдруг спросил он, — кто этот могущественный враг, который по словам старика угрожает твоему отцу?

— Нет, — сказал Майлз, — не знаю. Мой отец никогда не говорил об этих вещах, а сэр Джемс не назвал мне имени. Но одно я знаю, — сказал он, сверкнув глазами, — если я не выйду на его

след, и не убью… — он внезапно прервался, и Гаскойн, искоса глянув на него, увидел, что глаза друга полны слёз. Френсис отвёл взгляд и начал швырять за окно палочки сухих стеблей.

— Ты никому не расскажешь о нашем разговоре? — нарушил молчание Майлз.

— Нет, — ответил Гаскойн. — А ты считаешь меня способным на это?

— Нет, — коротко ответил Майлз.

Возможно, именно этот разговор ещё сильнее сблизил обоих друзей, у Майлза всё же полегчало на душе, а что до Гаскойна, то он не мог не гордиться тем, что стал доверенным лицом более сильной натуры.

Старая башня была идеальным укрытием не только для досужих бесед и юношеских откровений, она давала Майлзу возможность перевести дух и собраться с силами для сопротивления бакалаврам. Именно поэтому её описанию здесь отведено столько места.

Майлз Фолворт был не из тех, кто легко отступает от задуманного. Очевидно, мысль о достойном отпоре начала складываться в тот злополучный день после разговора с сэром Джемсом. Теперь, спустя месяц, Майлз стал признанным лидером в своей группе. Однажды он решил обсудить с Гас-

койном план, который вынашивал уже не одну неделю. Он предложил создать небольшой отряд под названием «Рыцари розы», местом сбора могла бы служить часовня башни Брута, целью же будет искоренение всякой несправедливости.

— Мы пойдем, — сказал Майлз, — «по стопам короля Артура и рыцарей Круглого стола»[8].

— А какие несправедливости здесь надо искоренять? — спросил Гаскойн, пытаясь осмыслить замысел Майлза.

— Прежде всего, — сжимая кулаки, ответил Майлз, — мы должны поставить на место обнаглевших бакалавров, чтобы они относились к нам не как к рабам, а как к товарищам.

Гаскойн покачал головой. Он не любил спорить и быть с кем-либо на ножах. К чему лишние неприятности? Пусть всё идёт своим чередом, в конце концов мир не так уж плохо устроен, чтобы плыть против течения. И почему это Майлз, который появился здесь только месяц назад, оказался более нетерпимым, чем они, кто переносит это уже не один год? И, успокаивая себя и своего друга нехитрой надеждой, он посоветовал не мутить воду и оставить всё как есть.

---

[8] Примечания: 8

Герои эпоса древних кельтов и многих средневековых романов. Круглый стол короля Артура делал их равными друг другу.

Однако Майлз был непреклонен, его страстная натура не могла примириться с несправедливостью, и сейчас, или никогда, они должны сбросить это ярмо.

— Но послушай, Майлз, — сказал Гаскойн, — тогда не обойтись без крови. Ты пойдёшь на это? Что до меня, то я не стал бы затевать заваруху.

— Не желаю никого принуждать, — ответил Майлз.

Гаскойн пожал плечами.

— Ну что же, — сказал он. — Если ты жаждешь чересчур острых ощущений, ради бога! Я постою в сторонке и посочувствую тебе.

Шутливая уклончивость Френсиса уязвила Майлза:

— Чёрт возьми! — теряя терпение, взорвался он. — Ты что, думаешь, я решил позабавиться? Зачем ты кривляешься, как Нэд Ном, шут нашего господина? Если не можешь помочь, скажи прямо и дело с концом, поищу кого-нибудь другого.

Гаскойн как бы опомнился и, приняв самый серьезный вид, начал обдумывать предложение Майлза. В его замысел были посвящены ещё три юноши, в том числе долговязый Эдмунд Уилкс, который всегда держал его сторону. Они примкнули к заговорщикам с такой страстью, какая

могла бы изрядно поубавиться, знай они, насколько быстро Майлз от слов переходит к делу.

Он и Френсис открыли им таинственный мир старой башни: ползущие вдоль стен винтовые лестницы, хитрые переходы, потайные ниши и вращающиеся шкафы, чёрную шахту колодца, из глубины которой прежние обитатели замка, вероятно, черпали воду во время осады, и чем больше диковин представало перед взором новобранцев, тем ярче загорались их глаза. Они вдоволь покопались в груде допотопной утвари, которую незадолго до них разворошили Майлз и Гаскойн, и, наконец, устав от собственного любопытства и усердия, поднялись в часовню, подставив потные лбы прохладному сквозняку.

В тот день пятеро приятелей подробно обсудили замысел Майлза и даже составили список самых подходящих и надежных товарищей, которые могли бы войти в тайную организацию.

Гаскойн не только с воодушевлением принял идею друга, но и придал ей особый романтический блеск.

— Есть на свете, — сказал он под монотонное воркование голубей, — карлики и великаны, драконы, чародеи, злые рыцари и всякое такое. И быть может, мы, рыцари розы, если будем

держаться вместе, выйдем в большой мир и сразимся с ними во имя прекрасным дам, и о нас будут рассказывать сказки и слагать песни, как о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

Наверно, только Майлз видел реальный разворот грядущих событий, но и он не мог не поддаться чарам романтических мечтаний.

Так был учрежден священный орден двадцати «рыцарей розы». Заговорщики позаботились о введении звучных паролей и отзывов и иных таинств. Майлза избрали великим магистром, а тайные встречи происходили в старинной башне, где заварилась каша многих событий.

Разумеется, через несколько дней тайное стало явным, и все в отряде оруженосцев уже знали об ордене «рыцарей розы» и встречах в башне. Однако двадцать избранников вызывали всеобщую зависть, и появилось много желающих вступить в орден, окруженный ореолом таинственности и поистине рыцарской верности.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Итак, Майлз готовился к войне и набирал своих рекрутов. Первый бой был дан дней через десять, хотя даже Майлз не имел особого желания торопить события. Он знал, что когда бы ни была объявлена война, именно ему придётся принять на себя главный удар, и даже самый храбрый солдат не бросается в драку очертя голову.

Однажды утром Майлз, Гаскойн и Уилкс сидели в тени двух деревьев, стволы которых соединялись перекладиной, это подобие скамейки служило любимым местом отдыха юношей в часы досуга. Майлз чистил свой кинжал жиром и древесной золой, полируя клинок куском кожи и протирая суконной тряпкой. Двое остальных, вернувшись с дежурства, растянулись поодаль на траве и молча наблюдали за его работой.

В этот момент во дворе показался один из младших пажей, мальчишка лет двенадцати по имени Робин Ниголдсби. Его лицо опухло от слёз, и он ещё вздрагивал и всхлипывал.

Майлз заметил его.

— Подойди сюда, Робин! — крикнул он. — Что случилось?

Парнишка нерешительно направился к деревьям.

— Мэпл избил меня ремнём, — сказал он, вытирая рукавом глаза и всхлипнул, заново переживая происшедшее.

— Избил? — спросил Майлз, сводя брови. — За что же?

— За то, — сказал Робин, — что я слишком долго нёс жбан с пивом из лавки для него и Джотта.

И тут же, с детской легкостью забыв про своё

горе, мальчик спросил:

— Скажи, Фолворт, когда ты мне дашь ножик, который обещал? Ну… тот… со сломанным лезвием.

— Не знаю, — резко ответил Майлз, рассерженный тем, что мальчик не слишком близко к сердцу принял побои. — Посмотрим. Может быть, скоро. Ты бы лучше подумал о своих шишках, а не о ножике со сломанным лезвием. А теперь иди, куда шёл.

Мальчик замешкался, глядя на его работу.

— А чем ты полируешь лезвие, Фолворт? — полюбопытствовал он.

— Салом и золой, — раздражённо ответил Майлз. — Иди отсюда, иначе я тебе добавлю!

Он схватил щепку и с угрожающим видом замахнулся на паренька.

Тот скорчил жалобную гримасу и пустился наутёк, на всякий случай пригибая голову, хотя всем известно добродушие Майлза.

— Слыхали! — воскликнул Майлз, бросая щепку и поворачиваясь к друзьям. — Избит ремнём за то, что недостаточно проворно обслужил бакалавров. Это уже слишком! С меня хватит!

— Учти, Майлз, — сказал Гаскойн, пытаясь остудить его пыл, — этот пострелёнок ленив, как

кухонный кот, и вреден, как обезьяна. Уверен, что он заслужил эту порку и что она пойдёт ему только на пользу.

— Вот как ты заговорил, Френсис! — возмутился Майлз. — Похоже, тебе доставляет удовольствие видеть чужие болячки.

Наступило неловкое молчание. Потом Майлз спросил:

— Как вы думаете, сколько сегодня наберется наших?

— Нас сегодня только семнадцать, — не очень уверенно ответил Уилкс. — Бринтон и Ломборн уехали в замок Роби с кортежем лорда Джорджа и не вернутся до следующей субботы. А Уотт Ньютон в лазарете.

— Семнадцать вполне достаточно, — сказал Майлз. — Давайте соберёмся сегодня, когда сможем, в башне Брута, мне уже невмоготу терпеть наглость этих поганых бакалавров.

Через некоторое время пятнадцать хмурых молодых людей — рыцарей розы — собрались в Соколином гнезде, и все они догадывались о предстоящем деле. Майлз держал перед ними речь.

От него веяло неуёмной энергией и решимостью, однако не всех заразил он своим пылом, и после его слов повисла тягостная тишина. Осто-

рожность товарищей смущала и раздражала Майлза.

— Чего ты хочешь, Фолворт? — угрюмо спросил один из них. — Открытой ссоры?

— Разве дело в этом? — вскипел Майлз. — Я думал, вы пойдете за мной, смело ввяжетесь в драку. Но сейчас я вижу, что вы для этого слабоваты. Как бы то ни было, знайте: я больше не подчиняюсь бакалаврам. А от вас требуется только одно: когда начнётся заваруха, встаньте рядом со мной и не позволяйте пятерым или семерым напасть на меня одновременно.

— Но у этого Бланта бычья сила, — сказал один из оруженосцев. — Ему нипочем одолеть двоих.

— Нет, — сказал Майлз, — у страха глаза велики. Но я не боюсь Бланта и если надо, готов вступить с ним в бой. А вас прошу лишь прикрывать меня с тыла и с флангов.

— Вот что, — подал голос Гаскойн, — если ты принимаешь на себя самый тяжёлый удар, я буду рядом и прослежу, чтобы всё было по справедливости.

— Я тоже с тобой, Майлз, — сказал Эдмунд Уилкс.

Их примеру последовало ещё несколько человек.

И в конце концов наступил решительный перелом в настроении всех пятнадцати. Майлзу была обещана всеобщая поддержка.

— Когда ты думаешь начать? — спросил Уилкс.

Майлз на секунду задумался.

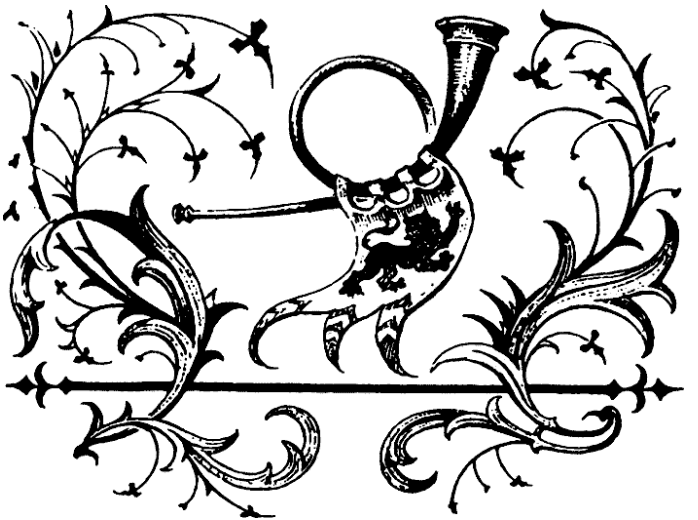
— Завтра, — твердо сказал он.

Кто-то удивленно присвистнул.

Гаскойн был готов к боевым действиям, но, видимо, не ожидал, что они начнутся так скоро.

— Господи, Майлз! Ты просто не можешь без драки, — озабоченно вздохнул он.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ



Когда схлынула волна первоначального воодушевления, коим он увлек товарищей, Майлз почувствовал всю тяжесть бремени, которое так смело взвалил на свои плечи. Он начал осознавать, насколько рискованно выступить в одиночку против тирании, узаконенной мно-

голетними обычаями. Но отступать было уже поздно. Раз уж он взялся за плуг, то должен проложить эту борозду.

Каким-то образом весть о предстоящей схватке дошла до всего отряда, и вся казарма взволнованно зашушукалась. Бакалавры, которые, конечно же, не пропустили новость мимо ушей, стояли в сторонке и обеспокоенно гудели. Некоторые из них как бы невзначай доставали ножи, спрятанные в соломенных тюфяках, и это, без сомнения, производило впечатление на многих молодых, которые не могли не заметить сверкавших клинков. Однако в тот вечер ничего не произошло. Свет был погашен, наступила неожиданно спокойная ночь, тишину нарушали лишь чей-то осторожный шепот и сонное бормотание.

Всю ночь Майлза мучили сновидения, в которых он то побеждал, то был побеждённым. И до того, как забрезжил рассвет, он уже окончательно проснулся. Он лежал на своей койке, мысленно готовясь к предстоящей схватке, и нельзя сказать, что вид спрятанных в соломе ножей оставил его равнодушным. Вскоре спящие заворочались, послышались зевки и возгласы, оруженосцы один за другим начали вставать и одеваться.

Майлз тоже поднялся, надел свою куртку и

обтягивающие штаны, туго затянул ремень на поясе и присел на край своей койки.

Тут и случилось то, чего он терпеливо ждал: два молодых оруженосца отправились за водой для бакалавров. Не успели они выйти во двор, как Майлз громко скомандовал:

— Стойте! Теперь каждый носит воду только для себя. Поставьте вёдра и возвращайтесь!

Оба юноши остановились у порога и в нерешительности топтались на месте.

Через секунду вся казарма возбужденно загудела. С полдюжины рыцарей розы направились к Майлзу и встали у него за спиной, к ним присоединились ещё несколько молодых. Едва ли бакалавры были готовы к таким быстрым и решительным действиям.

— В чем дело? — крикнул один из них, повернувшись к тем двоим, которых отрядили за водой. — Чего вы стоите?

— Фолворт сказал, что мы больше не будем носить воду, — ответил один из них, его звали Госсе.

— Что за новости, Фолворт? — возмутился бакалавр.

Сердце Майлза тяжело бухало, однако голос не дрогнул:

— Зарубите себе на носу, — сказал он, — что отныне и впредь вы сами себя обслуживаете.

— Слыхал, Блант? — крикнул бакалавр. — Фолворт устанавливает свои порядки.

Старший бакалавр, конечно, слышал весь разговор и торопливо натягивал одежду.

— Ну что, Фолворт? — сказал он, приближаясь к Майлзу. — В чём дело? Вы больше не носите воду? Давай-ка разберемся.

Вместе с тремя старшими оруженосцами он надвигался на Майлза. И тут заговорил Гаскойн:

— Одумайся, Блант, пока ничего не случилось! Мы не дадим его в обиду, больше такое не пройдёт!

Блант резко остановился и взглянул на юношей, стоящих позади Майлза. Они были бледны, но в глазах читалась решимость. Тут он неожиданно повернул назад и пошёл к дальнему концу казармы, где уже собралась кучка бакалавров. Они обменялись несколькими словами, после чего все тринадцать парней начали тут же вооружаться, кто деревянными башмаками, а кто и ножом, который накануне устрашающе посверкивал в вечернем свете. Запахло неминуемой дракой, и все, кто не собирался в неё ввязываться, бросились врассыпную, забираясь на скамьи

и койки и освобождая место побоища. Минута — другая и брызнет первая кровь.

Майлз чувствовал, что уроки рукопашного боя, полученные в Кросби-Холле, не пропали даром, он был уверен в своем превосходстве и хотел, возможно, завязать именно невооруженную схватку. Он решил овладеть инициативой:

— Эй, приятель! — крикнул он Бланту. — Я знаю, что ты мастер бить лежачих. За тобой должок. Давай разрешим эту ссору между собой, как мужчина с мужчиной, без всякого оружия, голыми руками.

И в подтверждение своих слов он бросил на койку башмак, который держал в руке.

— Так тому и быть, — с угрожающей готовностью согласился Блант, бросая точно такое же оружие на пол.

— Не надо, Майлз, — крикнул Гаскойн, — он подлец и предатель, он убьёт тебя. Я видел, как он сунул под куртку нож.

— Врешь! — крикнул Блант. — Клянусь всеми святыми, я буду безоружен, как сейчас! Твой дружок хочет остановить меня, Майлз Фолворт. Он-то знает, что ты боишься меня.

— Ложь! — воскликнул Майлз. — Поклянись, что у тебя нет ножа, и я схвачусь с тобой.

— Я же сказал, ножа у меня нет. Чего тебе ещё нужно?

— Ну что ж, сразимся! — сказал Майлз. Гаскойн схватил его за рукав и начал убеждать в том, что видел, как Блант доставал из тюфяка нож. Но Майлз уже закусил удила и не слушал своего друга.

По мере того, как оба противника медленно приближались друг к другу, в казарме становилось все тише, даже не верилось, что здесь только что стоял недобрый гул.

Оробевшие зрители на скамьях и койках, затаив дыхание, следили за сближением противников. Они были совершенно несхожи. Блант почти на полголовы возвышался над Майлзом, широкий и плотный детина имел все признаки ранней возмужалости.

Только безумная отвага могла толкнуть Майлза на поединок с таким противником.

Какое-то мгновение они приглядывались друг к другу. Потом от многих из наблюдавших не укрылось, как рука Бланта воровато скользнула за пазуху. Майлз тоже заметил это, и мгновенно поняв замысел противника, прыгнул на него прежде, чем рука Бланта нащупала нож. Схватив своего врага, он наткнулся ладонью на железную

рукоятку.

— Ах ты предатель! — крикнул он. — Помоги, Гаскойн! У него под курткой нож!

В ответ на его крик друзья Майлза бросились на помощь. Но бакалавры заорали:

— Стойте! Пусть разбираются один на один, иначе мы вас порежем!

Некоторые из них уже спрыгнули со скамеек и принялись размахивать ножами.

Друзья Майлза чуть оробели, но прошли какие-то секунды — и бой завершился с такой быстротой, которой никто не ожидал.

Блант прилагал яростные усилия, чтобы выхватить нож, а Майлз отчаянной хваткой стиснул его поперек туловища. Блант тщетно пытался вывернуться, он был достаточно сильным, чтобы одолеть Майлза, но всё ещё не мог добраться до своего ножа.

— Не выйдет! — прохрипел Майлз. — Ты не заколешь меня!

В этот миг несколько сторонников Майлза вновь устремились ему на помощь, но она не потребовалась, так как бой окончился до того, как они подоспели.

Поняв, что ножа ему не достать, Блант внезапно прекратил эти попытки и обхватил Майлза,

пытаясь повалить его на землю. Тут-то он и проиграл бой.

С неуследимой быстротой его ноги оторвались от пола, Блант нелепо взмахнул руками и, перевернувшись через бедро Майлза, со всего размаха шмякнулся на каменные плиты. Больше он не двигался, а Майлз с белым от ярости лицом и сверкающими глазами, озирался как загнанный зверь, окружённый стаей собак.

Тут поднялся невероятный шум. Бакалавры, попрыгав со своих скамеек, прижались к стене, а друзья Майлза выстроились напротив.

— Ты ответишь за это, Фолворт, — сказал один из старших парней. — Похоже, ты убил его.

Майлз повернулся к парню с такой неколебимой воинственностью, что тот, будучи почти на голову выше его, трусливо отпрянул назад. Гаскойн подошёл к своему другу и положил руку ему на плечо.

— Кто ещё тут? — вскрикнул Майлз, резко оборачиваясь и поняв, что это Гаскойн, сказал: — О, Френсис, они чуть не убили меня!

— Пойдём отсюда, Майлз, — сказал Гаскойн, — ты не помнил себя, ты был в угаре, пойдём отсюда. Что, если ты убил его?

Эти слова несколько отрезвили Майлза.

— Мне плевать! — тихо и беззлобно сказал он, позволив Гаскойну и Уилксу увести себя.

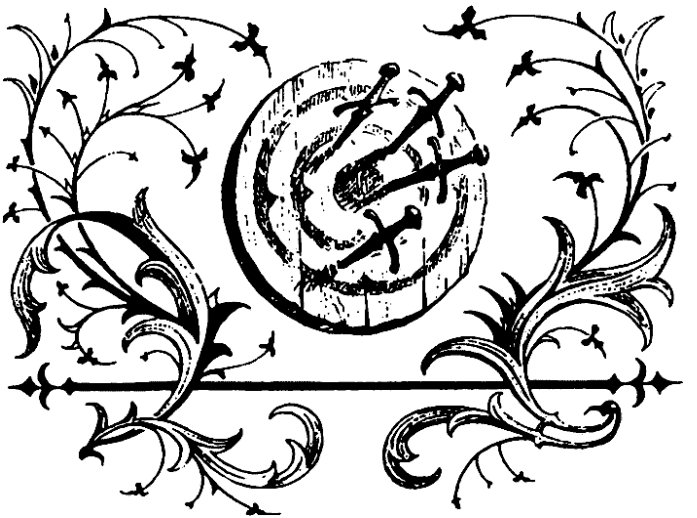
Тем временем друзья Бланта перевернули его на спину, потрогали виски, пощупали пульс, перенесли тело на скамью в дальнем конце казармы. Здесь они побрызгали на него водой. А вокруг уже собралась толпа любопытных.

За их спинами Майлз не мог видеть Бланта; о том, в каком он состоянии, можно было судить лишь по восклицаниям. Растерянность и тревога охватывали Майлза по мере того, как он остывал. И наконец он с облегчением сообразил, что его противник открыл глаза, а через некоторое время сумел присесть, положив голову на плечо одного из своих друзей-бакалавров. Майлз видел бледное, как полотно, лицо с осоловелыми глазами.

— Слава Богу, ты не убил его! — сказал Эдмунд Уилкс, выходя из толпы и садясь на кровать рядом с Майлзом.

— Да, — согласился Майлз. — Благодарение небесам!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ



Если Майлз воображал, что единственная победа над врагом искоренит зло, против которого он боролся, то он страшно ошибался. С несправедливостью не покончишь одним ударом. Это было только начало. Майлза ждали куда более жестокие бои, и только пройдя через них, он сможет сказать: «Я победил».

В первые дни после схватки бакалавры заметно притихли, уязвленные падением своего вожака, а рыцари розы столь же заметно укрепили свои позиции. Сразу же после драки исчезла ненавистная бадья, которую наполняли водой молодые.

Бакалавры всполошились и пытались дознаться, кто её унёс.

— Ну и дела! — гаркнул на всю казарму Эдмунд Уилкс, — не их ли это трюк, ребята? Похоже, они сами выбросили корыто, чтобы избежать новой драки.

Бакалавры молча проглотили эту пилюлю, а все вокруг засмеялись. Никто не сомневался в том, что бакалавры в самом деле выбросили своё корыто. «Корытная повинность» была отменена, но все понимали, что война за господство в отряде ещё не окончена.

Даже если Майлз поначалу думал иначе, очень скоро его надежды развеялись. Однажды утром, примерно через неделю после этой баталии, когда он и Гаскойн шли к арсеналу, их окликнула группа бакалавров, расположившихся на ступенях.

— Привет, Фолворт! — кричали они. — Ты знаешь, что Блант опять здоров, как бык?

— Приятно слышать, — ответил Майлз.

— Скоро ты запоёшь по-другому, — сказал один

из бакалавров. — Могу тебе передать, что он очень зол и намерен прирезать тебя.

— Н-да, — заметил другой, — не хотел бы я оказаться в твоей шкуре, Фолворт! Сегодня утром Блант сказал Филиппу Мэплу, что пустит тебе кровь за то, что ты бросил его на пол. Мотай на ус, Фолворт, он вернётся в среду или в четверг на будущей неделе. Я тебе не завидую.

— Майлз, — признался Гаскойн, когда они вошли в зал, — мне за тебя страшно.

— Ну и зря, — ответил Майлз, — я его не боюсь.

Тем не менее настроение у него было отнюдь не безмятежным. Однажды вечером бакалавры что-то уж слишком развеселились, чему-то смеялись, о чём-то перешептывались.

— Послушай, дружище Фолворт! — крикнул из своего угла один из них. — Завтра возвращается Блант!

Майлз увидел, как Гаскойн бросил на него обеспокоенный взгляд, но он ничего не ответил ни на слова врагов своих, ни на взгляд своего друга.

Парень не врал, Блант вернулся следующим утром. Это было как раз после мессы, и все оруженосцы собрались в оружейной в ожидании нарядов и поручений. Майлз сидел на скамье у стены, перешучиваясь с одним из товарищей, и

вдруг у него учащенно забилось сердце.

В дверях появился Уолтер Блант. Он вошёл с таким видом, будто ничего не случилось, и при его неожиданном появлении все вокруг стихло. Даже Майлз на мгновение замолчал, но тут же с нарочитой непринужденностью заговорил снова. В руке Блант сжимал список нарядов на службу по дому и, сделав вид, что не замечает Майлза, развернул свиток и прочитал список назначенных на службу.

Майлз поднялся и выслушал его вместе с другими. Блант свернул пергамент и сунул его себе за пояс, затем резко повернулся на каблуках и двинулся прямо на Майлза. Секунду или две стояла мертвая тишина. Все слышали, как Блант сказал:

— Слушай, на днях ты тяжко оскорбил меня. Я этого тебе не спущу, и очень скоро последует месть, которой ты не забудешь до смертного часа.

Когда Майлз увидел шагнувшего к нему Бланта, он вначале не знал, чего можно ожидать. Он бы не удивился, если бы вновь началась драка, и был готов к ней. Слова своего врага он выслушал, не дрогнув ни единым мускулом.

— Пусть будет так, Уолтер Блант. Я не боюсь тебя, чем бы ты ни вооружился.

— Неужели? — сказал Блант. — Клянусь, тебе ещё придётся поёжиться.

Он злобно и мстительно улыбнулся, медленно повернулся и пошёл прочь.

— Что ты думаешь, Майлз? — сказал Гаскойн, когда они выходили из оружейной.

— Ничего не думаю, — отрезал Майлз. — Пусть только сунется. Хуже будет только ему. — Однако Майлз не высказал всего, что было у него на сердце.

— Если бы так, — усомнился Гаскойн, — Уолтер Блант — злопамятная и хитрая бестия, и я думаю, он способен на любую гадость.

— Хуже будет только ему, — повторил Майлз, но сердце у него заныло.

Возвращение старшего бакалавра внесло большие изменения в расстановку сил. Уже накануне его возвращения бакалавры начали отходить от нанесённого им удара, а теперь обретали прежнюю заносчивость и вновь стали помыкать младшими.

— Вы что, не видите? — сказал Майлз, когда «рыцари розы» собрались в башне Брута, — они же взялись за старое. Если мы не дадим им по рукам сейчас, их произволу не будет конца.

— Не лучше ли оставить всё, как есть, Май-

лз? — сказал Уилкс. — Они просто прикончат тебя. Мало тебе злоключений?

— Этому не бывать, — ответил Майлз, — мы им не слуги и не холопы. Нынче ночью у меня будет с ними разговор.

Он сдержал слово. Перед сном, когда молодые по обыкновению бесились и дурачились в своем углу, он встал на койку и крикнул:

— Тихо! Я хочу кое-что сказать!

И, заставив всех умолкнуть, продолжил:

— Я хочу, чтобы все бакалавры слышали это: мы, оруженосцы, больше не батрачим на них, пусть ублажают себя сами. Нас сейчас двадцать, если не больше, и мы сумеем постоять за себя и других.

Майлз спрыгнул на пол. Все вокруг снова зашумело и пришло в движение, и это помешало Майлзу увидеть, какое впечатление произвели его слова на бакалавров. Однако последствия не заставили себя ждать.

На следующий день Майлз и Гаскойн состязались в метании кинжалов по деревянной мишени, висевшей на наружной стене кузни. Уилкс, Госсе и пара других оруженосцев сидели на скамье и наблюдали, то и дело выражая бурный восторг по поводу удачного броска. И

тут из-за угла показалась лохматая голова уже знакомого нам Робина Ниголдсби, того самого проказливого пажа.

— Эй, Фолворт! — выпалил он. — Блант собирается сегодня рассчитаться с тобой, я сам слышал. Он сказал, что отрежет тебе уши!

И паж исчез так же внезапно, как и появился.

Майлз бросился за ним, догнал его на середине двора и как бы тот ни верещал и ни брыкался, пришлось подчиниться силе.

— Не дергайся, — сказал Майлз, осторожно усаживая мальчика на скамью рядом с Уилксом. — Сядь здесь, порождение зла! А теперь объясни все толком, а если не перестанешь вопить, я проткну тебе горло вот этой штукой, — и он сделал угрожающий жест кинжалом.

Однако вытянуть что-либо вразумительное из вредной обезьяны оказалось непросто. Шельмец слишком хорошо знал Майлза, чтобы опасаться его угроз. Мало-помалу, посулами и уговорами, Майлзу и его друзьям удалось всё же кое-что выяснить. Маленького пажа заставили начистить походные сапоги одного из бакалавров, вместо чего он просто провалялся в постели и неожиданно заснул. Разбудили его шаги и голоса вошедших в казарму «холостяков», среди них был и владе-

лец сапог. Боясь наказания, Робин скользнул под койку и невольно подслушал разговор бакалавров. Уолтер Блант спорил со своими друзьями. Они тщетно пытались его в чём-то разубедить. Замысел Бланта состоял в том, чтобы устроить Майлзу засаду и, пользуясь численным превосходством, изуродовать его на всю жизнь, отрезав уши. Услышав это, Майлз едва не задохнулся от гнева и обиды, ведь так поступают лишь с ворами и браконьерами.

— Он не посмеет! — воскликнул Майлз, сверкнув глазами.

— Ещё как посмеет! — сказал Гаскойн. — Его отец, лорд Реджинальд Блант, влиятельный вельможа в Ноттингеме, и наш лорд закроет глаза даже на такое преступление. Но скажи мне, Робин Ниголдсби, что ты ещё знаешь об этом деле? Хорошенько подумай, Робин. Где они собираются устроить засаду?

— В воротах хозяйственного двора, чтобы захватить Фолворта, когда он пойдёт в оружейную, — ответил мальчик.

— Они уже там? — спросил Уилкс.

— Да, их должно быть девять человек.

— Я слышал, как Блант велел Мэплу пойти и собрать остальных. Он слышал, как ты, Фолворт,

говорил, что собираешься пойти за арбалетом сегодня утром, чтобы пострелять в грачей.

— Достаточно, Робин, — сказал Майлз. — Можешь идти.

Маленький прохвост рванул с места, а добежав до угла, выразительно оттянул уши, скорчил рожу и исчез.

Друзья подавленно молчали.

— Вот такие дела, — сказал наконец Майлз. — Как нам теперь быть?

— Пойдём и скажем сэру Джемсу, — предложил Гаскойн.

— Нет, — возразил Майлз, — я не поступлю, как трус. Ну что ж, если им хочется драки, они её получат.

Товарищи пытались удержать его от слишком рискованного шага, но Майлз, как обычно, сделал по-своему, он решил принять бой. А Гаскойн предложил план, которому они позднее следовали.

Уилкс ушёл собирать не занятых на службе «рыцарей розы», а Майлз и остальные отправились к кузнецу-оружейнику, чтобы получить набор ножей, с которыми они могли бы встретить своих врагов — ножей в фут длиной и с обоюдоострым лезвием. Опершись молотом на наковальню, кузнец выслушивал заказ.

— Нет, мастер Майлз, — сказал он, когда Майлз вкратце изложил суть дела. — Тут ты дал маху. С такими клинками в этом бою без смертоубийства не обойтись. Будут жертвы. А потом семья убитого возьмется за вас, и дело, возможно, дойдёт до виселицы. За этими парнями стоят могущественные кланы. Лучше вам сходить к Тому Флетчеру, мастер Майлз, и купить у него надёжные дубинки, ими можно запросто и голову проломить. А коль скоро вы начеку, с такими дубинками вам не страшны ни кинжалы, ни короткие мечи. И хотя я всю жизнь кую клинки, есть случаи, когда я предпочел бы ножу крепкую дубинку.

Майлз задумался и в конце концов согласился:

— Пожалуй, ты прав, Питер. Нам не нужна кровь убитых тварей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Из длинного вымощенного камнем оружейного двора во внутренний хозяйственный двор вёл узкий сводчатый проход с запираемыми на ночь воротцами. Именно здесь, по словам Роберта Ниголдсби, бакалавры готовили засаду. Как предусматривал план Гаскойна, Майлз должен

был направиться ко двору один, а его товарищам следовало выжидать на углу оружейной начала драки.

Не так уж легко дались Майлзу первые шаги по гулкому и пустому двору. Громовой стук сердца, казалось, вот-вот выдаст его. Майлз держал за спиной дубинку и напряженно прислушивался к каждому шороху. Посреди двора он замедлил шаг и нерешительно повернул назад, как будто для того, чтобы зайти в оружейную. И тут же из-за выступа стены выскочили бакалавры.

Майлз бросился назад, к тому месту, где прятались его друзья.

— На помощь! — кричал он как можно более заполошно.

— Бей камнями! — взревел Блант. — Мерзавец уходит!

Он нагнулся, поднял булыжник и с силой запустил ему вдогонку. Камень просвистел у виска, и, попади он в голову, можно было бы ставить точку в нашей истории.

— Сюда! Сюда! — кричали в ответ друзья Майлза, обступая его со всех сторон. А он, взмахнув дубинкой, двинулся назад, навстречу своим врагам.

Бакалавры чуть не попятились, когда увидели,

что Майлз не один. Но быстро собрались с духом и вытащили свои ножи, однако все же развернулись и побежали к месту своей засады.

Один из них на ходу метнул свой нож в Майлза, но тот с кошачьей ловкостью пригнулся, и клинок зазвенел по булыжнику. Метнувший его парень чуть отстал от остальных. И Майлз настиг его у самого поворота. Ещё секунда, и удар дубинкой свалил бакалавра с ног, тело обмякло и неподвижно распласталось на камнях.

В этот миг перед носом Майлза захлопнулись воротца в проходе, разделив обе враждующие стороны.

Шум драки уже всполошил всех, чьи комнаты выходили на оружейный двор, в окнах показались лица зевак из числа прислуги.

— Осторожно! — крикнул Майлз. — Они снова идут!

Он бросился назад, к выходу, а его товарищи заняли позиции вдоль стен, так как бакалавры уже пришли в себя и готовились к новой атаке.

Сторонники Майлза несколько замешкались при отступлении, и когда ворота распахнулись, в «рыцарей розы» полетели камни. Один из них задел голову Уилкса и сбил его с ног. Другой угодил Майлзу в плечо, парализовав левую руку. Майлз

даже подумал, что она сломана.

— Прячьтесь за выступы! — закричал кто-то из распахнутого окна. — Прячьтесь!

Юноши бросились врассыпную, как вспугнутый выводок куропаток, и за выступами контрфорсов укрылись от града камней.

В сражении наступило временное затишье, бакалавры боялись покидать защищающий их проход, чтобы не оказаться отрезанными от него. А «рыцари розы» не осмеливались высовываться из-за выступов.

Бакалавр, сбитый Майлзом, сидел на камнях, потирая затылок, Уилкс тоже пришёл в себя и ощупью двигался к ближайшему контрфорсу. Майлз выглянул из-за угла и увидел, что бакалавры сбились в кучу и о чём-то совещаются. Потом они разошлись и вперед вышел Блант.

— Эй, Фолворт, — крикнул он, — ты согласен на перемирие? Надо провести переговоры!

— Да! — отозвался Майлз.

— Даёшь слово чести, что вы не тронете нас во время переговоров?

— Да, — ответил Майлз. — Клянусь честью.

— Верю тебе на слово. Смотри! Мы складываем ножи и камни. Бросьте свои дубинки, и мы встретимся для переговоров у конюшни.

— Так тому и быть, — сказал Майлз и, поставив дубинку в угол, смело вышел на открытый двор. Сторонники его тоже выходили из своих укрытий и вставали рядом, а бакалавры во главе с Блантом двигались навстречу плотной толпой.

— Ну и что ты имеешь сказать, Уолтер Блант? — спросил Майлз, когда обе ватаги стояли возле конюшни.

— Я имею сказать, Майлз Фолворт, — сказал тот, — что не так давно ты уже предлагал мне схватиться с тобой голыми руками. Но тогда ты применил подлый приём, за который я и мщу тебе. Мне и в голову не приходило, что ты прибегнешь к уловкам мужицкой борьбы. Я был беззащитен перед такой хитростью.

— Но у тебя с собой был нож! Ты собирался заколоть его! — воскликнул Гаскойн.

— Лжёшь! — рявкнул Блант. — Не было никакого ножа! — И, не слушая возражений, торопливо продолжил:

— Ты не можешь отрицать, что я встретился с тобой, отвечая на твой вызов, Фолворт!

— Все знают, что это так, и все видели, чем это кончилось.

При напоминании о позорном поражении Бланта сторонники Майлза не могли удержаться

от смеха, а его враг чуть не прикусил язык.

— Ты так хотел, — сказал он, — и я принял твой вызов, теперь же изволь принять мой вызов и решить исход этой драки поединком между нами двоими, вооружившись мечами, щитами и кинжалами, как подобает джентльменам, а не свинарям.

— Ты трусливая мразь, Уолтер Блант! — взорвался Уилкс, на голове которого уже набухла шишка величиной с грецкий орех. — Ты знаешь, что Фолворт не пара тебе в бою на больших мечах. Ведь он на четыре года младше тебя и просто не успел набить руку в обращении с оружием так, как ты! Ты хватаешься за оружие не от избытка отваги, а из трусости!

Блант не ответил на выпад Уилкса, с кривой усмешкой он уставился на Майлза. Тот стоял, опустив глаза и не решаясь дать скорый ответ, так как знал, что в бою на больших мечах Бланту он не соперник.

— Стало быть, все-таки боишься, Майлз Фолворт? — сказал Блант под одобрительное гоготание бакалавров.

Тогда Майлз поднял глаза, которые на побледневшем лице казались темными и непроницаемыми.

— Нет, — ответил он, — я не боюсь и буду драться с тобой, Блант.

— Вот и славно. Тогда идём прямо в главный арсенал, сейчас все на обеде, и нам никто не помешает.

— Ты не будешь с ним драться, Майлз! — горячо протестовал Гаскойн. — Ты не будешь с ним драться! Он убьёт тебя! Ты не будешь драться, я сказал!

Майлз отвернулся, ничего не ответив.

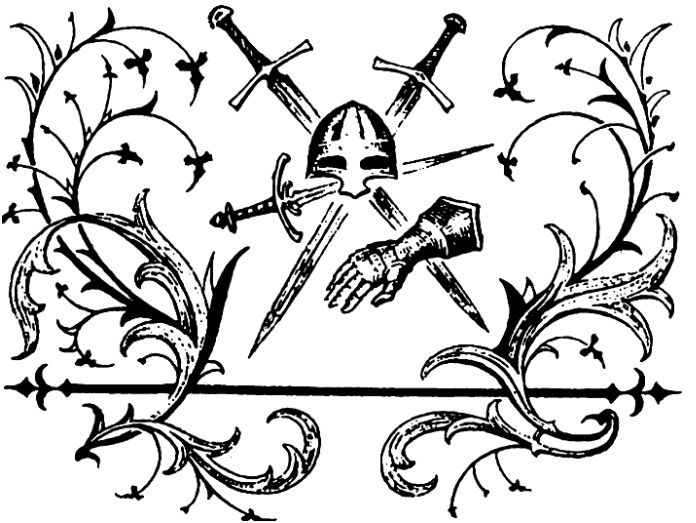
— Чего затеваете? — спросил один из прилипших к окну челядинцев.

— Блант и Фолворт будут драться в арсенале один на один, — ответил кто-то из бакалавров.

Драки оруженосцев служили развлечением и предметом пересудов для живущих в замке простолюдинов. Голова исчезла в проеме окна и послышалась шутка насчет «петушиных боев».

Но для Майлза дело было совсем нешуточным.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ



Избавлю читателя от подробного описания боя между Майлзом Фолвортом и Уолтером Блантом. Даже кулачные бои нашего времени — зрелище малоприятное, а рубка большими мечами, которая редко обходилась без большой крови и увечий, являла собой и вовсе жуткую картину.

С самого начала боя преимущество Бланта было очевидно. Они дрались уже с четверть часа, а Блант стоял все такой же прямой и свежий, как и вначале, в то время как Майлз имел не одну кровавую отметину, и Гаскойн с Уилксом уже не раз накладывали ему повязки.

Серьезных ран он покуда избежал, и быть может, не только благодаря небольшому круглому щиту и крепкому шлему, но и потому, что Блант не хотел наносить ему тяжелых увечий. Тем не менее все сторонники Майлза желали только одного — скорейшего прекращения поединка, а бакалавры заметно повеселели, осыпая Майлза язвительными шутками при каждом неудачном его ударе.

Когда ему пришлось отступить и опереться на плечо Гаскойна, верный друг шепнул ему на ухо:

— Дружище Майлз, прекрати бой. Тебе не поразить его, а он или убьёт или искалечит тебя.

Тогда и Блант, до которого донеслись обрывки фразы, вставил своё слово.

— Пока я тебя лишь пощекотал мечом, Майлз Фолворт. Я не нанес тебе опасных ран. Сдайся и признай себя побежденным! Ты прекрасно дрался, и в твоём поражении не будет позора.

— Никогда! — сдавленным голосом произнёс

Майлз. — Никогда я не сдамся! Ты можешь убить меня, Уолтер Блант, но я не признаю себя побежденным!

— Хватит! — ответил Блант. — Я больше не буду драться с тобой, Майлз Фолворт; ты получил своё.

— О небеса! — вскричал Майлз, оскалив зубы. — Ты будешь драться со мной, трус! Ты затеял этот бой, и мы доведём его до конца. Отойди, Гаскойн! — отстранил он друга, сбросив с плеча его руку. — Мы будем драться!

После этих слов Блант, кажется, начал терять хладнокровие. Он не ожидал такой безумной решимости, словно забыв про бульдожью цепкость и непреклонность Майлза.

Противники обменялись ударами, и тут друзья Майлза удивленно вскрикнули. Блант отступил, зажав свободной рукой плечо. Из-под пальцев закапала кровь, и алое пятно медленно расползалось по всему предплечью. Не веря своим глазам, он смотрел на свою окровавленную руку, а потом обвёл глазами приспешников.

— Я больше не дерусь, — мрачно сказал он.

— Тогда сдавайся! — с ликованием воскликнул Майлз.

Радостные крики «рыцарей розы» подстегнули

Бланта, и бой разгорелся с новой силой. Многим хотелось остановить его, ибо дело принимало слишком серьёзный оборот, но никто не успел вмешаться: окончание поединка было скоротечным.

Оскалив зубы, Блант нанёс противнику нижний удар, точно такой же, какой Майлз наносил сэру Джемсу Ли в учебном бою. И точно таким же образом, как и старый рыцарь, Майлз отразил выпад, мгновенно перейдя в наступление. Шлем, защищавший голову Бланта, смягчил удар. Однако Майлз почувствовал, как его меч прорубил железную пластину, и тут Блант выронил свой меч, который со звоном упал на каменный пол. Всё это длилось мгновение, но то, что произошло в тот миг, запомнилось Майлзу на всю жизнь. Его противник пошатнулся и попятился, зрачки закатились, а из-под шлема брызнули струйки крови.

Блант силился повернуться к нему, но тут же беспомощно упал лицом вниз, а Майлз, как громом пораженный, стоял над поверженным врагом. Боевой азарт уступал место страху за содеянное.

Майлз снова одержал победу — но до чего же она оказалась жестокой!

— Он мёртв? — шепотом спросил он Гаскойна.

— Не знаю, — сказал белый как мел Гаскойн. — Пойдём отсюда!

И он потащил его за собой.

Немного позже в казарму вошёл один из бакалавров. Майлз лежал на кровати, стиснув зубы от пульсирующей боли в свежих рубцах, а бакалавр с суровым немногословием передал ему приказ немедленно идти к сэру Джемсу, который только что вернулся с обеда.

Однако Майлзу уже сообщили, что Блант жив и даже пришёл в себя, и на душе сразу же полегчало, несмотря на то, что разговор со стариком не сулил ничего хорошего.

Сэр Джемс был в кабинете один. Майлз, ничего не утаивая, рассказал ему все обстоятельства происшествия. Джемс угрюмо молчал, глядя в окно.

— Никогда, — сказал он наконец, — я не видел здесь ни одного оруженосца, который ухитрился бы затеять, как ты, столько свар. Похоже, ты задумал убить этого парня.

— Нет, — честно ответил Майлз. — Бог не велит!

— Однако, — сказал сэр Джемс, — ты так щедро его попотчевал, что он лишь случайно выжил, чтобы подставить себя под новый удар. Это твоя

вторая победа над ним, в третий раз ты, чего доброго, прикончишь его.

Сэр Джемс снова грозно нахмурился и отчеканил:

— Будь я проклят, если не положу этому конец, больше вы не будете драться на клинках. Иди в казарму и всю неделю не высовывай носа. Майкл будет приносить тебе хлеб и воду дважды в день. Попостишься с неделю, и голова, небось, поостынет.

Майлз ожидал гораздо более сурового наказания, и столь безобидный исход разговора вызвал у него невольный взрыв смеха, он нервически дрожал и вытирал слёзы.

Сэр Джемс внимательно взглянул на него.

— У тебя бледное лицо, — сказал он. — Ты серьёзно ранен?

— Нет, — сказал Майлз, — нет, но меня тошнит.

— Понимаю, — сказал сэр Джемс. — Так бывает всегда, когда после боя начинаешь чувствовать раны и потерю крови. Когда поправишься, не лезь лишний раз в драку. А теперь ступай в казарму и ни шагу за порог. Я пришлю Джорджа-цирюльника глянуть на твои царапины. Свежие раны требуют холода.

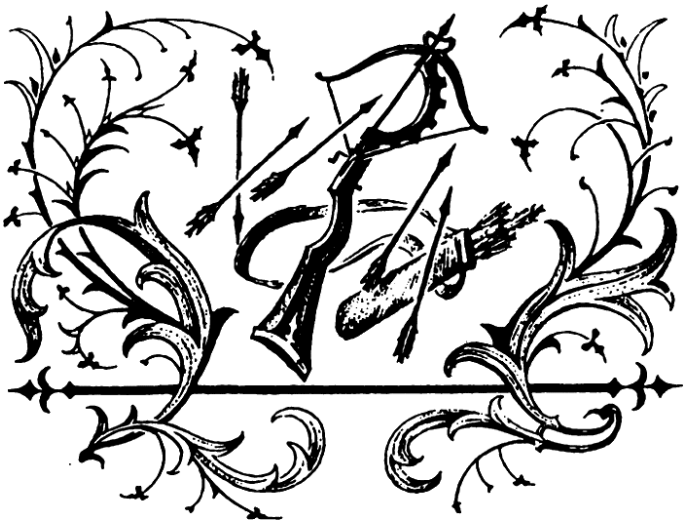
Майлз, наверно, был бы немало изумлён, узнай он, что вскоре после того, как он покинул кабинет, сэр Джемс поднялся к графу и доложил ему о происшествии с таким смаком и юмором, что граф трясся от смеха.

— Да, — крякнул он, выслушав рассказ, — характер у парня кремневый. Что касается этого детины, Бланта, его надо перевести в разряд джентльменов. Должно быть, уже созрел. В одной берлоге двух медведей оставлять нельзя, иначе будет смертоубийство.

С тех пор Блант уже не показывался в казарме оруженосцев, а младшие больше не прислуживали старшим.

Так выиграл Майлз первое в своей жизни серьёзное сражение.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ



Погожее лето сменилось хмурой осенью. Майлз уже примирился со своим положением, отделявшим его от других оруженосцев и не удивлялся тому, что ему не позволено служить в доме при графе. Не могу сказать, что это оставляло его совсем равнодушным, однако время показало, что

такое пренебрежение его персоной давало ему свои преимущества.

У Майлза было больше свободного времени, чем у кого бы то ни было. Его однокашники часто отрывались от упражнений в военном искусстве ради исполнения придворных обязанностей. Майлз же порой мог распоряжаться своим временем, как заблагорассудится.

Но несмотря на то, что ему не приходилось отираться в графских апартаментах, все новости о том, что там происходит, он знал из рассказов и сплетен товарищей. Он мог составить себе некоторое представление о миледи — болезненной увядающей даме, ещё не достигшей среднего возраста, но со следами преждевременной старости на бледном лице; о леди Энн — двадцатилетней дочери хозяина, темноволосой и надменной красавице с ястребиным, как у отца, носом, если верить словам пажей и оруженосцев. В замке жила и леди Элис, племянница графа Хауса — находившаяся под его опекой наследница большого состояния. Судя по описаниям, это была красивая черноглазая девица лет пятнадцати.

К семейному кругу принадлежал и брат графа, лорд Джордж Бьюмонт, которого Майлзу пришлось вскоре узнать лучше, чем кого-либо из

главных фигур замка, исключая разве что сэра Джемса.

После кровопролитной стычки в оружейной лорд Джордж проникся к юноше некоторым расположением, он временами вызывал его к себе и вел с ним разговоры о том, чем живёт и о чём мечтает юный оруженосец.

Возможно, младший брат графа, который сам когда-то был солдатом удачи и воевал в Испании, Франции и Германии, чувствовал в этом парне родственную душу и ценил его за то, что Майлз своими силами пробивает себе путь в жизни.

Однако, несмотря на доброе отношение лорда Джорджа, приблизившего Майлза и в смысле служебных обязанностей, юношу всё же задевало пренебрежение самого хозяина.

Кроме этого ближайшего круга общество графа составляли многочисленные рыцари, леди и джентльмены из числа родичей или вассалов семейства Бьюмонтов, которые, как и подобало знатным вельможам тех времён, жили лишь с немного меньшим размахом, чем их сюзерены.

Многих рыцарей и баронов Майлз скоро уже знал в лицо, встречая в апартаментах лорда Джорджа в южном крыле главного здания, и некоторыми из них был явно замечен, удоста-

иваясь приветственного кивка или даже пары любезных слов.

Каждое время года имеет свои прелести, а перемены, которые оно несёт, всегда радуют мальчишескую душу.

В нашей памяти сохраняются картины прошедших времён в первоначальной свежести и сочности красок. Одна из таких картин особенно грела сердце Майлза: вместе с остальными оруженосцами он стоит на заиндевевшей осенней траве двора и стреляет из лука в диких уток. Когда дул сильный восточный ветер, они низко летели к озеру в заповедном оленьем парке позади холма. И не раз тушки диких уток, подстреленных во время этого перелета, попадая в руки доброй толстухи мамаши Джоан, становились лакомством в их убогом меню, и даже самый жёсткий, насквозь пропахший рыбой селезень, будучи их добычей, имел такой обворожительный вкус, что впоследствии его не заставили забыть изысканные кушанья.

Потом наступила зима, тусклая, холодная и необычайно скучная — не та, что мы знаем сегодня, с уютным теплом каминов и шелестом книжных страниц, то была зима, беспощадная в своей суровости. В огромных холодных замках

той поры единственным источником тепла и света служили пылающие брёвна. С шипением и страшным треском горели они на открытом каменном ложе, вокруг которого собирались обитатели замка, защищая лица от нестерпимого жара и ежась от холода, наступающего сзади, а на сверкающих инеем стенах плясали гигантские тени.

В те дни не было книг для ежедневного чтения, досуг скрашивался пересказом часто одних и тех же историй и небылиц и грубыми шутками, встречаемыми жеребячьим ревом восторга.

Но пустота и скука зимних дней, даже холод, сковавший жизнь замка, не лишали мальчиков определенных радостей. Ведь как бы ни была неприятна снежная слякоть, она дает возможность для перестрелки снежками и иных незамысловатых забав.

В ту зиму ров трижды покрывался льдом, и мальчишки, соорудив коньки из трубчатых костей, которые покупали на кухне за несколько пенсов, скользили по гладкой поверхности с такими ликующими криками, что с верхушек деревьев испуганно поднимались в воздух стаи ворон и галок.

На святки, которые тогда были некоторым

подобием сегодняшнего Рождества, в главном зале задавался пир на весь мир, и всех, кто жил в имении, кормили в присутствии графа и графини. На вертелах жарились туши быков и овец; огромный сдобный пудинг из овсяной муки, подслащённый мёдом и начинённый сливами, готовили в кипящих котлах на открытом дворе; целые бочки эля[9] и виноградного вина выкатывались из подвалов, и все, невзирая на род и звание, были званы на пир. После застолья гостей развлекали лицедеи какой-нибудь площадной пьесой, а вечером на помосте в северном зале разыгрывалась мистерия[10].

Потом целую неделю весь замок питался остатками с пиршественного стола, покуда лакомства не приедались настолько, что хотелось просто обычного куска мяса с горчицей.

Наконец, следуя неумолимым законам, зима отступила, и даже любители зимних забав обрадовались теплым ветрам, робким всходам зелени, весеннему кряканью уток, засобиравшихся откочевать на север. А вскоре лопнули почки на деревьях, над травой поднялись крокусы и

---

[9] Примечания: 9
Сорт крепкого пива.

[10] Примечания: 10
Средневековая драма на библейский сюжет.

бледно-жёлтые нарциссы.

Вместе с весной возвращались и забавы на открытом воздухе, уже в ту пору мальчишки знали игру в мяч, и называлась она трэп-болл. Даже сейчас в некоторых частях Англии в неё играют точно так же и с неменьшим удовольствием, чем во времена Майлза Фолворта.

В теплые весенние дни он и его товарищи гоняли мяч обычно после полудня, на площадке между крепостной стеной и стеной сада, на аллеях которого гуляли леди из графской семьи и куда выходили их апартаменты.

Однажды, когда оруженосцы со всем пылом предавались любимой игре, Майлз сам стоял на линии. Ветер дул ему в спину, и может быть поэтому уже три или четыре его мяча перелетели через всю площадку, за ними приходилось бегать почти до стены сада. А при очередном ударе, в который Майлз вложил всю свою силу, мяч взвился в небо, и его отнесло в сад.

Крики игроков мгновенно стихли, а Гаскойн, ближе всех стоявший к Майлзу, сунул руки за пояс и восхищенно присвистнул.

— Ну все, Майлз, — сказал он. — Игры уже не будет… пока не достанем новый мяч.

Другие игроки постепенно собирались вокруг

Майлза.

— Я тут ни при чём, — убеждал он недовольных друзей. — Откуда мне было знать, куда ветер подует! Но коли я потерял мяч, я его и верну. Придется перелезть.

— Не вздумай, Майлз! — испуганно возразил Гаскойн. — Ты что, сумасшедший? Хочешь получить стрелу между рёбер, как тот бедняга повар?

Сад был, наверно, самым укромным и охраняемым от посторонних глаз уголком крепости.

На этот укрытый зеленой сенью клочок земли не допускался никто, кроме графини и ближайших родственников. Всего за месяц до появления Майлза в Дельвене, один из поваров, взобравшихся на стену, был сражен стрелой арбалетчика. Бедный парень качнулся назад и упал в сад. Когда его уносили, он ещё держал в руке букет цветов, который, вероятно, нарвал для своей милой. Если бы Майлз видел, как его несли на носилках в лазарет, чему были свидетелями многие оруженосцы, он бы, наверное, не один раз подумал, прежде чем решиться на дерзкий шаг. Но Майлз лишь покачал упрямой головой и подтвердил своё намерение.

В то время в низинной части площадки, на расстоянии двенадцати — пятнадцати футов

от стены росла старая груша, ветви которой свешивались над стеной сада. Поэтому, сперва убедившись, что вокруг нет посторонних соглядатаев и приказав товарищам быть начеку, Майлз влез на дерево, выбрал сук потолще и, перебирая руками на весу, двинулся в сторону сада. Вскоре он висел уже над самой стеной, за которой виднелись кроны цветущих деревьев, увитая зеленью терраса напротив апартаментов графини, клумбы, подстриженные газоны, чисто выметенные дорожки и согбенную фигуру глухого садовника на куртине.

Верх стены был острым, как конек крыши, камень покрылся зеленым бархатом мха, и Майлз понял, что надо особенно изловчиться, чтобы при прыжке нога не соскользнула с этой зыбкой оболочки.

Собравшись с духом, он расцепил пальцы, и сук резко подался вверх, а Майлз упал на ребро стены. Мох под его ногами тут же превратился в скользкую кашицу. Майлз пытался ухватиться за неровности стены, но руки беспомощно поползли вниз и, громко вскрикнув, он рухнул прямо в сад! За какую-то долю секунды целый вихрь мыслей пронесся в его голове, пока он не понял, что вломился в гущу древесной кроны. В ушах стоял

звук треснувшей верхушки, и, хватаясь руками за воздух, он упал на землю сада. Послышался чей-то испуганный возглас, сквозь рябь в глазах мелькнули чьи-то лица и яркие пятна одежд, а когда он сел, то с великим смущением убедился, что находится нос к носу с леди Энн, дочерью хозяина дома, и её кузиной, леди Элис, которые, испуганно прижавшись друг к другу, смотрели на него широко открытыми глазами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Какое-то время стояла мёртвая тишина, можно было даже расслышать шелест падающих на землю листьев.

Первой заговорила леди Энн.

— Кто вы и откуда взялись? — спросила она дрожащим голосом.

Набравшись смелости, Майлз ответил:

— Моё имя — Майлз Фолворт. Я один из оруженосцев.

— О! да! — воскликнула леди Элис. — Кажется, мне знакомо ваше лицо. Не вас ли я могла видеть в свите лорда Джорджа?

— Да, леди, — сказал Майлз, теребя оторванную ветку, — я часто находился при его персоне.

— И что же вы делаете здесь? — гневно спросила леди Энн. — Как вы осмелились на вторжение в наш сад?

— Я не собирался делать это… таким способом! — забормотал Майлз, заливаясь краской. — Но я поскользнулся на краю стены и просто упал. Честное слово, леди, я не желал вам вреда и не хотел напугать вас.

В своей рваной одежде, с застрявшими в ней ветками, он имел такой сконфуженный и безобидный вид, что леди уже не могла сильно гневаться на него. Она и её кузина обменялись лукавыми улыбками.

— Но, скажите мне, — всё ещё строгим тоном потребовала леди Энн, сдвигая свои красивые брови, — почему вам пришло в голову забираться на стену?

— Мне нужно найти мяч, — ответил Майлз, —

который я случайно закинул сюда со двора.

— И вы не нашли лучшей причины, чтобы забраться в наш сад? — спросила леди Энн.

— Нет, — сказал Майлз, — конечно, мяч — не бог весть что, но, по правде говоря, я немного переусердствовал в игре, и мог бы лишить своих друзей удовольствия продолжить игру, если бы не вернул мяч.

Обе молодые леди к этому времени совершенно успокоились. Леди Энн незаметно касалась локтем своей кузины, и та отвечала ей смехом. Майлз услышал её смех и почувствовал, что краснеет всё гуще.

— Что ж, — сказала Энн, — я верю мастеру Жилю…

— Моё имя Майлз, — поправил Майлз.

— Итак, мастер Майлз, я верю, что вы не хотели причинить нам вреда. Тем не менее, это может плохо для вас кончиться. Если мой отец обнаружит вас здесь, он сурово накажет вас за вторжение. Разве вы не знаете, что никому из мужчин не разрешено входить сюда, кроме моего дяди Джорджа? Парень, который однажды залез сюда, чтобы нарвать яблок, остался без ушей, а не более года тому назад один из поваров был подстрелен на стене часовым.

— Да, — ответил Майлз, — я слышал об этом бедняге. Однако, если я не найду мяч, как мы будем продолжать игру?

— Я вижу, ты храбрый парень, — сказала молодая леди, — и коль скоро ты не побоялся проникнуть сюда, то не уйдёшь отсюда с пустыми руками. Куда ты забросил его?

— Он, наверно, вон у той вишни, — сказал Майлз, кивая в направлении дерева. — Если вы позволите мне пойти и взять его, я больше не буду вас беспокоить.

С этими словами он сделал первый шаг.

— Молодой человек! — остановила его леди Энн. — Не двигайся с места! Если ты пойдёшь в открытую, кто-нибудь из дома может увидеть тебя и поднять тревогу. Тогда тебя схватят. Я сама принесу мяч.

Тут она покинула Майлза и кузину и по небольшому газону, огибая кусты шиповника, направилась к дереву.

Когда Майлз уразумел, что остался наедине с леди Элис, он не знал, куда деть глаза и продолжал терзать в руках свою измочаленную ветку.

Леди Элис следила за ним смеющимися глазами.

— Ты решил стереть её в порошок? — весело

спросила она, но за этим последовал вполне серьёзный вопрос:

— Ты не ушибся, когда падал?

— Нет, — сказал Майлз, поднимая глаза, — случалось ушибаться и посильнее.

— Неужели? — сказала леди Элис. — Ты здорово напугал меня и мою кузину тоже.

Майлз озадаченно посмотрел на неё и выпалил:

— Если бы я знал, что так получится, я не стал бы вас пугать ни за что на свете.

Молодая леди прыснула и покраснела.

— Всё на свете — это очень много, — сказала она.

— Да, — согласился он, — это очень много, но ещё больше и страшнее — испугать вас, и я никогда бы не сделал этого.

Молодая леди снова засмеялась, но ничего не ответила на его слова, и молчание затянулось настолько, что она заставила себя произнести:

— Видно, моя кузина ещё не нашла мяч.

— Должно быть, — сказал Майлз, силясь поддержать разговор, и снова наступило молчание, длившееся до тех пор, пока не появилась леди Энн с мячом в руке. При её появлении Майлз с облегчением вздохнул, хотя и почувствовал неко-

торое сожаление. Потом он взял мяч и отвесил своим новым знакомым почтительный поклон.

— Вы не ушиблись? — спросила леди Энн.

— Нет, — ответил Майлз, качая головой. — Это ещё пустяки. Однажды я упал с прибрежного дуба и угодил прямо на корень, не знаю, как голова ещё уцелела. А однажды, когда я был ещё ребёнком в Кросби-Холле, мне вздумалось ухватиться за крыло ветряной мельницы и прокатиться по воздуху. Всё это закончилось плачевно, так что, я уже привык к синякам и ушибам.

— О, расскажи нам поподробнее, — попросила леди Энн. — Я никогда не слышала о подобных приключениях. Пойдём, сестричка, сядем на ту скамью и послушаем интересные истории.

В этот момент друзья Майлза по ту сторону стены стали негромко, но настойчиво свистеть, не зная, что с ним случилось: сломал ли он себе шею или отделался лёгким испугом.

— Я бы с удовольствием остался с вами, — нерешительно сказал Майлз, — и с радостью поведал бы обо всём, что вам любопытно узнать, но вы слышите: друзья зовут меня с той стороны. Может быть, они вообще не уверены в том, что я жив. Если бы я мог свистнуть им в ответ и кинуть им этот мяч, всё бы уладилось, они узнали бы, что я

не ранен, и, возможно, ушли бы отсюда.

— Тогда ответь им, — велела леди Энн, — а потом расскажешь нам, как катался на ветряной мельнице. Мы, молодые леди, так мало слышали подобных историй, ведь нам не разрешается разговаривать с юношами, всё, что мы слышали — это истории о рыцарях и рыцарских поединках. Нам будет очень приятно, если ты расскажешь нам о своих приключениях.

Тогда Майлз перебросил мяч своим товарищам, объяснившись с ними условным свистом.

Потом он рассказал девушкам не только о случае на мельнице, но и о многих других переделках и рассказал хорошо: с живостью и вдохновением, словно ещё раз пережил каждый из мальчишеских подвигов. Он быстро перестал дичиться своих собеседниц и даже удивлялся той лёгкости, с какой вёл свой рассказ в обществе двух очаровательных особ. Но пора было и честь знать.

— Могу поклясться, — сказал он, вздохнув, — что никогда в жизни мне не случалось проводить время в таких приятных беседах, разве только с матушкой. Здесь это бывает так редко, я могу отводить душу лишь в разговорах с Гаскойном, моим другом. Мне бы хотелось прийти сюда снова.

Это прозвучало с такой искренностью и покоряющим простодушием, что девушки обменялись веселыми взглядами и рассмеялись.

— Ты и в самом деле, — заметила леди Энн, которая была на три или четыре года старше Майлза, — храбрый парень, раз просишь о такой вещи. Но как ты попадёшь сюда? Снова свалишься на наши куртины?

— Нет, — сказал Майлз, — больше я этого не сделаю, но если бы вы приказали, я бы нашёл способ попасть сюда.

— Нет, — сказала леди Энн, — я не беру на себя смелость приказывать тебе совершить столь безрассудный поступок. Тем не менее, если у тебя хватит мужества прийти…

— Да, — обрадовался Майлз, — я не побоюсь!

— В таком случае мы будем здесь в следующую субботу в этот же час. Я бы с удовольствием послушала ещё парочку историй. Но напомните мне своё имя.

— Майлз Фолворт.

— Тогда мы наречём тебя сэром Майлзом, так как ты воистину странствующий рыцарь. Но постой! Каждый рыцарь должен иметь даму, чтобы служить ей. Тебе нравится моя кузина Элис в этой роли?

— Да, — радостно согласился Майлз, — очень!

И столь смелое признание заставило его покраснеть до корней волос.

— Не нужен мне никакой странствующий рыцарь, — смущенно воскликнула Элис. — Ты мне надоела, кузина! Если тебя так занимает служение даме сердца, пусть этот рыцарь будет твоим.

— Нет уж, — рассмеялась леди Энн, — я сказала, что ты будешь его дамой, а он твоим рыцарем. И кто знает, может быть, он совершит ради тебя чудесные подвиги, достойные пера самого Чо-

сера?[11] Но сейчас, сэр странствующий рыцарь, вы должны оставить нас, и мне придётся тайно вывести вас через заднюю калитку. И всё же, если вы рискнёте прийти сюда снова, пожалуйста, будьте осторожны, так как вам могут подстричь уши совсем не по рыцарской моде.

Этим же вечером он поведал об истории в саду Гаскойну, который слушал его с раскрытым от изумления ртом.

— Но, Майлз, — озадаченно воскликнул он, — неужели леди Энн не показалась тебе чопорной гордячкой?

— Нет, — сказал Майлз, — только поначалу, когда отчитывала меня за шумное вторжение. Вообрази, Френсис! Леди Энн сама назвала леди Элис моей дамой сердца и велела мне по-рыцарски служить её кузине.

Потом он рассказал о том, что ему позволено вновь повидать молодых леди, и это произойдёт в субботу в том же месте.

Гаскойн издал долгий изумлённый свист и молча уставился в голубое небо. Наконец он повернулся к своему другу и сказал:

---

[11] Примечания: 11

Джефри Чосер (1340? — 1400) — английский поэт, создавший один из первых памятников на общеанглийском литературном языке — «Кентерберийские рассказы».

— Клянусь тебе, Майлз Фолворт, никогда в жизни я не слышал о таком счастливом падении с десятифутовой высоты.

Когда выпадала возможность переслать письмо в Кросби-Холл, Майлз непременно писал матери. Нетрудно догадаться, с какой радостью встречала вести от сына добрая леди и спешила донести их до слепого лорда, читая и перечитывая шелестящие квиточки пергамента.

Не умолчал Майлз и о своём приключении в саду и о своих новых визитах к его молодым хозяйкам. Слог его писем отражал английский язык той эпохи, и кажется теперь довольно причудливым и замысловатым, как язык произведений Чосера. Нынешним школьникам такие тексты даются в адаптированном виде. Попробуем на современный лад передать строки Майлза:

«…А теперь разрешите мне рассказать вам, что последовало за теми событиями, которые познакомили меня с двумя юными дамами. Готовясь к штурму стены, я взял с собой двадцать четыре больших костыля, которые Питер-кузнец сработал для меня, и за которые я заплатил ему пять пенсов, что остались от моего полугодового жалования, а достать больше я тогда не мог. Иначе мне пришлось бы обратиться к сэру Джемсу,

у кого, как я говорил вам, хранятся мои деньги, которые отец Эдуард дал мне на черный день.

Но а те самые костыли, о которых я уже упоминал, я забил в стену между камнями, а мой товарищ и верный друг Гаскойн помогал мне в этом. И вот наступила суббота. Я взобрался на стену, оттуда на крышу сарая садовника, где стал ждать подходящей возможности спуститься, не подвергая себя большой опасности.

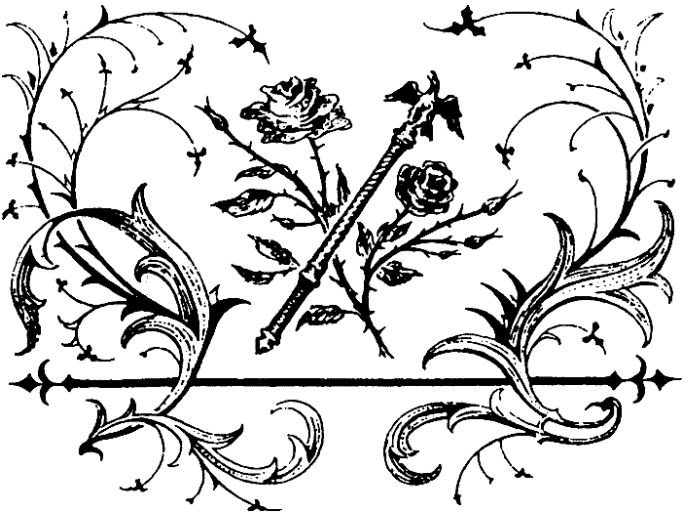
А две молодые дамы, приказавшие мне прийти, увидев меня, удивились, так как на самом деле не ожидали, что я решусь, и выговаривали мне за то, что я рисковал столь безрассудно. Но думаю, они были рады моему приходу, чего не сделать я не мог, ибо, как я уже описал вам, одна из них моя дама сердца, и другой возможности увидеть её и говорить с ней у меня не было».

Такова картина, нарисованная самим Майлзом, и из этих слов можно понять, что его безрассудное удальство не столько огорчило девушек, сколько расположило их к нему.

За месяц, прошедший с первого знакомства, Майлз перелезал через стену примерно с полдюжины раз, он делал бы это чаще, если бы это позволила леди Энн. Однако их знакомство переросло в искреннюю дружбу. И не раз, находясь

в свите лорда Джорджа, Майлз удостаивался мимолетной улыбки или приветливого кивка двух юных дам, с которыми его связывала тайная дружба.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ



Где-то через месяц встречам в саду пришел неожиданный конец, а вместе с ними, как убедился Майлз, закончился и целый отрезок его жизни в замке Дельвен.

Однажды, субботним полднем он, как обычно, спрыгнул со стены в сад и, прячась за кустами шиповника, дабы его не заметили из окон апарта-

ментов графини, стал пробираться к маленькой укромной беседке, где была назначена встреча.

Около получаса длилась милая болтовня юного оруженосца со своими очаровательными конфидентками[12]. Он уже собрался покинуть сад и, положив руку на перила, досказывал на ходу уморительную историю с чучелами, которых эсквайры нарядили в мужские плащи и шляпы, чтобы попугать одного зловредного часового.

Юные леди смеялись до слёз, но он вдруг увидел, как их весёлые лица вытягиваются и мертвеют от ужаса. Леди Элис даже вскрикнула и порывисто поднялась со скамьи.

Майлз резко обернулся и похолодел: на лужайке у входа в беседку стоял сам граф Хаус и взгляд его ястребиных глаз не предвещал ничего доброго.

Какое время длилась немая сцена, Майлз не смог бы сказать и позднее, когда обдумывал происшедшее. Он помнит лишь, как леди Энн тоже встала, и обе девушки застыли, подобно статуям. А граф повелительно указал им тростью на флигель замка, и рука хозяина заметно дрожала.

— Так вот какие новости, — со зловещей хри-

---

[12] Примечания: 12

Конфидент — человек, которому поверяют всякие секреты и тайны.

потцой сказал он. — Вы обманывали меня и тайно встречались с этим парнем? Я с ним сейчас разберусь. А вы немедленно ступайте и ждите своей участи. Да побыстрее! Идите, говорю!

— Отец, — дрожащим голосом и облизывая побледневшие губы, заговорила наконец леди Энн. — Не причиняй вреда этому юноше. Пощади его. Я умоляю тебя, ибо это я велела ему прийти сюда. Не будь наша воля, он не появился бы здесь.

Граф топнул ногой.

— Вы что, оглохли? — прохрипел он, всё ещё указывая на дом своей трясущейся тростью. — Вам велено идти в свои покои. Я поступлю с этим юношей, как сочту нужным.

— Отец… — снова взмолилась леди Энн, но граф угрожающе рубанул воздух, леди Элис вскрикнула, а её кузина осеклась на полуслове. Потом она повернулась и вышла через заднюю дверь беседки, леди Элис последовала за ней, обеих била дрожь, как в лихорадке.

Граф стоял, гневно сверкая глазами из-под своих кустистых бровей, пока девушки не скрылись из виду, поднявшись на террасу и исчезнув в глубине покоев.

Майлз слышал, как их шаги становились всё

глуше и глуше, но не поднимал глаз. На земле у его ног лежали четыре веточки, и он заметил, что они образуют квадрат, который стал бы совсем правильным, если бы он подвинул одну из них носком башмака, а потом ему показалось странным, что он думает о таких глупых вещах в столь страшный момент.

Он чувствовал, что граф мрачно смотрит на него, и не знал, как ему быть. Внезапно лорд Хаус произнёс:

— Что ты можешь сказать?

Тогда Майлз поднял глаза, и граф сурово усмехнулся, оглядывая свою жертву.

— Мне нечего сказать, — ответил он сдавленным голосом.

— Ты разве не слышал, что сейчас заявила моя дочь? — спросил граф. — Она сказала, что ты пришёл не по своей воле. Это правда, молокосос?

Майлз колебался, его горло стало сухим и шершавым.

— Нет, — вымолвил он наконец, — она оговорила себя. Впервые я попал сюда без их ведома. Я случайно упал с дерева, когда искал мяч, потом я спросил у молодых леди, могу ли я снова прийти сюда, я сам просил их об этом. Но что до леди Энн — нет, не по её воле я приходил в сад.

У графа заклокотало в горле.

— И как часто ты здесь бывал? — спросил он наконец.

— Семь раз, — немного подумав, ответил он.

Последовала ещё минута безмолвия, и Майлз начал думать, что, может быть, всё ещё закончится хорошо. Но граф тут же разбил эту надежду.

— Ты хорошо знаешь, — сказал он, — что никому не разрешено появляться здесь. Ты хорошо знаешь, что уже двое мужчин были наказаны за то, что сделал ты, и однако же, пришёл сюда. Теперь ты знаешь, как будешь наказан?

Майлз нервно сунул пальцы в просветы дубовых перил, как бы ища опоры.

— Может быть, вы убьёте меня, — произнёс он наконец глухим неровным голосом.

Граф мрачно улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — я не убью тебя, так как ты благородной крови. Но что ты скажешь, если я велю отрезать тебе уши или прикажу выпороть плетью на большом дворе?

От такого унижения у Майлза вскипела кровь, и он уже не прятал глаз.

— Нет, — сказал он с отвагой, удивившей его самого, — вы не поступите со мной столь неблагородно. Я ровня вам, сэр, по крови, поэтому вы

можете убить меня, но не имеете права позорить!

Лорд Хаус отвесил ему нарочито манерный поклон.

— Бог мой! — воскликнул он. — Я-то думал, что поймал нашкодившего сорванца из числа своих недотёп-оруженосцев, но, видно, мне приходится иметь дело с блистательным молодым лордом или даже с принцем крови. Тогда нижайше прошу прощения, если был недостаточно почтителен с вами.

Майлз почувствовал, что гнев окончательно развязывает ему язык.

— Нет, — твердо сказал он. — Я не лорд и не принц, но я ровня вам. Или я не сын вашего товарища по оружию и вашего родственника, лорда Фолворта, который, как вам известно, несправедливо осужден, унижен и доведен до бедноты? — выкрикнул он, оскалив зубы, так как мысль о семейном горе ещё сильнее подхлестнула его. — Но я бы предпочел быть им, а не вами, хоть он и в беде…

Все же у Майлза хватило ума остановиться на этих словах… Граф, крепко сжав за спиной трость и слегка нагнув голову, пристально смотрел на юношу из-под своих кустистых бровей.

— Ну, — сказал он, — теперь ты зашёл слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Говори, что начал, до конца. Почему ты не хочешь быть на моем месте?

Майлз не ответил.

— Ты закончишь свою речь или трусливо отмолчишься? Твой отец в беде, а что ты скажешь про меня?

Майлз сделал над собой усилие и выпалил:

— Вы покрыты позором.

Последовало долгое молчание.

— Майлз Фолворт, — заговорил наконец граф, — ты самый глупый из всех дерзких, сумасшедших, безмозглых дураков. Как ты смеешь говорить мне такие слова? Ты не понимаешь, какое навлекаешь на себя наказание?

— Да! — крикнул Майлз в отчаянии. — Но что ещё я мог сделать? Не произнеси я этих слов, вы назвали бы меня трусом, а я не трус.

— Боже мой! — воскликнул граф. — Не могу тебе не поверить. Ты самый дерзкий и нахальный негодяй на всем белом свете! Ты говоришь, я не думал о своем старом товарище. Я докажу тебе, что это ложь. Я стерплю твою глупую дерзость ради твоего отца и ради него прощу твоё появление здесь, чего не спустил бы никому. А теперь

уходи и чтоб духу твоего здесь больше не было, там, сзади — калитка, ты, наверное, знаешь. Хотя постой! Как ты попал сюда?

Майлз рассказал о костылях, забитых в стену, граф слушал его, ожесточенно теребя бороду. Когда юноша замолчал, тот вперил в него пристальный взгляд.

— Но ты не один забивал эти костыли. Кто тебе помогал?

— Этого я не могу сказать, — прямо ответил Майлз.

— Так тому и быть, — согласился граф. — Я не попрошу тебя называть имя. Теперь иди! Да… вот что! От костылей не должно оставаться и следа! И больше никаких выходок, если тебе дорога жизнь. А вот теперь ступай с глаз моих!

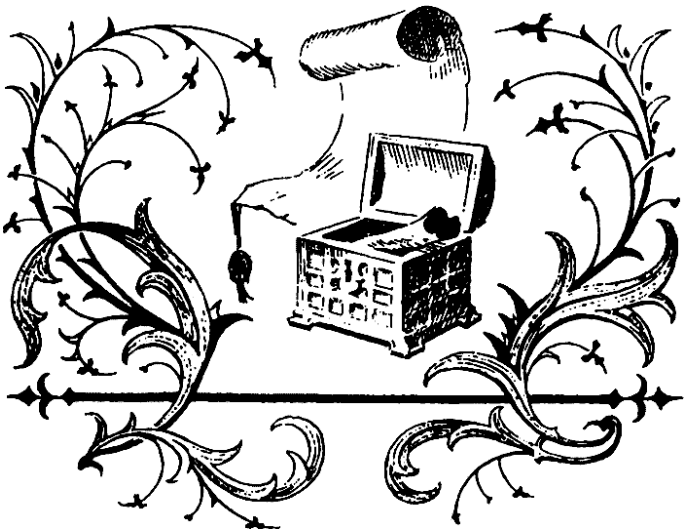
Майлзу не нужно было повторять дважды. Он повернулся и, не проронив ни слова, пошёл прочь. Открывая калитку, он оглянулся через плечо и увидел высокую фигуру в длинной отороченной мехом мантии, застывшую на дорожке и провожавшую его взглядом из-под мохнатых бровей.

Когда он бежал через двор, сердце всё ещё бешено колотилось, и он тихо пробормотал: «Старый самодур! Если бы я не встретил его так смело, он,

возможно, назначил бы мне то позорное наказание, о котором говорил».

Прошло время, и душевные ссадины, оставленные тем разговором, мало-помалу зажили, остались лишь приятные воспоминания о пережитом приключении в запретном саду.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ



Майлз поздравлял себя с мирным исходом столкновения с графом. Но уже через несколько дней, когда он ещё раз осмыслил происшедшее, Майлз все больше возвращался к мыслям о рыцарской доблести в присутствии своей дамы сердца и стал мечтать о судьбе странствующего

рыцаря и защитника юной леди. Разве не роняет рыцарскую честь столь легкий и покорный отказ от этого служения по единственному знаку графа?

— Всё-таки, как бы то ни было, — делился он своими мыслями с Гаскойном, — она определённо признала меня как своего рыцаря, а я не осмелился произнести ни единого слова в её защиту.

— Нет, — сказал Гаскойн, — я бы не беспокоился на этот счёт. Ты удивительно удачно выбрался из этой передряги. Я и представить себе не мог, что милорд так милостиво обойдется с тобой. Мне кажется, он даже весьма благоволит к тебе.

— По правде сказать, — ответил Майлз после короткой паузы, — я не вижу здесь никакого благоволения, а думаю, что это объясняется лишь его уверенностью в своём превосходстве.

— Но что это меняет, Френсис? Да, я поступил позорно, не вступившись за свою леди, впредь такого не будет. Я много думал об этом, Френсис, и теперь пришёл к тебе за помощью с моём трудном деле. Я хочу, чтобы ты оказал мне дружескую услугу. И прошу тебя, когда в очередной раз будешь на службе в доме, передай леди Элис письмо, которое я сейчас напишу и чем попыта-

юсь загладить свои промахи.

— Боже правый! — воскликнул Гаскойн. — Ты думаешь, я такой дурак, чтобы обжигать себе пальцы, таская из огня твои каштаны! Передавай своё письмо сам, дружок!

Но как и прежде, Гаскойн все-таки уступил воле и настойчивости Майлза. Так что письмо было написано, и однажды добрый Гаскойн понёс его с собой в дом и, улучив удобный момент, передал одной из молодых девиц, состоящих при графской семье — девушке, с которой у него были доверительные отношения.

Но если Майлза и воодушевили первые успехи задуманного дела, длилось это недолго. Той же ночью, когда толпа пажей и оруженосцев, как обычно, готовилась ко сну, среди рёва полусотни глоток послышался чей-то властный голос:

— Майлз Фолворт! Майлз Фолворт!

— Я здесь! — крикнул Майлз, вставая на свою койку. — Кто это?

У входа стоял постельничий графа, и, увидев, как Майлз поднялся над головами остальных, он направился к нему через всю казарму. По мере его приближения привычный шум стихал, и юноши с любопытством провожали его взглядами.

— Милорд будет говорить с тобой, Майлз

Фолворт, — сказал джентльмен. — Оденься и приготовься, он уже заканчивает вечернюю трапезу.

Слова постельничего прозвучали для Майлза, словно гром среди ясного неба. Он стоял, уставившись на говорившего широко открытыми глазами.

— Милорд? Говорить со мной? — наконец вымолвил он.

— Да, — нетерпеливо ответил придворный, — собирайся поживее! Я должен возвращаться.

Голова у Майлза шла кругом, он торопливо надевал парадное платье, а Гаскойн помогал ему. Что бы все это значило? Сердцем он чувствовал, что разговор мог быть только о письме, которое он послал леди Элис, и ни о чем другом. Когда он следовал за постельничим по тёмным и безмолвным в этот час дворам к дому графа, он старался не терять присутствия духа перед предстоящей аудиенцией. Тем не менее, ему становилось не по себе уже в длинном коридоре, освещаемом неверным светом факелов на стенах. Потом перед ним откинули занавес при входе в опочивальню, откуда доносился звук многих голосов, постельничий кивком приказал Майлзу войти, и он переступил порог. Поначалу он не различил ничего, кроме пятен множества лиц

в полумраке огромной комнаты, которую не могли достаточно осветить даже бесчисленные свечи, под ногами его захрустели тростниковые циновки. С трёх сторон стены были увешаны гобеленами с изображением сцен охоты и сражений, в дальнем конце, там, где стояла кровать, каменная стена была задрапирована голубой материей, расшитой серебряными ястребами. Даже сейчас, на исходе весны, в комнате было холодно, и сильный огонь ревел и трещал в огромном зеве камина. Рядом с ним толпилась бóльшая часть приближенных графа, тихо переговариваясь между собой и приглушённо смеясь.

Некоторые из тех, кто знал Майлза, кивнули ему, а двое или трое заговорили с ним, но, в тревожном ожидании прислушиваясь к докладу постельничего, стоявшего перед графом, Майлз вряд ли понимал, о чем его спрашивают.

Как уже говорилось ранее, свой поздний ужин хозяин вкушал уже в постели. Как правило, ему подавали что-нибудь незамысловатое: яблочный пирог или каравай хлеба из чистой белой муки, иногда — головку сыра, а также большой кубок эля или подогретого вина со специями. Граф сидел, выпрямившись в постели, одетый в меховой халат и опираясь на две цилиндрические подуш-

ки из красного атласа. Поперёк одеяла, покрывая его колени, лежало льняное полотенце, украшенное серебряным шитьём, а на нём — серебряное блюдо с выпечкой и сыром. Ему прислуживали два пажа и три джентльмена, а шут Мэд Нол стоял у изголовья, то и дело гремя своим жезлом с ослиными ушами и пытаясь вызвать улыбку своего господина вымученными шутками. На столе рядом с кроватью стояло около дюжины свечей в подсвечниках из позолоченного серебра, бросавших на ложе яркий неровный свет. В ту минуту, когда один из джентльменов подавал графу кубок с вином, которое из серебряного кувшина наливал один из пажей, постельничий доложил о прибытии. Принимая кубок, хозяин повернулся к Майлзу и полоснул его таким взглядом, что у бедняги зашлось сердце.

Наконец трапеза была закончена, граф омыл свои руки, рот и бороду розовой водой из серебряной лохани, которую держали пажи. Потом, откинувшись на подушки, он кивком подозвал Майлза.

Тот двинулся к нему через всю комнату, кожей чувствуя на себе взгляды всех присутствующих. Граф что-то сказал, и те, кто стоял рядом, отошли назад. Теперь Майлз один стоял рядом с крова-

тью, глядя вниз на стёганое покрывало и не смея поднять глаз.

— Я послал за тобой, — сказал граф, неотрывно глядя на него, — потому что сегодня днём мне в руки попало письмо, которое ты написал моей племяннице, леди Элис. Оно здесь, — граф сунул руку под одну из подушек. — Я только что прочитал его.

Он развернул пергамент, ещё раз пробежал его глазами и произнёс:

— Я не нашёл в нём ничего дурного, но больше не пиши.

Он говорил без всякого гнева, и Майлз вопросительно поднял глаза.

— Вот, возьми его, — сказал граф, сворачивая письмо и передавая его Майлзу. — И отныне не беспокой мою племянницу ни письмами, ни как-либо ещё. От тебя можно ожидать всяких дерзких выкрутас, и я заставил Элис обещать мне, что она незамедлительно доложит, когда это случится. На этом и покончим. Тебе не приходит в голову, что ты можешь навредить ей своими безрассудными глупостями вроде тайных встреч и писем?

— Я не хочу ей вреда, — ответил Майлз.

— Я верю тебе, — сказал граф.

Майлз колебался.

— Ну, что ещё? — спросил лорд Хаус.

— Только одно, — ответил Майлз. — Леди Элис выбрала меня своим рыцарем, и поэтому независимо от того, разрешено ли мне видеть её и говорить с ней или нет, законы рыцарства дают мне, человеку благородной крови, право служить ей, как подобает истинному рыцарю.

— Как истинному болвану, — с раздражением произнёс граф. — Ты ещё не рыцарь. Ты ещё просто безмозглый мальчишка. О каких рыцарских правах, молокосос, ты размечтался?

Будь граф в сильном гневе, его слова были бы менее горьки для Майлза, чем эта холодная, почти ленивая выволочка — самый больной удар по его гордости и чувству собственного достоинства.

— Я знаю, что вы презираете меня, — пробормотал он.

— Чёрт тебя побери! — разозлился граф. — Ты выведешь меня из терпения. Я презираю тебя! Подумать только! Да будь на твоём месте кто-либо другой, я давно бы вышвырнул его из моего дома. Думаешь, я стал бы также церемониться с кем-то другим из оруженосцев, если бы тот тайно встречался с моей дочерью и племянницей и нарушал устои моего дома, посылая сюда это письмо? Нет, ты просто дурак, Майлз Фолворт!

Майлз стоял, глядя на графа, и смущенно молчал. Слова, которые он услышал, на многое открывали ему глаза, и он впервые оценил странную и удивительную терпимость, которую великий лорд проявлял к нему, бедному безвестному юнцу. Что это значило? Неужели лорд Хаус его тайный друг, как не раз предполагал Гаскойн? Майлз молча стоял, не решаясь вполне поверить в это.

Тем временем граф снова откинулся на подушки, задумчиво глядя на него.

— Сколько тебе лет? — наконец спросил он.

— В апреле исполнилось семнадцать, — ответил Майлз.

— Значит, ты достаточно зрел, чтобы мыслить по-мужски, а не по-детски. Пора выбить из головы всякий мальчишеский вздор. Послушай! Леди Элис — наследница огромного состояния и может рассчитывать на лучшую партию в Англии. Неровен час, и она станет графиней или герцогиней, будет владеть замками и землями. А что касается тебя, то ты всего лишь бедный дворянин без состояния и связей, которые помогли бы тебе добиться положения. Твой отец в изгнании, и один намёк на то, где он прячется, сулит ему заточение в Тауэре, а то и плаху. Кроме того, у него есть враг,

сэр Джемс Ли уже говорил тебе, человек, быть может, более значительный и могущественный, чем я. Этот враг ищет тебя и твоего отца, осмельсяты открыто поднять голову, и он схватит вас обоих. И как же не грех тебе, Майлз Фолворт, иметь какие-то виды на леди Элис де Моубрей?

Бедный Майлз поначалу не знал, что и ответить.

— Сэр, — сказал он наконец глухим голосом, — вы правы, а я был глуп. Сэр, я больше не буду и помышлять о леди Элис.

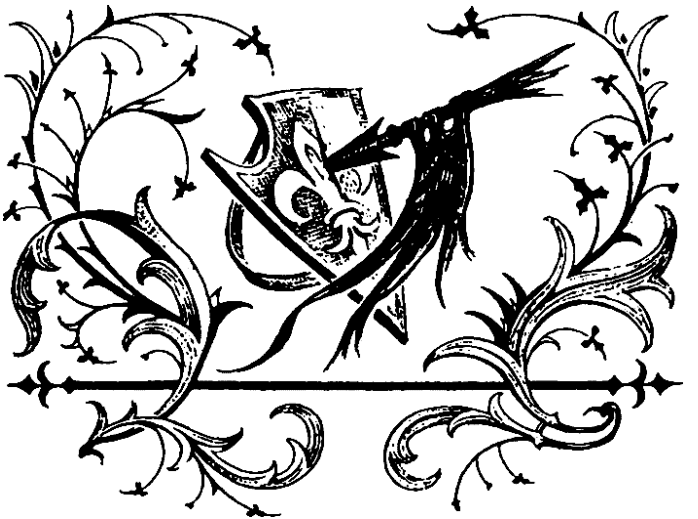
— Ты не совсем понял меня, парень, — возразил граф. — Ты вправе помышлять о ней, но сначала должен вернуть себе и своей семье и честное имя, и положение. А покуда, если ты честный человек, не беспокой её. Теперь иди.

Майлз брёл по тёмным затихшим дворам замка, глядя на усеянное мерцающими звездами небо, и чувствовал душевное смятение от того, что весь этот мир, эта ночь, эти звезды, эти залитые лунным светом башни образуют единое целое, в котором нет места только ему, Майлзу Фолворту.

Так был нанесён первый удар по его отроческим мечтам и чаяниям.

А вскоре последовал и второй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ



В жизни каждого человека бывают крутые повороты, когда новые и необычные события происходят с такой быстротой, что попросту не дают опомниться. Всё выглядит так, будто прошлое разваливается, рассыпается на кусочки, чтобы освободить место неясному и потому тре-

вожному грядущему.

Именно такое тягостное ощущение испытывал Майлз. На следующий день после аудиенции у графа он получил известие, что сэр Джемс хочет видеть его в своём кабинете. Он застал угрюмого старика сидящим за тяжёлым дубовым столом, с кружкой подогретого эля, вафлями и сыром на оловянном подносе. Он указал Майлзу на табурет, где обычно сидел писарь — сооружение, напоминавшее складной стул, но сработанное из толстых дубовых брусьев, подпиравших обитое свиной кожей сиденье.

Подобной милости не удостаивался ещё ни один оруженосец, и удивлённый Майлз робко присел.

Некоторое время старый рыцарь сидел, молча глядя на него своим единственным оком, ясным и немигающим, как у хищной птицы, и медленно закручивал свои жёсткие усы, как делал в минуты раздумья. Наконец он прервал молчание.

— Сколько тебе лет? — внезапно спросил он.

— Прошлым апрелем исполнилось семнадцать, — повторил Майлз то, что вечером отвечал лорду Хаусу.

— Гмм… для своего возраста ты более чем крепок. Надеюсь, и в груди у тебя — сердце мужчины,

а не бестолкового юнца, только и знающего, что шкодить да проказничать.

Он снова замолчал, а Майлз подумал, не относятся ли эти слова к какой-нибудь из его последних проделок, из-за которой его и мог вызвать капитан. Может, он имеет в виду разбитое окно в Длинном зале или разорение галочьих гнезд в Южной башне?

— У тебя есть друг, — неожиданно сообщил сэр Джемс, — какого не каждому посчастливилось иметь в этом мире. Он наблюдает за тобой чуть ли не с первого дня. Догадываешься, о ком я говорю?

— Наверно, это лорд Джордж Бьюмонт, — ответил Майлз, — он всегда был добр ко мне.

— Нет, — сказал сэр Джемс, — я говорю не о нём, хотя думаю, он тоже любит тебя. Ты можешь хранить тайну, мальчик?

— Да, — ответил Майлз.

— И ты будешь хранить её, если я скажу тебе, кто здесь твой лучший друг?

— Да.

— Это — милорд граф Хаус, но помни, об этом не должна знать ни одна живая душа.

Майлз сидел, в немом изумлении уставившись на старого рыцаря, а сэр Джемс продолжал:

— Да, почти с того самого дня, как ты появился здесь, милорд внимательно следил за твоей жизнью, за всеми твоими сумасшедшими выходками, ссорами и драками, он знал все тропки, по которым ты шастал. Что ты об этом думаешь, Майлз Фолворт?

Старый рыцарь опять умолк, вопросительно глядя на растерянного Майлза. Казалось, ему доставляло удовольствие видеть безмерное удивление юноши. Тут Майлзу пришла внезапная мысль.

— Сэр, — сказал он, — а милорд знал, что я ходил в сад?

— Нет, — сказал сэр Джемс, — он ничего не знал, пока твой отец не приказал твоей матери написать ему об этом.

— Мой отец! — повторил ошеломленный Майлз.

— Да, — сказал сэр Джемс, сильнее чем прежде теребя свои усы. — Как только твой отец узнал об этой проделке, он написал милорду, чтобы тот предупредил неминуемую беду.

— Сэр, — пробормотал Майлз, — мне трудно в это поверить… Это какой-то сон…

— Успокойся, ты вовсе не спишь, — ответил старый солдат, — но есть другие дела, ради которых

я тебя призвал. Милорд думает — впрочем, не только он, лорд Джордж и я того же мнения, — что пришло время тебе отложить свои мальчишеские забавы и узнать вещи, необходимые мужчине. Ты здесь уже год и имел достаточно свободы делать, что захочется, но, мальчик, — и старый волк заговорил очень серьёзно, почти торжественно, — тебя ожидают дела такой важности, что если бы я рассказал тебе об этом, ты бы сразу и не понял. Милорд считает, что ты, возможно, имеешь неплохие задатки, однако лишь время покажет, сумеешь ли ты толково употребить их. Следующим воскресеньем я и сэр Эверард Уиллогби возьмёмся обучать тебя, как пользоваться турнирным копьём и управлять лошадью. Ты должен сказать Питеру-кузнецу, чтобы он сработал для тебя простой набор доспехов, и пусть возьмётся за дело сегодня же. Так что иди, хорошенько обдумай всё, что я тебе сказал, и готовься к воскресенью. Однако постой, — добавил он, когда потрясённый Майлз уже шагнул к порогу, — держи язык за зубами, не проболтайся про покровительство милорда. Таково его собственное тебе повеление.

Майлз снова повернулся и без единого слова направился к двери. Но сэр Джемс остановил его

во второй раз.

— Стой! — крикнул он. — Я забыл кое-что передать тебе. Милорд сегодня утром сделал тебе подарок, о котором ты ещё не знаешь. Это… — тут он на мгновение замолчал, должно быть, наслаждаясь тем, что ему предстояло сообщить, — это великолепная фламандская лошадь хорошей породы и горячего нрава. От такого коня не отказался бы и прославленный рыцарь. Ты родился под счастливой звездой!

— Сэр! — воскликнул Майлз, — …Сэр!.. Вы сказали, эта лошадь будет моей?

— Да, она будет твоей.

— Моей собственной?

— Твоей, твоей.

Майлз Фолворт шел от капитана, как во сне, но, наверно, это был лучший сон в его жизни. Он вышел на воздух, и его просто шатало от радости и изумления. Первым делом хотелось разыскать Гаскойна, и Майлз нашел его, хотя и не помнил, где и как.

— Идём, Френсис! — крикнул он. — Я расскажу тебе кое-что, и ты поверишь в чудеса!

Майлз потащил друга в «соколиное гнездо», где они давно уже не бывали, не отвечая на вопросы озадаченного Гаскойна, пока они не забрались в

свое старое убежище. И только тут он приоткрыл завесу.

— Сядь, Френсис, — сказал он, — сядь получше, чтобы не упасть от удивления.

Когда Гаскойн подчинился, Майлз осмотрелся вокруг и огорошил:

— Сюда я пришёл в последний раз. — И тут он излил другу душу, испытывая легкое головокружение то ли от высоты, то ли от собственных слов. Он не сказал о графе, но ничто не мешало поведать об удивительной новой жизни, которая так внезапно открылась перед ним во всем блеске упоительных надежд, невероятных возможностей, самых дерзких помыслов. Он говорил, расхаживая взад и вперед по каменным плитам. Он был не в силах устоять на месте, он уже рвался в будущее.

Гаскойн сидел, повесив нос. Он понял, что его друг расправляет крылья для полёта, в который он, Гаскойн, и не надеялся отправиться. На сердце у Френсиса было тяжело, он понимал, что это, должно быть, начало конца их крепкой дружбы, которая так скрашивала его жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Прошло три года, и в жизни Майлза миновала та пора зрелой юности, когда ты уже как бы не юноша, но еще не чувствуешь себя настоящим мужчиной.

Тем памятным днем, когда Майлз посвящал Гаскойна в чудесные перемены в своей судьбе и радостные предчувствия, ему казалось, что

он в одночасье расстается с юностью, а завтра проснется мужчиной. Но так в жизни не бывает. Перемены не наступают вдруг, они вызревают, приближаясь шаг за шагом. Возможно, первые дни после разговора в башне Брута он действительно верил в свое внезапное превращение и упивался новизной перемен, но расставание с мальчишеской жизнью оказалось не таким легким и быстрым. Майлза порой тянуло к прежним забавам в кругу резвых сверстников, и он не сразу отошел от их жизни с веселыми играми, потешными состязаниями, вылазками в рощу или на вырубки, охотой на грачей и галок.

Но незаметно для самого себя он стал постепенно утрачивать ту безоглядную живость, ту неистребимую беспечность, что составляет изюминку мальчишеского бытия. Он уже мог быть спокойным созерцателем тех игрищ и забав, которые прежде не позволяли ему усидеть на месте. Ему уже больше нравилось наблюдать за ними, нежели самому в них участвовать.

За три года он отвыкал от праздных развлечений, поскольку каждый день был наполнен изнурительным трудом и многочасовыми упражнениями. Ведь его наставник — сэр Джемс Ли — был неумолим и тверд, как железо. В тече-

ние двух, может быть, трех недель Майлз мог заниматься с неподдельным воодушевлением, которое вызывала в нем новизна приемов и упражнений, но они так редко менялись, что учеба вскоре становилась подневольной изматывающей работой. Когда-то ему казалось, что нет ничего скучнее и ненавистнее, чем упражнения на столбах с тяжелым мечом. Но теперь, когда он не слезал с лошади и выполнял бесконечные однообразные упражнения с копьем и мечом, «столбовая потеха» казалась просто отдыхом, которым он охотно пользовался.

Однако и его теперешняя жизнь не была вовсе лишена удовольствий. Иной раз ему разрешали сойтись в учебном поединке с другими молодыми рыцарями и бакалаврами на ристалище у внешней стены. Еще более приятные мгновения доводилось пережить, когда ему удавалось скрестить легкие копья на турнирном дворе с сэром Эверардом Уиллогби, а лорд Джордж, и, может быть, еще один — два человека наблюдали за поединком.

Не забыть ему тот день, когда замок посетил лорд Дадлей, и Майлз с тяжелым копьем вступил в показательный бой с сэром Эверардом. На юного новичка пришел посмотреть сам граф со

своим гостем. Майлз старался изо всех сил и не напрасно. Лорд Дадлей похвалил его сноровку и мужество, а лорд Джордж одобряюще кивал и улыбался. Только граф Хаус сидел с, казалось бы, безучастным видом. Майлз дорого бы дал, чтобы проникнуть в его мысли.

За все эти годы сэр Джемс Ли почти никогда не выражал ни одобрения, ни порицания Майлзу, за исключением тех случаев, когда тот проявлял небрежность или невнимательность. Тогда слова наставника били больнее плети. Не раз Майлз падал духом, не раз охватывало его горькое разочарование, и только бульдожья цепкость и редкое упрямство помогали ему преодолеть настроение полной безнадежности.

— Сэр, — вырвалось у него однажды, когда на сердце было особенно тяжело, — скажите мне, молю вас, я хоть чему-нибудь научился? Дано ли мне стать достойным рыцарем и скрестить меч и копье с другими воинами, или я и впрямь тупая колода, которая может служить только мишенью?

— Ты глуп, молокосос! — не церемонясь, ответил сэр Джемс. — Думаешь, можно обучиться рыцарской доблести за полгода или за год? Ты еще слишком зелен, а когда созреешь, я скажу

тебе, годишься ли ты для того, чтобы выступить против настоящего рыцаря.

— Ах ты, старый медведь, — подумал про себя Майлз, когда одноглазый рыцарь повернулся и пошел прочь. — Разрази меня гром, если на днях я не покажу, что владею копьем не хуже тебя!

Однако последний год этой изнурительной боевой учебы не был так суров, как первые два. Для упражнений чаще выезжали в поле, и тогда он получал возможность сойтись в дружеской схватке с кем-нибудь из рыцарей замка, по всем правилам — с мечом, копьем или деревянной палицей. В этих единоборствах он всегда умел постоять за себя, причем с немалым мастерством, хотя и сам не всегда понимал это. Вероятно, именно скромность снискала ему особое расположение многих обитателей замка.

К тому времени он занял свое место во главе отряда оруженосцев и был уже главным бакалавром, как некогда Уолтер Блант, которого сместил когда-то сам, будучи еще неотесанным новичком в замке. Младшие пажи и оруженосцы почитали его как своего кумира, хотя и умело пользовались его добродушием. Все гордились тем, что их отряд возглавляет настоящий рыцарь, и восторженно расхваливали его успехи в единоборствах.

Однако, хотя Майлз и стоял во главе отряда оруженосцев, он, в отличие от других старших бакалавров, не поднялся по лестнице придворной службы. По каким-то своим соображениям граф отвел ему место в свите лорда Джорджа для выполнения особых поручений. Тем не менее граф всегда выделял его в толпе других оруженосцев, невозмутимо кивая ему, где бы они ни встречались, а Майлз, который уже мог оценить, как много граф сделал для него, был готов до последней капли пролить свою кровь за главу дома Бьюмонтов.

Что касается двух молодых леди, то он часто видел их, а порой, даже в присутствии самого графа, обменивался с ними несколькими словами, и лорд Хаус не запрещал этого.

К леди Энн он чувствовал дружеское почтение, какое юноша питает к девушке, старшей по возрасту. Что же касается леди Элис, уже вошедшей в пору ранней женственности, то в глубине сердца он решил стать когда-нибудь ее истинным рыцарем, таким же верным, каким он был в те дни, когда рискуя головой, перелезал через стену сада.

Телесно он уже сложился как мужчина, а мыслями и сердцем стремительно приближался к

мужественности, ибо, как было сказано выше, мужчины тех времен созревали быстрее. От юношеской угловатости и нескладности не осталось и следа, любо было смотреть на высокую, развитую фигуру. Его лицо еще сохраняло отроческую округлость, но на щеках, подбородке и губах курчавилась молодая растительность — мягкие, пшеничного цвета усы и бородка. Взгляд голубоватых глаз был быстрым и острым, как у сокола, а в движениях рук, широких плеч и корпуса ощущалась скрытая сила, готовая к мгновенному действию.

И неудивительно, что он все больше занимал мысли юной леди Элис.

Таковы были перемены, которые принесли три минувших года. И с этого рубежа действительно начинается история его зрелости.

Быть может, за всю историю замка Дельвен, даже сейчас, в пору гордого возвышения дома Бьюмонтов, самые знаменательные события пришлись на раннюю осень 1411, когда граф Хаус принимал короля Генриха IV. Король в то время совершал путешествие по некоторым центральным графствам в сопровождении графа Вермуа. Этот граф был секретным эмиссаром партии до-

фина[13] во Франции, которая в то время яростно соперничала с герцогом Бургундским, и прибыл в Англию, чтобы обеспечить поддержку своему французскому господину.

Не первый раз королевские особы посещали Дельвен. Когда-то, во времена графа Роберта, король Эдуард II провел в замке неделю, во время Шотландских войн. Но в то время замок был всего-навсего военным постом, который король только так и использовал. Теперь же Бьюмонты находились на вершине своего могущества, и к предстоящему королевскому визиту готовились с таким размахом и пышностью, о которых граф Роберт, а, может быть, и сам король Эдуард, не могли и мечтать.

Вот уже несколько недель во всем Дельвене кипела бурная деятельность. Все обитатели замка носились туда-сюда; и каждый день почти ежечасно прибывали обозы, груженные тюками и ящиками. С утра до вечера слышалось постукивание мастерков каменщиков. Вверх и вниз по лестницам и лесам, заслонившим фасад большого северного зала, сновали подносчики кирпичей и раствора. Внутри этой части здания

[13] Примечания: 13

Наследник французского престола, на обладание которым претендовали и герцоги Бургундские.

стоял беспрерывный грохот, стук, скрежет. Северный зал готовили для размещения короля и его двора, а Зал святого Джорджа (так называлась старая часть этого здания) был отведен для графа де Вермуа и его свиты. Большой северный зал был сильно изменен и перестроен, вдоль южной торцевой стены появилась красивая, резного дерева галерея для придворных дам, которые должны были присутствовать на церемониях. В стене прорубили два дополнительных окна, а большая анфилада теперь заканчивалась перед королевскими апартаментами. В спальне к стене была пристроена кровать резного дерева с серебряными инкрустациями, над которой нависали шелка балдахина, а вокруг ложа была воздвигнута огромная ширма из деревянных панелей; стены были украшены богатыми гобеленами итальянской и фламандской работы; подушки из бархата и шелка лежали на скамьях и стульях. Пол зала был покрыт тростниковыми циновками, волокна которых создавали разнообразные цветные узоры; а в смежных покоях холодные камни пола были устланы мягкими коврами.

Съехались все члены семейства, все приближенные, бароны и рыцари. Замок казался переполненным; даже спальня оруженосцев была

использована для размещения дворян попроще.

И вот наконец, в разгар всех этих сумасшедших сборов наступил день, когда должен был прибыть король. Днем раньше прискакал курьер с вестью, что король остановился на ночь в Донастерском аббатстве и на следующий день прибудет в Дельвен.

Тем утром, когда Майлз едва успел построить пажей и оруженосцев и со списком в руках собирался объявить наряд на службу: кому — в апартаменты, кому — в свиту, один из джентльменов лорда Джорджа пришел с приказом, предписывающим Майлзу немедленно явиться в покои молодых дворян. Майлз торопливо перепоручил свои обязанности Гаскойну и Уилксу и поспешил к своему патрону. Он нашел лорда Джорджа в передней, три джентльмена-оруженосца облачали его в великолепные миланские латы. Он приветствовал Майлза кивком и улыбкой.

— Послушай, — сказал он, — сегодня утром я говорил о тебе с графом и, надеюсь, могу тебя порадовать. Как ты смотришь на то, чтобы присоединиться к моей свите в качестве личного оруженосца?

Майлз покраснел до корней волос.

— О, сэр! — радостно воскликнул он. — Если

вы сочтете меня пригодным, это будет для меня наивысшей честью! Но хватит ли мне ловкости для этого?

Лорд Джордж рассмеялся.

— Тебя так сильно радует столь незначительная роль, — сказал он. — Что же касается твоих сомнений, то это у тебя от излишней только скромности. Ловкости тебе не занимать, Майлз. Но не это главное. Я выбрал тебя на сегодня моим конюшим, так что поторопись и надень доспехи, а потом снова приходи сюда, Холлингвуд выдаст тебе турнирный шлем и плащ моих цветов с гербами.

Когда Майлз откланялся и покинул патрона, он словно на крыльях пересек двор и ворвался в оружейную за Гаскойном, которого застал здесь за разговором с двумя бакалаврами.

— Что ты думаешь, Френсис? — воскликнул он в радостном возбуждении. — Сегодня мне оказана такая честь, на которую я никогда не смел и надеяться. Из всех своих приближенных сэр Джордж выбрал меня своим конюшим для встречи короля. Пойдем, поможешь мне надеть доспехи! Ты не рад за меня, Френсис?

— Очень рад! — воскликнул преданный Гаскойн. — Не меньше, чем если бы я сам удостоился

этого!

И Гаскойн не кривил душой.

Пять минут спустя Майлз уже возился со своим вооружением в маленькой комнатке в конце казармы, где недавно выгородили помещение для старшего бакалавра.

— Ты только подумай, — сказал Френсис, стоя на коленях и привязывая щитки на голени своего друга, — он выбрал тебя из всех рыцарей и джентльменов!

— Да, — ответил Майлз. — Я и сам удивляюсь такой чести. Просто чудо какое-то.

— Нет, — ответил Гаскойн, — в этом нет чуда, и я хорошо знаю, почему он выбрал тебя. Ведь он видит, как, впрочем, и все мы, что ты самый сильный, больше всех искушен в боевом искусстве и лучше всех в замке управляешься с конем.

Майлз засмеялся.

— Уж не шутишь ли ты надо мной? — сказал Майлз. — Смотри, Френсис, получишь по голове рукояткой вот этого кинжала. Но скажи мне, ты слышал, кто скачет с милордом?

— Да, слышал, Уилкс говорил, что сэр Джемс Ли.

— Рад слышать это, — сказал Майлз. — Он покажет мне, что делать и как себя держать.

Мне страшно подумать, что я допущу какую-нибудь оплошность, и лорд Джордж уже никогда больше не возьмет меня с собой. Только бы не осрамиться.

— Ничего не бойся, — сказал Гаскойн, — ты справишься.

И вот наконец граф, лорд Джордж и вся их свита могли отправляться в путь. Лошади нетерпеливо били копытами, прозвучал рожок, и весь блещущий парадными доспехами отряд рванулся вперед, нарушая туманную тишину раннего утра. Тусклое осеннее солнце мягкими отблесками играло на полированных шлемах и щитах, искрами рассыпалось на острых гранях оружия. Сердце Майлза трепетало от радости, и он полной грудью вдыхал сладкий запах прелой листвы и вольного простора. Сэр Джемс Ли, который в этот день исполнял обязанности конюшего графа, скакал немного в стороне, и суровая невозмутимость старого воина в сравнении с едва справляемым восторгом его молодого воспитанника создавала разительный контраст, достойный кисти живописца.

Во главе отряда рука об руку скакали граф и его брат лорд Джордж, с ног до головы облаченные в миланские латы, их кирасы были прикрыты

бархатными плащами с вышитыми серебряной нитью гербами рода Бьюмонтов.

На шее у графа сверкало ожерелье, с которого свисал украшенный драгоценными камнями орден Святого Георга, на голове был легкий шлем с забралом, украшенный насечкой и охваченный черным и желтым бархатом, усыпанным бриллиантами.

Лорд Джордж роскошью и продуманностью своего облачения мало чем отличался от брата. Позади двух господ и их конюших в строгом уставном порядке скакали рыцари, джентльмены, эсквайры, тяжело вооруженные всадники — числом около двухсот пятидесяти — с копьями и пиками наперевес, с черно-желтыми знаменами и вымпелами, развевающимися на сентябрьском ветру.

Они достигли городских стен, проскакали через мост, а затем загрохотали по мощенной камнем улице, заставляя обывателей прилипать к окнам и почтительно замирать возле лавок торговцев. То и дело слышались приветствия в адрес графа, но гордый лорд не отвечал на них даже легким кивком. Выехав из города, они понеслись по проселочным дорогам, и следом тянулся целый шлейф пыли. Скачка продолжалась до тех пор,

пока они не достигли продуваемой ветрами вершины Уиллогби-Крофта, в десяти милях от города, где должна была состояться встреча. Наконец всадники натянули поводья, и оба отряда остановились ярдах в пятидесяти друг от друга.

Тут Майлз увидел, что какой-то всадник, одетый в простую серо-голубую дорожную одежду и сидящий на красивом белом мерине, встал впереди остальных, и он подумал, что это, должно быть, король. Сэр Джемс кивнул Майлзу и, спрыгнув с лошади, бросил поводья одному из слуг. Майлз сделал то же самое и потом, следя за действиями сэра Джемса, вышел вперед и ухватился за стремя лошади лорда Джорджа, помогая ему спешиться. Оба вельможи быстро сняли свои шлемы, и Майлз, держа повод лошади лорда Джорджа левой рукой, взял в правую его шлем и прижал к своему бедру.

Затем граф и лорд Джордж с непокрытыми головами двинулись вперед, при этом младший брат чуть отставал. Приблизившись к королю, граф не без труда, так как ему мешали латы, преклонил колени. Король протянул ему руку, и граф, поднимаясь, поднес ее к губам.

Потом лорд Джордж в точности повторил действия брата и также поцеловал королевскую

руку.

Майлз не слышал их разговора, но мог догадаться, что все трое обменялись словами приветствия, затем король обернулся и сделал знак рыцарю, стоявшему впереди прочих. Тот выехал вперед. Король сказал несколько слов, представляя его Бьюмонтам. Незнакомец церемонно снял свою правую латную рукавицу и пожал руку сперва графу, а затем лорду Джорджу. Майлз понял, что это, должно быть, сам граф де Вермуа, о котором он так много слышал.

Беседа длилась несколько минут, после чего король слегка поклонился. Французский дворянин тут же отъехал назад. Прозвучала команда, и затем все высокие особы двинулись вперед, братья шли по обе стороны от короля, граф слегка касался поводьев его коня своей обнаженной ладонью.

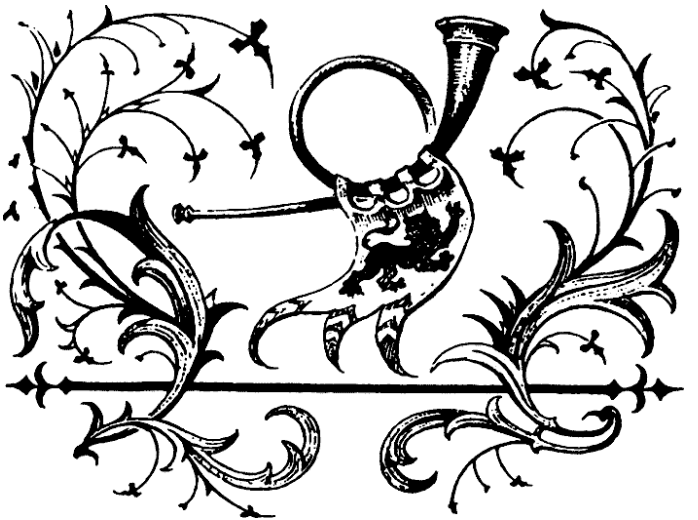
Тем временем свита лорда Хауса выстроилась в две цепочки по обеим сторонам дороги, освобождая путь королевской свите. Когда король поравнялся с первым рядом, последовала еще одна остановка, во время которой он сказал несколько любезных слов некоторым из сопровождавших графа дворян. Майлз оказался в нескольких шагах от короля и в этот миг походил

на статую со шлемом в руке.

Он увидел перед собой невзрачного толстяка с жирным, лоснящимся лицом, бледно-голубыми глазами и набухшими веками. Щеки вокруг бородки и усов были чисто выбриты. Майлз почувствовал себя обманутым. Он ожидал увидеть человека, похожего на льва, поистине царственного господина, а король Генрих оказался обыкновенным тучным мужчиной нездорового вида. Его просто сразило это страшное открытие: король ничем не отличается от остальных людей.

Тем временем граф и его брат надели свои шлемы, и наконец весь отряд всадников тронулся в путь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ



После полудня в казарме оруженосцев царило такое неуемное возбуждение, какого, вероятно, не знали ее старые стены. Шум резко замер, когда за окном заметили графа и лорда Джорджа, поглощенных беседой и пересекавших оружейный двор. Господа проследовали в кабинет сэра

Джемса. После этого пажи и оруженосцы сбились в кучки и принялись шептаться о том, что мог бы означать этот неожиданный визит.

Через некоторое время сэр Джемс появился в дверях на площадке крутой каменной лестницы и свистом подозвал к себе одного из молодых пажей. Он отдал короткий приказ, и юркий парнишка умчался по какому-то делу. Через несколько минут он вернулся, семеня по мощеному двору за Майлзом Фолвортом, который тотчас же поднялся в кабинет сэра Джемса. Именно в этот момент всеобщее волнение и любопытство возросли до предела. К чему бы это? Тут же рождались самые нелепые слухи, но и самый смелый из них был далек от истины.

Входя в кабинет, Майлз утратил обычный румянец: слишком напряжены были нервы, ибо сердце подсказывало, что готовится какая-то крутая перемена в его судьбе. Граф сидел за столом, заняв место сэра Джемса. Лорд Джордж стоял, опершись на подоконник. Сэр Джемс, заложив руки за спину, встал у камина. Все трое были очень серьезны.

— У тебя неплохое убежище, Майлз Фолворт, — произнес граф, когда тот почтительно поклонился всем, начиная с милорда, — однако готовься к

великой перемене.

Выдержав внушительную паузу, он продолжил:

— Ты знаешь, три последних года мы гоняли тебя в хвост и в гриву, и все для того, чтобы ты мог постоять за себя в этом мире. Нет, не только постоять за себя, но и с рыцарской доблестью дать отпор врагу, угрожающему твоему отцу, а, стало быть, и тебе. Остановиться на полпути тебе не дано, ты можешь быть либо велик, или ничтожен. Да, сэр, пришло время показать, на что ты способен. Что до меня, то я предпочел бы, чтобы ты готовился еще двенадцать месяцев, но сейчас появилась возможность, которая может никогда больше не представиться тебе. Сэр Джемс сказал, что ты достаточно зрел в воинском искусстве. Теперь ты должен показать, так ли это или нет. Ты когда-нибудь слышал о господине де Монтейне?

— Да, милорд. Я часто слышал о нем, — ответил Майлз. — Именно он выиграл приз на большом турнире в Рошели в прошлом году.

— Я вижу, ты хорошо знаешь его рыцарскую карьеру, — сказал граф. — Я говорю именно о нем, а его считают лучшим рыцарем партии дофина. Турнир, о котором ты говоришь, был третьим великим турниром, в котором он одержал победу.

Я рад, что ты высоко чтишь его доблесть. Знаешь, что он в свите графа де Вермуа?

— Нет, — краснея, ответил Майлз, — я слышал, что он в Англии, но не знал, что сейчас он здесь.

— Да, — сказал лорд Хаус, — он здесь.

Граф помолчал, потом внезапно произнес:

— Скажи мне, Майлз Фолворт, если бы ты был рыцарем, который по рангу вправе биться на турнирах с господином де ля Монтенем, осмелился бы ты сразиться с ним?

Вопрос застал Майлза врасплох, и какое-то время он стоял в полной растерянности. Граф спокойно ждал ответа, медленно теребя свою бороду.

Тишину нарушил голос сэра Джемса.

— Ты слышал, что сказал тебе милорд? — просипел он. — У тебя что, язык отнялся?

— Помолчи, Ли, — сказал лорд Хаус. — Дай парню хорошенько подумать.

Звук этих слов разбудил Майлза, он подошел к столу и коснулся его ладонью.

— Милорд… милорд, — пробормотал он. — Я не знаю, что сказать… Я… Я изумлен и боюсь…

— Как! — сердито воскликнул сэр Джемс Ли. — Боишься? Если ты боишься, прохвост, никогда не смотри мне в лицо и не заговаривай со мной! Я

навсегда забуду тебя, даже если бы тот, кого ты боишься, был сам непобедимый сэр Александр[14]…

— Спокойно, спокойно, Ли, — перебил его граф, поднимая руку, — ты слишком спешишь. Парень сам должен решить, и ни ты, ни кто-то другой не должен принуждать его. Да ты, верно, и не понял его. Говори, что у тебя на сердце, Майлз. Чего ты боишься?

— Я же так молод, сэр. Я всего лишь бестолковый юнец. Как могу я осмелиться поднять копье против такого воина, как де ля Монтень? Не стану ли я посмешищем из-за своей самонадеянности? Я же ему не ровня…

— Нет, Майлз, — сказал сэр Джордж, — ты явно недооцениваешь свое мастерство и свою доблесть. Думаешь, мы стали бы предлагать тебе сразиться с ним, если бы не считали, что ты вполне можешь постоять за себя?

— Постоять за себя? — воскликнул Майлз, поворачиваясь к лорду Джорджу. — Сэр, не имеете ли вы в виду… Вы допускаете… я могу надеяться или мечтать выстоять в схватке с де ля Монтенем?

— Да, — сказал лорд Джордж. — Я в тебе уверен.

---

[14] Примечания: 14
Здесь имеется в виду сам Александр Македонский.

— Ну вот, Майлз, — произнес граф, — а теперь скажи мне, ты будешь драться с господином де ля Монтенем?

— Да, — ответил Майлз, выпрямляясь во весь рост и делая глубокий вдох. — Да, — и его щеки заалели. — Если вы велите мне это сделать, я буду биться с ним.

— Вот это слова, достойные моего юного храбреца! — воскликнул лорд Джордж, светясь улыбкой.

— Я порадую тебя, Майлз, — сказал граф, протягивая ему свою руку, которую Майлз почтительно поцеловал. — И я порадую тебя дважды. Я говорил о тебе с королем сегодня утром, и он дал согласие посвятить тебя в рыцари. Да, посвятить тебя со всеми почестями ордена Бани[15], что даст тебе возможность состязаться с де ля Монтенем за честь Англии и Хауса. Сейчас король лег отдохнуть после обеда. Приготовься. Когда он встанет, я представлю тебя ему.

Потом граф повернулся к сэру Джемсу Ли и спросил, нет ли недостатка в одежде для бака-

[15] Примечания: 15

Высший английский орден, учрежденный в 1399 году Генрихом IV и получивший название от обряда омовения, первоначально предшествовавшего принятию ордена. Однако здесь слово «орден» означает не столько знак, сколько сообщество избранных.

лавров? Майлз слушал их разговор, но вихрь мыслей мешал ему уловить суть. Сколько раз во сне и наяву он грезил тем днем, когда будет посвящен в рыцари, но этот день всегда казался бесконечно далеким. Быть посвященным сейчас, самим королем, со всеми почестями ордена Бани, под покровительством графа Хауса, сразиться, по-настоящему сразиться, с господином де ля Монтенем, одним из самых прославленных рыцарей Франции! Откуда-то издалека донесся голос графа. Какие-то вопросы касательно экипировки. Майлз не сразу понял, что лорд Джордж вызвался выделить ему подходящее одеяние из своего гардероба.

— Ты можешь идти, — сказал ему граф, — но к двум часам будь в апартаментах Джорджа, чтобы одеться как подобает.

Майлз вышел на воздух, еще не оправившись от потрясения. Он огляделся вокруг, но Гаскойна не было видно. Он не сказал ни слова в ответ на шквал вопросов, который обрушили на него его товарищи-оруженосцы, и быстро пошел прочь. Он едва осознавал, куда идет, но наконец оказался на пожелтевшей лужайке за конюшней. Это был довольно укромный уголок. Он огляделся — поблизости ни души, и Майлз растянулся на

траве, спрятав лицо в ладонях. Он лежал, утратив всякое чувство времени, и вдруг кто-то прикоснулся к его плечу. Майлз резко поднял голову. Это был Гаскойн.

— Что происходит, Майлз? — с тревогой спросил друг. — Все только о тебе и говорят.

— О, Френсис! Меня посвятят в рыцари… Сам король согласился сделать это… и я… должен буду сражаться с господином де ля Монтенем.

Он протянул руку, и Гаскойн пожал ее. Некоторое время они стояли молча. Но Гаскойну не терпелось высказаться.

— Тебя ждет большое будущее, Майлз, — сказал он. — Я всегда это знал. И вот время пришло. Да, ты будешь великим и будешь жить при дворе среди высокородных господ, а может быть, и при королевском дворе. Видно, нам суждено навсегда расстаться, скоро ты забудешь меня.

— Нет, Френсис, никогда я тебя не забуду! — ответил Майлз, сжимая руку своего друга. — Я всегда буду любить тебя больше, чем кого бы то ни было, кроме своей матери и отца.

Гаскойн покачал головой и отвел глаза, пытаясь проглотить застрявший в горле ком. И вдруг с надеждой в глазах повернулся к Майлзу.

— Ты выполнишь мою единственную просьбу?

— Разумеется, — ответил Майлз. — Но какую?

— Возьми меня в свои оруженосцы.

— Нет, — сказал Майлз. — Как ты можешь служить оруженосцем? Ты сам в скором времени станешь рыцарем, Френсис. И как вообще это могло прийти тебе в голову?

— Очень просто, — ответил Гаскойн с коротким смешком, — уж лучше быть оруженосцем в твоей компании, чем рыцарем в своей собственной.

Майлз обнял своего друга и поцеловал его в щеку.

— Ты получишь то, что пожелал, — сказал он. — Но в любом звании ты всегда будешь моим настоящим другом.

После этого они рука об руку медленно направились в замок.

В назначенный час Майлз вошел в апартаменты лорда Джорджа, и покровитель предложил ему примерить наряд, соответствующий предстоящей церемонии — в отороченную мехом куртку из зеленого бархата с золотым шитьем, черную бархатную шапку, свернутую в виде тюрбана и украшенную спереди драгоценным камнем, малиновое трико и пару черных бархатных туфель с золотой канвой. Майлз никогда в жизни не надевал такой великолепной одежды, однако

почувствовал, что она очень ему к лицу.

— Сэр, — сказал он, оглядев себя сверху до низу, — но ведь я не имею права носить такую одежду.

В те дни существовал закон, известный под названием закона о расходах, который строго регламентировал степень скромности или богатства гардероба в зависимости от общественного положения его владельца. Майлз знал, что ему не по чину все это — бархат, малиновые цвета, меховая, золотая или серебряная отделка. Однако столь торжественная церемония, как представление королю, временно отменяет действие закона, как объяснил лорд Джордж. Положив руки на плечи юноше, так и сяк поворачивая его, он добавил:

— Уверяю тебя, Майлз, ты самый сильный и красивый молодой мужчина, которого я когда-либо видел.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

Лорд Джордж рассмеялся и потрепал его по плечу.

Было около трех часов, когда маленький Эдмонт де Монтефорт, любимый паж лорда Хауса, пришел с известием, что король направляется в графский сад.

— Идем, Майлз, — сказал лорд Джордж.

И Майлз с замиранием сердца поднялся со скамьи.

При входе в сад стояли на посту два джентльмена, которые приветствовали лорда Джорджа и беспрепятственно пропустили его вместе с его протеже. У самых ворот сэр Джордж на мгновение задержался.

— Майлз, — тихо сказал он, — ты умный и сметливый юноша. Ради своего отца будь сегодня осторожен и осмотрителен. Не называй его имени и не проговорись, что ты его сын.

Любой молодой человек, даже более искушенный в придворной жизни, чем Майлз, вероятно, не избежал бы чувства неловкости и подавленности, какие испытывал старший бакалавр перед свиданием с королем Англии. У Майлза рябило в глазах, когда лорд Джордж подвел его к какой-то фигуре, стоявшей чуть в стороне от хозяина Дельвена и графа де Вермуа. Майлз понял, что предстал перед королем, и у него хватило самообладания церемонно преклонить колени. Он не мог видеть себя со стороны, но его простодушная застенчивость только украшала его. Он не был неловок, его здоровое тренированное тело сообщало движениям подкупающую чуть грубоватую

грацию. Кроме того, присутствие столь доброжелательного покровителя, как лорд Джордж, придавало уверенности. Скромность и сила, запечатленные в чертах юного лица, не могли не вызвать симпатии короля. Генрих с искренней приязнью улыбнулся ему и протянул руку для поцелуя. А затем, сжав крепкую смуглую ладонь молодого воина, заставил его подняться.

— Клянусь всеми святыми! — сказал он, любуясь Майлзом. — Ты настоящий воин и рожден для побед. Таким, наверно, явился пред очи короля Артура несравненный рыцарь Говен. А теперь скажи, хватит ли у тебя смелости сразиться с де ля Монтенем, с этим волкодавом дофина? Достанет ли тебе мужества биться с ним один на один? Знаешь ли ты, что значит даже турнирный поединок с ним?

— Да, ваше величество. Я отдаю себе отчет, что это, возможно, выше моих сил. Но будь это даже еще более опасная затея, я пошел бы на нее ради Вашего величества.

Король остался доволен таким ответом.

— Неплохо сказано, молодой человек, — похвалил он, — и это мне тем более нравится, что исходит от таких юных и честных уст. Ты говоришь по-французски?

— Да, ваше величество, — ответил Майлз. — Я говорю достаточно хорошо.

— Превосходно, — сказал король, — теперь я могу познакомить тебя с господином де ля Монтенем.

С этими словами король повернулся к могучему чернобровому джентльмену, стоявшему поодаль среди людей свиты. Тот быстро подошел к королю, и Генрих представил их друг другу. Во время рукопожатия каждый из них оценил стать своего будущего соперника и каждый подумал, что никогда не видел более сильного, крепкого и ладно скроенного воина. Тем не менее бросалась в глаза и несхожесть: один — совсем юный, с едва пробивающейся бородкой на свежем лице; другой — иссеченный и обтесанный ветрами и рубками муж с белым шрамом в пол-лица; один новичок, другой воин, прошедший испытания в двух грандиозных битвах.

Они обменялись несколькими вежливыми фразами. Король поначалу с улыбкой прислушивался к их разговору, но постепенно его лицо принимало выражение какой-то отстраненности. Последовала короткая пауза, и тогда вновь заговорил король.

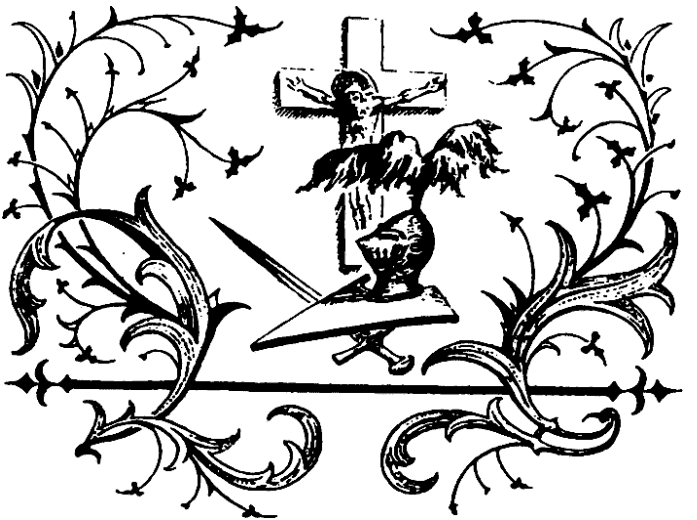
— Я рад, что вы познакомились, — сказал он. —

А теперь мы оставим нашего юного смельчака на твое попечение, Бьюмонт, и на твое, мой французский друг, и как только закончатся обычные церемонии, мы собственноручно посвятим его в рыцари.

Майлз отошел в сторону вместе с лордом Джорджем и де ля Монтенем, и пока король и оба вельможи медленно прохаживались взад и вперед по сверкающей галечником дорожке между большими кустами шиповника, Майлз беседовал с джентльменом из королевской свиты, торжествуя в душе от того, что почувствовал себя здесь ровней и героем дня.

Это была последняя ночь, которую Майлз и Гаскойн провели в казарме. На следующий день им были отведены апартаменты в той части дома, что принадлежала лорду Джорджу и куда они под благоговейными и восхищенными взглядами оруженосцев перенесли свое нехитрое имущество.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ



Одной из самых торжественных придворных церемоний тех лет было посвящение в рыцари, когда это звание присваивалось самим королем с почестями, достойными кавалера ордена Бани. Как правило, в рыцари посвящали другие рыцари, вельможи, придворные или духовные чины.

Но посвящение королем становилось пожизненным отличием. Именно на это и возлагал граф Хаус большие надежды.

Существовало посвящение в рыцари на поле боя. Это была награда за доблесть и отменную службу. Но церемония «Бани», введенная королем Генри, стала незаурядным событием в придворной жизни, тем более, что на сей раз посвящать в рыцари пожелал сам король. В одной редкой старинной книге о традициях английского рыцарства мы найдем подробное описание этой церемонии. Там говорится, что поначалу посвящаемого отдавали под опеку двух поручителей чести, «мужей, известных при дворе с самой лучшей стороны как благородством манер, так и рыцарскими подвигами своими», им надлежало также руководить всем ритуалом.

Будущего рыцаря прежде всего сажали перед брадобреем, который стриг и брил его по особому канону под надзором поручителей чести. После этого кандидат торжественно препровождался в «баню» — особую комнату, где стоял чан с холодной водой и лежали на скамье богатые одежды и тонкое белье. В «бане» два других «многоопытных, важных и достопочтенных рыцаря» наставляли посвящаемого и излагали ему кодекс

рыцарской чести и все связанные с этим правила, заповеди и обычаи. После чего он экзаменовался на сей предмет и потом, если испытуемый дал правильные ответы, старший из рыцарей зачерпывал из чана пригоршню воды и выливал ее на голову испытуемого, одновременно рисуя на его левом плече знак креста.

Как только эта церемония заканчивалась, оба наставника помогали своему подопечному выбраться из бани и провожали его в простую постель без занавесей, где они оставляли его на время, пока его тело не становилось сухим и теплым. Затем они надевали на него белую полотняную рубашку, а поверх — красную мантию из грубой ткани, перепоясав по чреслам веревкой и надвинув на голову капюшон, как у монаха-отшельника.

Затем он препровождался в часовню, причем поручители чести шли впереди, рыцари сбоку от него, и вся процессия сопровождалась «искусными игрецами, исполняющими громкую музыку».

Когда они проходили в часовню, оба рыцаря, которые сопровождали его, оставляли кандидата и каждый как бы благословлял его поцелуем в щеку. С ним не оставалось никого, кроме поручителей чести, священника и служки со свечой.

Тем временем латы новичка, его меч, шлем и копье возлагались на ступень перед алтарем. Здесь он проводил бессонную ночь, созерцая оружие и бодрствуя до восхода солнца, и в это время «он», по словам древней инструкции, «предавался молитвословию и медитации». На рассвете он исповедовался священнику, слушал заутреню, причащался и приносил к алтарю зажженную свечу, в которую, как можно ближе к пламени, втыкал монету. Свеча жертвовалась в честь Господа, а деньги в честь человека, который производил его в рыцари.

Далее поручители провожали кандидата в его комнату, где оставляли его отдыхать перед второй и заключительной частью посвящения.

Таково короткое описание подготовительных ритуалов, которые пришлось совершить Майлзу Фолворту.

Все это обрушилось на него так внезапно, с такой стремительной сменой натуральных сцен, что вся неделя показалась ему каким-то необыкновенным, удивительным, чудесным видением. Казалось, он пережил все это во сне. Лорд Джордж Бьюмонт был одним из его поручителей чести, другим был де ля Монтень, его будущий противник. Они были весьма сведущи во всем, что

касалось рыцарства, и Майлз беспрекословно следовал всем их указаниям. Потом сэр Джемс Ли и граф де Вермуа произвели церемонию Бани, старый рыцарь экзаменовал его в законах рыцарства.

Наверное, в жизни каждого человека бывают события, знаменующие вехи жизни — иногда радостные, иногда ужасно горькие — и именно это довелось пережить Майлзу. И только впоследствии все детали такого события возвращаются к человеку так остро и ярко, что сердце начинает биться так же сильно, как в тот день, когда это свершилось. Но, пожалуй, ни одно из впечатлений тех дней не возвращалось к нему с такой ясностью и остротой, как та долгая ночь, проведенная в часовне, когда он погружался в созерцание оружия, в молитвы и мечтания. В такие минуты Майлз снова вглядывался в таинственную темноту часовни замка, снова видел серебряный серп луны за высоким узким окном и полосы мягкого света на каменном полу, пустые скамьи и безмолвные каменные изваяния святых. В такие минуты ему казалось, что можно коснуться рукой мерцающих свечей, освещавших алтарь, перед которым лежало его оружие, он вновь слышал глубокое дыхание Гаскойна,

спящего на одной из скамей, завернувшись в свой плащ, и видел старого служку, который встряхивался, чтобы не уснуть, кряхтя поднимался и снимал нагар со свечей. А за высоким застекленным окном занимался день, розовело и превращалось в алое зарево небо, и лысая голова спящего отца Томаса засияла, словно окруженная нимбом; высветились знамена на стенах, а потом все заворочались и стали просыпаться. К нему подходили товарищи и поздравляли его с окончанием долгого бдения.

Майлз очнулся от своего прерывистого сна около полудня, когда Гаскойн принес ему обед, но, как нетрудно догадаться, Майлзу было не до еды, и он почти не прикоснулся к ней. Вскоре вошли оба его поручителя, они приказали слуге внести одежду для предстоящей церемонии. Майлз поднялся, омыл лицо и руки в тазу, который держал Гаскойн, затем преклонил колени для молитвы, и как только снова встал на ноги, к нему подошел лорд Джордж.

— Король и общество только что прибыли в Большой зал, — сказал он, — тебе нужно поторопиться, Майлз.

Пожалуй, впервые в замке Дельвен собралось столько роскошно одетых знатных господ и дам,

желающих быть свидетелями великолепной церемонии с участием самого короля.

В дальнем конце зала был возведен помост, на котором стоял трон, покрытый алым атласом с геральдическими львами и лилиями, это было место короля. Он и его приближенные еще не прибыли, но большинство зрителей уже собралось. День выдался не по-осеннему жарким, балкон пестрел веерами из перьев, дамы томились в ожидании начала церемонии и нетерпеливо поглядывали вниз. К трону вела ковровая дорожка, огражденная деревянными перилами. По одну сторону располагались ряды сидений для благородных обитателей замка и гостей. По другую стояли почтенные горожане, одетые в платья красных и коричневых тонов, и йомены в зеленых и коричневых одеждах. Весь огромный сводчатый зал гудел множеством голосов. Наконец зал чуть затих, и по рядам пробежал шепот, означающий, что король прибыл. Наступила тишина, и снаружи донесся стук лошадиных копыт, он становился все громче и наконец оборвался перед дверью. Резкий рев рожка прозвучал в тишине, и вскоре через огромный дверной проем двинулась королевская процессия. Первыми в соответствии с титулами и заслугами шли

джентльмены, эсквайры и рыцари, в основном из королевской свиты. Позади них — два герольда[16] в камзолах, за которыми следовало около дюжины бакалавров. Позади них на некотором расстоянии шагали еще два герольда, тоже в форменных камзолах, знатные вельможи из ближайшего окружения короля. Следом шли личные оруженосцы короля и на небольшом расстоянии с нарочитой медлительностью шествовали король с Хаусом и де Вермуа, которые непосредственно сопровождали его, один по правую руку, другой по левую. В полной тишине королевская процессия медленно двигалась через зал. Были отчетливо слышны лишь звуки шагов по коврам, сухой шелест шелковых и атласных одежд, тонкий звон цепей и драгоценных украшений, но говорить не осмеливались даже шепотом.

Мгновенная суета вокруг трона, когда король занимал свое место, снова сменилась тишиной ожидания. Ее нарушили приветственные возгласы со стороны дверей, так встречали прибывшего на церемонию Майлза и его спутников. И тут же они появились в зале.

Первым шел Гаскойн, несущий в обеих руках

---

[16] Примечания: 16

Глашатаи королевских указов и распорядители на рыцарских турнирах.

меч Майлза, уперев рукоять себе в грудь и опустив клинок под углом в сорок пять градусов. Он был вложен в малиновые ножны, оплетенные поясом из испанской кожи и украшенный серебряными пряжками. С рукояти меча свободно свисали позолоченные шпоры его будущего владельца. Чуть позади своего оруженосца шел Майлз, приковав с себе взгляды всего зала. Он был одет в одежду послушника, подобранную под личным надзором лорда Джорджа. Она несколько отступала от моды тех дней и должна была подчеркнуть молодость и чистоту посвящаемого. Верхняя одежда представляла собой широкую мантию из белой шерсти с каймой серебряного шитья и собранную на талии ремнем из лиловой кожи. Из-под мантии посверкивала броня (подарок графа), новая и отполированная до блеска. Кираса была покрыта белым атласом с серебряным узором. Позади Майлза и по обе руки от него шли его поручители, рыцари-наставники и друзья. Когда они достигли центра утопающего в торжественном полумраке огромного зала, гулкие своды содрогнулись от грома аплодисментов.

— Никогда не видела такого милого удальца, — шепнула одна из фрейлин леди Энн. — Ну просто

сэр Галаад[17], когда тот впервые появился при дворе короля Артура.

Майлз был необыкновенно бледен, он скорее чувствовал, чем видел, бесконечную череду лиц по обе стороны от себя, так как его глаза смотрели прямо перед собой на помост, где сидел король с графом Хаусом, стоящим по правую руку, и графом де Вермуа по левую, окруженный толпой вельмож, выстроившихся вокруг и позади трона. Все еще не совсем веря в явь происходящего, Майлз медленно шел по залу, механически повторяя шаги Гаскойна. Вдруг он почувствовал, как сэр Джордж Бьюмонт слегка прикоснулся к его руке, и почти инстинктивно остановился. Он стоял как раз перед покрытыми ковром ступеньками трона. Он видел, как Гаскойн поднялся на третью ступень, преклонил колени и протянул меч и шпоры королю, который положил меч себе на колени. Потом оруженосец низко поклонился и, пятясь назад, отступил в сторону, оставив Майлза лицом к лицу с королем. Генрих снял с рукояти меча связку шпор, посмотрел Майлзу прямо в глаза и улыбнулся. Затем он передал одну из шпор графу Хаусу. Граф принял ее с низким поклоном

[17] Примечания: 17

Один из героев рыцарских романов, олицетворение самого совершенства.

и медленно спустился по ступеням к тому месту, где стоял Майлз. Преклонив одно колено и поставив на другое ногу Майлза, лорд Хаус прикрепил шпору и застегнул цепочку на лодыжке, а затем, осенив колено Майлза крестным знамением, поставил его ногу на пол и медленно, с достоинством, поднялся, поклонившись королю и отойдя в сторону.

Как только Хаус выполнил свою миссию, король дал вторую шпору графу де Вермуа, который с той же церемонностью прикрепил шпору ко второй ноге Майлза.

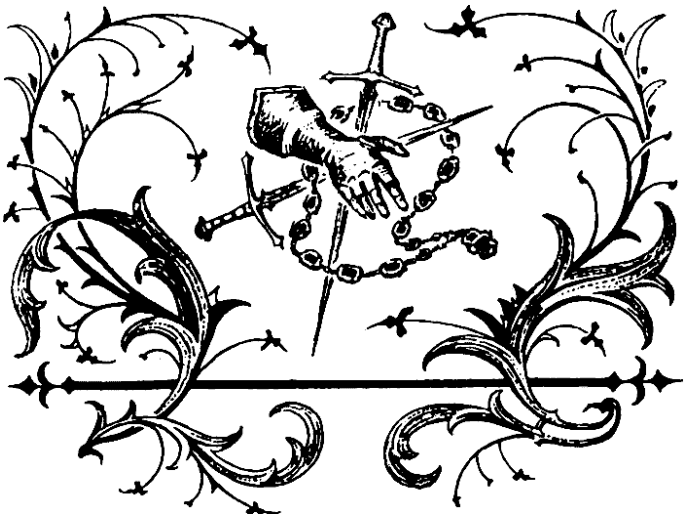
Последовала пауза, во время которой никто не смел шевельнуться, и тут король медленно поднялся и начал не спеша разворачивать пояс, обвернутый вокруг ножен меча. Затем оба графа подошли к Майлзу и, взяв его под руки, повели вверх по ступеням помоста к площадке перед троном. Подведя его к королю, они спустились вниз, а король нагнулся и застегнул пояс на талии Майлза, потом, снова выпрямившись, поднял руку и хлопнул его по плечу, громко воскликнув:

— Будь добрым рыцарем!

В ту же секунду зал взорвался шумом голосов и рукоплесканий. Король возложил обе руки на плечи Майлза и поцеловал его в правую щеку.

Так закончилась эта церемония. Теперь Майлз был уже сэром Майлзом Фолвортом, рыцарем ордена Бани, милостью самого короля!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ



По традиции церемония дарования рыцарского звания завершалась грандиозным празднеством в честь новоиспеченного рыцаря. Но на сей раз обошлось без такого празднества. Граф Хаус рассчитывал, что Майлз будет произведен в «рыцари Бани» со всеми подобающими обрядами и церемониями, что он произведет очень выгодное

впечатление на короля, что, возможно, молодой человек удостоится таких почестей, которые сделают его равным любому, кто носит шпоры во всей Англии, и, наконец, что он сможет отпраздновать свой новый статус, сразившись с каким-нибудь прославленным рыцарем. Все эти желания осуществились во время визита короля в Дельвен.

Хоть граф и говорил Майлзу, что лучше бы подождать еще год, пока юноша не накопит побольше опыта и сил, но нельзя было упускать редкую возможность. Как бы Майлз ни был молод, ему придется испытать свою удачу в поединке с опытным противником. По замыслу графа король не должен был до поры знать жизненную историю Майлза. Хотя церемония требовала соблюдения каждой формальности, планы графа рухнули бы, если бы король преждевременно узнал, что Майлз — сын опального лорда Фолворта. Граф мог положиться на сообразительность и здравомыслие парня, но король уже намекал, что его имя он уже когда-то слышал, и любой опрометчивый ответ, любая оплошность юноши оживили бы кое-какие воспоминания. Этого никак нельзя было допускать, так как благодаря интригам того самого врага, о котором Майлз так много

слышал и о котором в скором будущем ему предстояло услышать еще больше, король все еще таил горькую и злую неприязнь по отношению к отцу Майлза.

Графу не составило большого труда отвлечь внимание короля от мыслей о празднестве. Как раз в это время Генрих ломал голову над тем, какое по численности войско дать в помощь дофину, и главной целью визита в Дельвен было проведение с графом переговоров, касающихся этого вопроса. Королю не терпелось увидеть Майлза на предстоящем турнире, этим он, скорее всего, хотел отвлечь себя от других, сугубо государственных дел. Так что, хотя он и сделал несколько полупрозрачных намеков насчет пиршества, его легко удалось отговорить от проведения празднества. Граф убедил короля на следующее же утро обсудить вопрос о военной помощи дофину и призвать на эту встречу своих наиболее сильных и знатных вассалов. Другие доводы графа состояли в том, что король нуждается в часовом отдыхе, который его цирюльник-хирург прописал ему после обеда, что отец Томас наложил на Майлза небольшую епитимью, запрещавшую в первые три дня рыцарства есть мясное и сдобное и т. п. В общем, король поддался

уговорам, и пир был отменен.

Следующим утром началась подготовка к турниру, и весь день рабочий люд, занятый в разных службах замка, готовил ристалище на большом дворе, на который, как уже говорилось, выходили окна главного дома. Окна нового жилища Майлза также смотрели на эту подготавливаемую сцену — до него доносился звук топоров и пил, он видел, как обойщики кроят и сшивают полосы ткани. Майлз и Гаскойн стояли на открытой галерее, по привычке положив руки друг другу на плечи, и у Майлза защемило на сердце, когда он вдруг особенно остро и живо осознал, что все эти приготовления ведутся для него, что на следующий день он с фатальной неумолимостью либо обретет славу, либо позор на глазах не только великих и малых обитателей замка, но и самого короля и его благородных спутников, знающих толк в рыцарской доблести. Только сейчас ему открылась эта устрашающая истина. Он глубоко вздохнул, словно желая снять тяжесть с сердца. Гаскойн резко повернул голову и посмотрел на своего друга, но не сказал ни слова. Ведь оба они думали об одном и том же.

Ближе ко второй половине дня он получил приказ явиться в кабинет графа. После того, как

Майлз поклонился и поцеловал руку лорда, граф предложил ему сесть, сказав, что должен сообщить ему последние наставления. Примерно около получаса он говорил с юношей спокойным ровным голосом и лишь пару раз выдавал свое легкое волнение, вставая с кресла и прохаживаясь взад и вперед по комнате. Из этого разговора Майлз узнал немало вещей, над которыми будет часами размышлять впоследствии, ибо граф говорил прямо, без утайки обо всем, что касалось его отца и участи дома Фолвортов.

У Майлза было много догадок, но только теперь он наконец узнал, кто этот смертельный и всесильный враг его отца. Им оказался могущественный граф Альбан, соперник и опасный враг графа Хауса. Майлз с ужасом услышал, что сегодняшний граф Альбан был тем самым графом Брукхёрстом, который убил сэра Джона Дейла в замке Фолворт тем таким далеким утром в родовом имении. Именно сейчас он узнал все обстоятельства ослепления отца, услышал о том, что отец был опрокинут на большом турнире в Йорке и что тот же самый лорд Брукхёрст дважды заставил свою закованную в латы боевую лошадь пройтись по телу поверженного противника до того, как оруженосцу удалось вытащить его

из-под смертоносных копыт, и что именно это нанесло ему те увечия, от которых он впоследствии ослеп. Граф поклялся Майлзу, что лорд Брукхёрст сделал это намеренно и потом похвалялся этим. Затем не без некоторых колебаний лорд объяснил Майлзу главную причину неприязни Брукхёрста к Фолворту: она состояла в том, что Брукхёрст хотел жениться на будущей матери Майлза и поклялся отомстить мужчине, который завоевал ее сердце.

Шаг за шагом граф Хаус восстанавливал всю картину той многолетней мести, которую враг слепого воина на него обрушил. Он рассказал Майлзу, что после того, как его отец был обвинен в государственной измене, король даровал новоиспеченному графу Альбану баронство Истенбридж, несмотря на все усилия друзей лорда Фолворта помешать этому. Хаус слышал своими ушами, как после аудиенции у короля Брукхёрст хвастливо заявил, что получил владения Фолвортов, но этого ему мало, он не успокоится до тех пор, пока не отыщет слепого лорда и не положит его голову на плаху.

— С этого момента, — сказал граф Хаус, — он всеми силами пытается отыскать убежище твоего отца. Когда-нибудь, возможно, он найдет его,

и тогда…

Майлз давно чувствовал скрытую поддержку и понимал, что граф Хаус был той рукой, которая вылепила из него воина, но лишь теперь ему стало ясно, каких великих свершений ожидают от него в первом серьезном испытании и какие надежды на него возлагаются. Теперь он знал, что все давно следят за его возмужанием и видят в нем преемника и заступника, ждут того дня, когда он вызовет графа Альбана на «правый суд», на смертный бой, чтобы восстановить доброе имя отца, вернуть его титулы и по праву принадлежащие владения.

И не только это узнал Майлз от своего господина. Лорд сказал, что Альбан является и его личным врагом, что в молодые годы граф помог своему родичу Фолворту жениться на матери Майлза, и тогда Брукхёрст поклялся свалить и Хауса вслед за расправой над его другом. Он сообщил Майлзу, что лорд Брукхёрст, а ныне могущественный граф Альбан, замыслил заговор против него, Хауса, и что если лорда Фолворта обнаружат и арестуют за измену, то хозяин Дельвена пострадает наравне с ним за помощь и содействие. Теперь Майлз понял, что граф смотрит на него, как на защитника и дома Бьюмонтов, и дома Фолвортов.

— Ты думаешь, — сказал граф, — я из праздного удовольствия взял на себя труднейшую задачу устроить твое посвящение в рыцари со всеми почестями, чтобы ты мог сразиться с рыцарем дофина? Нет, нет, Майлз Фолворт, я бы не предпринимал столь тяжких усилий ради такой забавы. Я устроил так, чтобы король, не зная тебя, посвятил тебя в рыцари, сделав ровней самому Альбану, и теперь я хочу, чтобы ты выступил против де ля Монтеня и испытал, сможешь ли ты быть равным Альбану, и доказал, что стоишь дарованного тебе рыцарского звания. Однако мне жаль, — добавил он, чуть помедлив, — что это нельзя отложить на более поздний срок, так как мой замысел свести тебя в поединке с проклятым Альбаном еще не вполне созрел. Но приезд короля — крайне редкий и счастливый шанс. И я рад воспользоваться случаем быстро удалить тебя из Англии. Я хочу, чтобы ты исчез из поля зрения его величества сразу же после турнира. Ты понравился ему, и я опасаюсь, что он захочет познакомиться с тобой поближе, и тогда все рухнет. Мой брат Джордж скоро отправится во Францию, к дофину, имея под своей рукой десять человек, рыцарей и лучников, ты поедешь с ним и пребудешь там до тех пор, пока я не пошлю за тобой.

На этом долгая беседа закончилась, граф обязал Майлза не говорить о предстоящей экспедиции во Францию даже своему другу, так как пока это тайна, известная только королю и нескольким вельможам, тесно связанным с этим предприятием.

Напоследок Майлз испросил разрешение взять с собой во Францию верного Гаскойна. И почти уже у самого порога Майлз нерешительно затоптался, не осмеливаясь заговорить о деле, которое не выходило у него из головы всю ночь.

Граф вопросительно поднял глаза.

— О чем ты хочешь спросить? — произнес он.

У Майлза захолонуло сердце от собственной дерзости, и когда он заговорил, щеки его пылали огнем.

— Сэр, — сказал он наконец, — может быть, вы забыли, но когда-то давно я говорил вам о служении леди Элис в качестве ее истинного рыцаря. Вы мудро посмеялись над моими словами, но велели мне ждать, пока я не получу свои шпоры. Теперь, сэр, я их получил и… надеюсь на ваше милостивое разрешение по-рыцарски служить ей.

Наступила мертвая тишина, в которой Майлз слышал удары собственного сердца.

— Я не понимаю, чего ты хочешь, — произнес

наконец граф несколько напряженным голосом. — Как ты будешь служить ей? Что ты имеешь в виду?

— Сейчас я имею в виду только одно, — ответил Майлз. — Я всего лишь прошу какой-нибудь ее знак, вернее, талисман, который будет у меня на груди в завтрашнем бою, и леди Элис будет знать, что я считаю ее своей дамой и имею достаточно мужества, чтобы защитить талисман.

Какое-то время граф сидел в гнетущем молчании. Внезапно его брови разгладились.

— Так тому и быть, — сказал он, — я дарую тебе свое разрешение испросить у леди Элис ее бант, и если она дарует его тебе, я ничего ей не скажу. Но ставлю тебе условие: говорить с ней будешь только в присутствии леди Энн. Насколько я помню, ты увидел ее первой, и это должно удовлетворить тебя. Иди в Длинную галерею, и они придут туда, как только смогут.

Ожидать Майлзу пришлось более четверти часа. Кроме него здесь никого не было. Эта часть замка соединяла апартаменты графа и графини, и ею почти не пользовались. Все это время он стоял, глядя отсутствующим взглядом на мощеный двор и стараясь облечь в подходящие слова то, что собирался сказать. Наконец в дальнем

конце галереи скрипнула дверь, и порывисто обернувшись, он увидел взявшихся за руки молодых леди. Последняя их встреча произошла в день церемонии, с тех пор они не виделись. Майлз двинулся навстречу девушкам, леди Энн чуть опередила свою кузину и протянула руку для поцелуя.

— Я рада вашему новому званию, сэр Майлз, — сказала она, — и верю, что если кто-либо здесь и заслужил такую честь, так это прежде всего вы.

Леди Элис молча стояла позади кузины, пока не услышала ее вопрос:

— Ну а ты, сестричка, что скажешь нашему новоиспеченному рыцарю? Не поздравишь ли его с посвящением?

Леди Элис робко протянула Майлзу руку, которую он с неменьшей робостью поднес к губам. Точно так же он целовал минуту назад и руку леди Энн, но в этот поцелуй, вернее в легкое касание, были вложены совсем иные чувства.

— Я разделяю вашу радость, сэр, — сказала леди Элис таким тихим голосом, что Майлз ее едва расслышал.

Оба покраснели, и когда он снова поднял голову, то увидел, что леди Энн отошла в сторону. Тогда он понял, что она дает ему возможность

испросить желаемое. Последовало недолгое молчание, Майлз собрался с духом и решил высказать все, что было у него на сердце.

— Леди… — начал было Майлз, — леди, я хочу просить у вас какой-нибудь знак…

— Какой же, сэр Майлз? — прошептала она в ответ.

— Леди, — произнес он, — с того самого мгновения, когда я впервые увидел вас, я подумал, что никогда в жизни не смогу служить никакой иной даме…

Тут он остановился, удивившись собственной смелости. Элис стояла молча, отвернув лицо в сторону.

— Вы… Мои слова рассердили вас? — спросил он.

Элис покачала головой.

— Сколько дней и ночей, — сказал он, — я мечтал добиться вашего согласия, и вот время пришло. Завтра я встречаюсь с очень сильным рыцарем, весьма искушенном в боевом искусстве и турнирных хитростях. Да, он знаменитый воин, а я никто. Тем не менее я буду биться с ним за честь Англии и Хауса… и… ради вас. Я… Вы не сердитесь на меня за эти слова?

Леди Элис вновь покачала головой.

— Мне бы хотелось… мне бы хотелось, чтобы вы дали мне какой-нибудь талисман, который я мог бы носить… платок или ожерелье…

Он замер в ожидании ответа, но юная леди молчала.

— Я боюсь, — сказал Майлз, — что, должно быть, оскорбил вас этим предложением. Возможно, я новичок на рыцарской стезе, возомнил о себе Бог знает что. Если я оскорбил вас, умоляю, считайте, что я ничего у вас не просил.

Как знать, может именно его робость придала леди Элис твердости и решительности, а, возможно, сказались плоды благородного воспитания, повелевающего ободрить смущенного юношу, а, скорее всего, было нечто большее, что заставляло ее забыть даже о присутствии леди Энн.

— Нет, сэр Майлз, — сказала она, — я напрасно морочила вас своим глупым молчанием, клянусь, я буду только гордиться тем, что вы носите мой талисман.

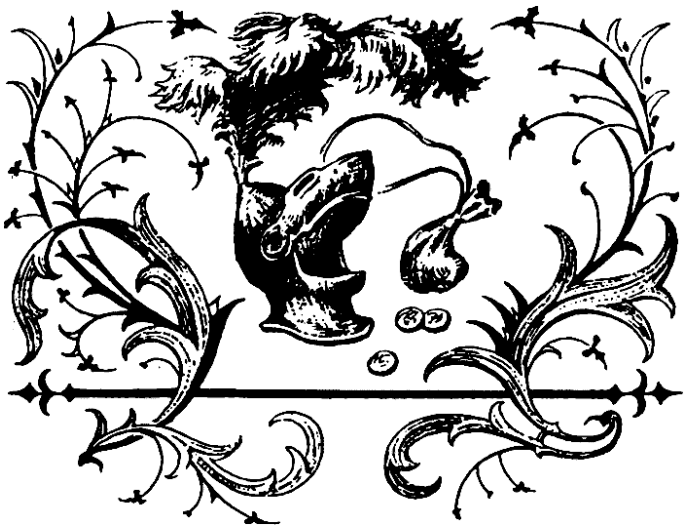
С этими словами она сняла золотую цепочку, служившую ей ожерельем.

— Возьмите это, — сказала она, — как оберег от всяких бед. Дай Бог вам удачи!

Не успел Майлз опомниться, как остался один с цепочкой в руке. А обе юные леди, снова взяв-

шись за руки, уже спешили к выходу. Майлз смотрел им вслед, и когда они скрылись из виду, дрожащими руками поднес ожерелье к губам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ



И вот наступил тот день, когда беспощадному испытанию подверглось все, чему научился Майлз за долгие годы; день, который мог бы знаменовать его новое рождение. Он и впрямь выдался на славу, как бывает в конце сентября, когда золотое солнце уже не в силах обесцветить

синеву неба, а свежий ветер еще сохраняет летнее тепло и, не раздувая щек, легко гонит белые облака.

Как уже говорилось, ристалище было оборудовано на большом дворе замка, ровном и гладком, как паркет, и лучшего места для турнира найти было нельзя.

Арена соответствовала принятым в то время размерам — шестьдесят шагов в длину — и разделялась продольным барьером футов пяти высотой. На западной стороне в двадцати шагах от арены были возведены трибуны, таким образом взоры зрителей обращались на восток, чтобы полуденное солнце не мешало следить за ходом турнира. В центральной части трибун находился помост, задрапированный голубой материей с вышитыми на ней геральдическими львами на задних лапах. На помосте стоял трон с подушками, а ступенью ниже сообразно титулам и положению знатных зрителей располагались сиденья для графа, его гостей, родственников, дам, рыцарей, джентльменов. Не поскупились и на драпировку трибуны, для чего собрали гобелены всего замка. Верхний край трибун венчал яркий гребень множества трепетавших на ветру стягов и вымпелов.

По обоим концам ристалища стояли шатры рыцарей. Шатер Майлза находился на южном конце и по желанию графа был задрапирован тканью цветов рода Бьюмонтов (черного и желтого), над входом укрепили деревянный щит с тремя ястребами (герб семейства), а над крышей развевался черно-желтый вымпел на высоком древке. Еще не успев полностью облачиться в доспехи, Майлз стоял у входа и наблюдал за тем, как народ собирается на трибуне. Дамы уже сидели, а герольды просто сбились с ног, указывая места прибывающим господам. Толпа простолюдинов, среди которых было немало горожан, обступала ограду арены, и при виде такого множества зрителей Майлз впервые испытал волнение, знакомое всякому актеру перед выходом на сцену.

Толпа возбужденно загудела. Большие ворота у дальнего конца ристалища отворились, и следом за герольдами и оруженосцами появился король на белом коне, рядом ехали лорд Хаус и граф де Вермуа, за ними следовала многочисленная свита. Как раз в этот момент Гаскойн и Уилкс, возившиеся с завязками на латах, позвали Майлза, и он вернулся в шатер.

Через несколько минут, когда на Майлзе уже затягивали последние ремни, в шатер вошли

лорд Джордж и сэр Джемс Ли. Лорд Джордж взял молодого человека за руку и с доброй улыбкой пожелал ему успеха в предстоящем единоборстве.

Сэр Джемс выглядел встревоженным и мрачным, и после того, как Гаскойн надел на Майлза открытый подшлемник, без которого шлем с забралом попросту съезжал бы с головы, старый рыцарь тщательно и придирчиво проверил надежность всей экипировки.

— Сэр, — сказал наблюдавший за его действиями Гаскойн, — я уверен, что все сделал на совесть.

— Пожалуй, ты прав, парень, — сказал старый рыцарь без обычной сердитости, — насколько я могу судить, он готов к бою.

Тут появился посыльный, сообщивший, что король занял свое место. Лорд Джордж велел Майлзу поторопиться.

— Френсис, — сказал Майлз, — дай мне, пожалуйста, мой кошель.

Гаскойн передал ему его бархатную сумку и, открыв ее, Майлз достал ожерелье леди Элис.

— Повяжи его мне вокруг руки, — сказал он. Он посмотрел вниз, внимательно следя за пальцами Гаскойна, который дважды обвил золотой цепью стальные пластины на правой руке. Пой-

мав на себе взгляд лорда Джорджа, Майлз густо покраснел.

Сэр Джемс тем временем осматривал шлем с забралом, а лорд Джордж с улыбкой смотрел на Майлза.

— Значит, ты уже избрал себе даму? — спросил он.

— Да, милорд, — признался Майлз.

— Надеюсь, ты оказал нам честь, избрав одну из обитательниц замка?

Майлз немного замялся прежде чем дать ответ.

— Милорд, — сказал он, — этот знак даровала мне леди Элис.

Лорд Джордж изумленно поднял брови и рассмеялся.

— Клянусь небом, ты храбрый стрелок, коли бьешь по таким целям.

Майлз не ответил, как раз в этот момент два конюха подвели к шатру его лошадь. Гаскойн и Уилкс помогли ему сесть в седло, а потом Гаскойн, держа лошадь за поводья, медленно пошел через ристалище к небольшой площадке перед трибуной, где сидел король. Одновременно с противоположной стороны приближался де ля Монтень.

Как только оба рыцаря заняли свои позиции

перед трибуной, церемониймейстер приказал герольду огласить вызов, и тот, развернув пергаментный свиток, начал громко и раздельно, словно речитативом, читать текст. Это был занятный документ, написанный замысловатым геральдическим языком того времени. В нем говорилось о том, что господин Бриан Филлип Френсис де ля Монтень объявлен перед всем миром самым великим и искушенным в бою среди рыцарей Франции; во имя прекрасных дам Франции и дофина он готов защищать это звание с оружием в руках без страха и упрека. Как только герольд закончил, главный церемониймейстер приказал ему вызвать ответчика с противоположной стороны.

Настал черед Майлза, и слегка дрожащим голосом, но достаточно громко и ясно он произнес:

— Я, Майлз Эдвард Фолворт, рыцарь, посвященный рукой и милостью Его Величества Короля Англии Генриха IV, принимаю вызов на поединок и буду защищать честь рыцарей Англии и биться во имя ее прекрасных дам!

После этого он вернулся на исходную позицию и началась церемония выкупа шлема, которой подвергались все молодые рыцари, впервые выходящие на ристалище.

Один из герольдов громко крикнул:

— Я Жиль Хамертон, герольд его величества, короля Англии, забираю шлем Майлза Фолворта по той причине, что он никогда еще не участвовал в турнирах и поединках.

На что Майлз отвечал:

— Я признаю право на это и даю выкуп. Вот мой кошель с сотней золотых.

В это время Гаскойн вышел вперед и вручил кошель с деньгами герольду. Сумма была больше, чем обычный выкуп, об этом позаботился граф и лорд Джордж.

— Ты с лихвой выкупил свой шлем, — сказал герольд, — и отныне и впредь можешь участвовать в любом турнире, когда угодно и где угодно.

Итак, все формальности были завершены, оба рыцаря поклонились королю и каждый в сопровождении оруженосцев под громкие аплодисменты вернулся к своему шатру.

Навстречу Майлзу вышел сэр Джемс. Подойдя к его лошади, старый солдат положил руку на седло и посмотрел прямо в глаза своему воспитаннику.

— Ты не подведешь и не опозоришь меня в этом поединке? — спросил он.

— Нет, мой дорогой наставник, — ответил Майлз. — Я сделаю все, что смогу.

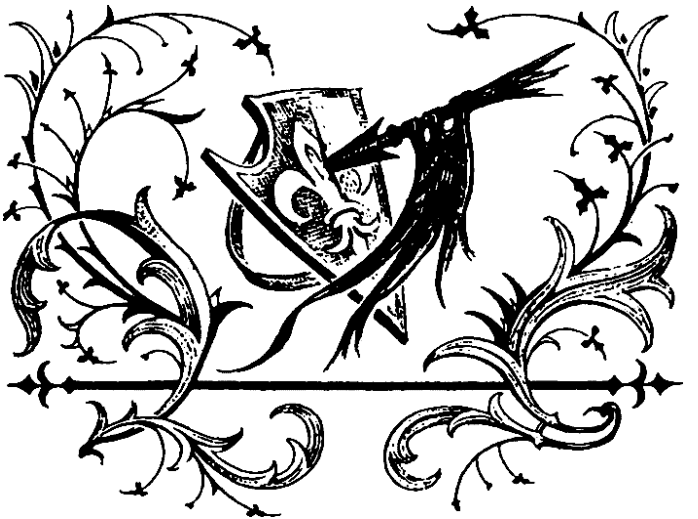
— Я не сомневаюсь, — сказал сэр Джемс, — и верю, что у тебя все получится. Из того, что де ля Монтень говорил сегодня утром, я понял, что он собирается переломить только три копья в сегодняшнем поединке и не собирается выбить тебя из седла. Но все равно, будь смел и осторожен, а если почувствуешь, что он пытается сбросить тебя, старайся изо всех сил выбить его. Еще помни то, что я тысячу раз повторял тебе: тяни носки ступней вниз и крепче держись в стременах, особенно во время встреч с противником, корпус подавай вперед и прижимай локти. Держи острие копья примерно на фут выше шлема своего противника, пока вы не сблизитесь на два лошадиных корпуса, и тогда целься в самый центр его щита. В общем, Майлз, ты должен постоять за себя и добыть себе славу.

С этими словами старый рыцарь отошел в сторону, а Гаскойн, встав на скамейку, надел на голову своего друга большой турнирный шлем, крепко затягивая кожаные ремешки, соединяющие шлем со стальным воротом кирасы.

Тут прибежал посыльный главного герольда, сообщивший, что де ля Монтень готов к бою, и Майлз понял, что время пришло. Слегка нагнувшись, он подал руку сэру Джемсу, затем опустил

забрало, взял турнирное копье, которое ему подал Уилкс, и направил коня к воротам ристалища.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ



Заняв позицию на южном краю арены, Майлз увидел, что де ля Монтень уже изготовился к бою. Поперечная прорезь в лобовой пластине шлема, так называемая глазница, приоткрывала какую-то странную, словно сплющенную картину: полоска ристалища, часть трибун с гроздью

голов и в отдалении — неподвижная, как статуя, фигура всадника с опущенным копьем. Солнечные лучи сверкающими брызгами разбивались о полированную сталь доспехов, лошадь нервно вздрагивала под порывами холодного ветра.

На этой неподвижной фигуре и остановился его взгляд, ею было поглощено все внимание Майлза. Он знал, что сейчас будет подан сигнал, который принесет ему либо славу, либо позор. Майлз стиснул зубы, еще раз поклявшись себе сделать все возможное и невозможное в предстоящем единоборстве, и прошептал короткую молитву. Потом он чуть откинулся, медленно поднял острие копья и замер. В наступившей тишине он скорее почувствовал, чем увидел, как церемониймейстер поднял свой жезл, и вслед за этим громко и чисто прозвучал звук рожка. Майлз вонзил шпоры в бока своего коня, и благородное животное послушно рванулось вперед.

У Майлза заложило уши от звона собственной брони, он видел несущуюся на него и растущую на глазах железную фигуру на коне. Майлз сжал седло коленями, уперся ступнями в стремена и, пригнувшись, наклонился вперед. В самый момент сшибки, повинуясь инстинкту, он мгновенно перехватил копье и направил его на

красную лилию в центре щита своего противника. Раздался громовой удар, отозвавшийся болью во всем теле. Майлз услышал треск расщепленного дерева, почувствовал, как вздрогнула лошадь, но он уже несся к другому краю арены. Осадив коня, он смутно услышал приглушенные пластинами шлема крики и рукоплескания зрителей и внезапно осознал, что судорожно сжимает в руке древко сломанного копья. Во рту пересохло от волнения, сердце гулко стучало где-то у самого горла.

Тут он понял, что достойно встретил натиск противника. Развернувшись, он увидел де ля Монтейна, который неторопливой рысью ехал к своей позиции, также держа в руке древко сломанного копья.

Когда он поравнялся с его железной фигурой, рыцарь приподнял забрало и крикнул:

— Славное начало, сэр Майлз! Просто великолепно!

От этих слов сердце Майлза забилось еще сильнее. Вернувшись на свою позицию, он отбросил в сторону сломанное копье, и Гаскойн подал ему новое.

— О, Майлз! — воскликнул он со слезами в голосе. — Ты был великолепен. Более красивой

схватки я еще не видел. Честно говоря, я не очень на это надеялся. Заклинаю тебя, Майлз, вышиби его из седла!

Напряжение Майлза было так велико, что слова друга вызвали у него короткий нервный смех. Он взял копье, но увидев, что его противник медленно разъезжает взад и вперед, не давая лошади застояться, последовал его примеру.

Когда в ответ на команду церемониймейстера Майлз изготовился во второй раз, он чувствовал себя более спокойным и собранным, чем раньше, но все его душевные струны были по-прежнему напряжены. Распорядитель вновь поднял свой жезл, еще раз прозвучал рожок, и еще раз оба противника столкнулись друг с другом с тем же громоподобным звуком, расщепив древки своих копий, опять же вздрогнула лошадь, и соперники разъехались в разные стороны под восторженный рев зрителей.

На сей раз, проезжая мимо, де ля Монтень остановил свою лошадь.

— Сэр Майлз, — раздался его приглушенный голос, — клянусь всеми святыми, я не думал встретить здесь такого мощного противника. Я ожидал

увидеть незрелого юнца, а встретил паладина[18]. До сих пор я оказывал вам снисхождение, собираясь лишь дать вам возможность преломить свое копье. Теперь же я буду стараться выбить вас из седла, так как признаю в вас равного. Тем не менее, принимая в расчет вашу молодость, предупреждаю, чтобы вы были наготове.

— Благодарю вас за великодушие, милорд, — ответил Майлз по-французски, — я приложу все силы, чтобы достойно противостоять вам. И не сочтите за дерзость мой совет: на вашем месте я бы сменил грудной ремень и подпругу седла, они расползаются по швам.

— Нет, — сказал сир де ля Монтень, смеясь, — этот ремень и подпруга прошли со мной через множество боев, не подведут и сегодня. Если ты наградишь меня ударом столь сильным, что порвется грудной ремень и подпруга, я признаю себя поверженным.

С этими словами он отсалютовал Майлзу обломком копья и дал коню шпоры.

Майлз с бегущим сбоку Гаскойном подъехал к своему шатру и попросил Эдмонда Уилкса принести чашу приправленного пряностями

---

[18] Примечания: 18
Здесь: доблестного рыцаря.

вина. Гаскойн снял с него шлем, Майлз присел на скамью, вытирая испарину с лица, тут к нему подошел сэр Джемс.

— Мой дорогой мальчик, — сказал он, сжимая его руку, — вот уж не чаял такой радости на старости лет. Я, право, горжусь тобой. Ты сражаешься как рыцарь, прошедший через десятки турниров.

— А ваши слова удесятеряют мое мужество, дорогой наставник. В этой схватке оно мне понадобится; господин де ля Монтень сказал мне, что теперь попытается выбить меня из седла.

— Он в самом деле так сказал? — спросил сэр Джемс. — Тогда, думаю, он попытается ударить тебя в шлем. Тебе остается делать то же самое. У тебя дрожат руки?

— Теперь нет, — ответил Майлз.

— Тогда держи голову холодной, а глаза открытыми, верь в Господа и, возможно, выйдешь из этого поединка с честью, несмотря на твою молодость.

Эдмонд Уилкс подал Майлзу чашу вина, и Майлз разом осушил ее, а Гаскойн начал надевать на него шлем и затягивать ремни.

Удар по шлему, о чем говорил сэр Джемс, старый рыцарь считал крайним средством и очень

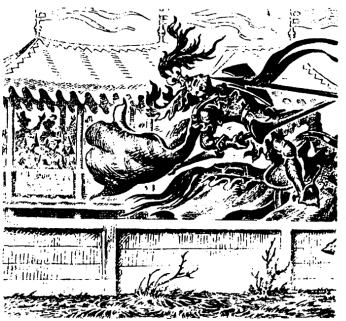
редко советовал прибегать к нему молодым воинам. Хорошо направленный удар в шлем мог сокрушить противника, но удавался он не чаще одного раза на пятьдесят попыток. Большой турнирный шлем имел впереди выступ, образованный крестообразным соединением стальных пластин, наваренных на лицевую часть шлема в тех местах, где он был ослаблен прорезью для глаз — «глазницей». Именно в центр этого креста и следовало направить удар, к которому готовился Майлз.

По пути к арене его догнал Эдмонд Уилкс и попросил сменить копье, которое дал Гаскойн, на новое, выбранное самим сэром Джемсом. Древко было сделано из ствола молодого дуба и заметно отличалось толщиной, такое могло выдержать и самые мощные удары. Майлз подбросил его и убедился, что оно вполне по руке. Когда он поднял острие вверх, противник занял свою позицию на дальнем краю ристалища, и снова воцарилась полная тишина. Майлз сам подивился своему хладнокровию; от нервной дрожи не осталось и следа. Раньше его смущали напряженные взгляды зрителей, теперь же он не видел никого, кроме соперника, и поединок с ним не внушал ни малейшего страха.

Все вокруг понимали, что наступил решающий момент схватки, и, затаив дыхание, ждали развязки.

Майлз еще раз произнес свою короткую молитву: «Святая Дева, защити меня!» Снова, уже в третий раз, главный герольд поднял свой жезл, прозвучал рожок, и Майлз вонзил шпоры в бока своего коня. Снова на него стремительно надвигалась железная фигура. Вся воля, вся энергия Майлза устремились к одной цели — едва заметному перекрестью на выступе шлема противника. Он напрягся в ожидании мощного удара, и в этот миг раздался удар чудовищной силы. Слепящий свет вспыхнул перед глазами Майлза, рассыпаясь мириадами пляшущих искр. Он почувствовал, как лошадь качнулась под ним и начала заваливаться. Подчиняясь безотчетному порыву, он с криком вонзил шпоры в бока животного. И тут до его ушей донеслись грохот и скрежет, Майлз поначалу не мог понять, в чем дело, но его лошадь выпрямилась и рванула вперед. Миг замешательства был позади, и Майлз обнаружил, что у него сорван шлем. Он услышал, как на трибунах поднялся громкий шум, и душу Майлза полоснула горькая мысль о том, что крик означает его поражение. В дальнем конце ри-

сталища он развернул лошадь, и тут его сердце содрогнулось от радости, Майлз возликовал всем своим существом. На изрытой копытами земле, запутавшись в сбруе и ремнях свалившейся попоны, лежал распростертый де ля Монтень, а лошадь без седока топталась в дальнем конце арены.



Майлз видел, как два оруженосца поверженного рыцаря бежали через ристалище к своему господину. Он видел дам, размахивающих своими платками и шалями, и восторженную толпу про-

столюдинов, подбрасывающих в воздух шляпы. Майлз направил коня в тот угол, где оруженосцы помогали упавшему рыцарю подняться. Старший из них вытащил кинжал, разрезал кожаные ремни и снял шлем, открыв лицо рыцаря. Белое, как мрамор, оно было искажено гримасой гнева и горького разочарования.

— Это против правил! — хрипло выкрикнул он, с трудом шевеля посиневшими губами и повернув голову к подъехавшему церемониймейстеру. — Я нанес точный удар ему по шлему, но у меня лопнула подпруга, и седло слетело. Я сбил ему шлем!

— Сэр, — спокойно сказал церемониймейстер, переходя на французский, — вам, конечно, известно, что потеря шлема не решает исход единоборства. Мне не нужно напоминать вам, милорд, что правило было установлено Джоном Гонтом, герцогом Ланкастерским, когда в турнирном поединке между Рэйнардом де Руа и Джоном де Холандом сэр Рэйнард оставил незавязанными все ремни своего шлема, так что шлем сбивали с головы при каждом ударе. Уж если даже это не было принято во внимание, то в чем можно упрекать вашего противника, который потерял шлем не по собственной беспечности?

— Нет! — прохрипел де ля Монтень. — Я утверждаю и готов доказать, что упал только из-за того, что у меня лопнула подпруга!

— Это правда, — подтвердил Майлз, — я сам видел, что швы его ремней были слегка надорваны, и предупредил его перед началом схватки.

— Сэр, — сказал церемониймейстер де ля Монтеню, — как вы можете ссылаться на непрочность ремней, если ваш собственный противник предупредил вас об этом и советовал их сменить? Разве он поступил не по-рыцарски?

Де ля Монтень молча стоял, опершись на плечо своего старшего оруженосца, и хмуро уставился в землю. А потом, не сказав ни слова, двинулся к своему шатру, повиснув на плече оруженосца. Следом со щитом и шлемом в руках шел другой оруженосец.

Гаскойн подобрал шлем Майлза. К нему через все ристалище уже спешил лорд Джордж и сэр Джемс Ли. Старый рыцарь взял поводья его лошади, и все трое направились к помосту, где сидел король.

Даже граф де Вермуа, подавленный и изумленный поражением своего лучшего рыцаря, присоединился к похвалам и поздравлениям, которые изливались на юного победителя. Майлз

наконец поднял глаза и встретил взгляд леди Элис, которая неотрывно смотрела на него. Как бы ни был Майлз разгорячен, он покраснел еще больше, кивнув в ответ на взгляд девушки и садясь на коня.

Едва успел Гаскойн снять с него кирасу и латный воротник, как в шатер буквально влетел сэр Джемс, вмиг утративший свою суровую холодность. Он обнял Майлза и расцеловал его в обе щеки.

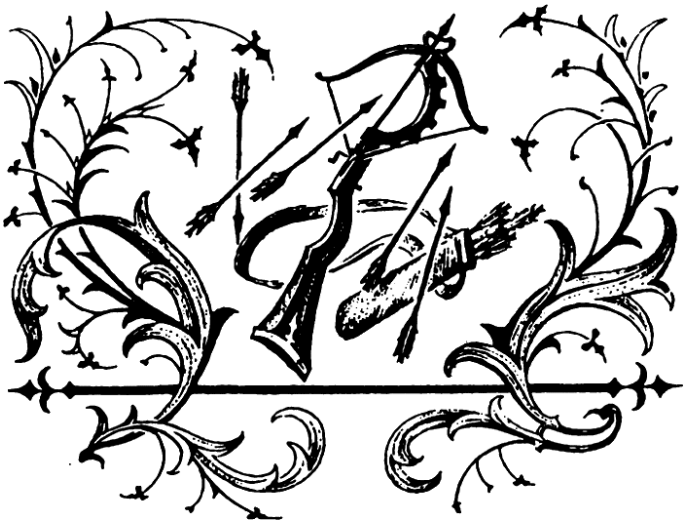
— Мой дорогой мальчик, — сказал он, держа его за плечи и часто моргая своим единственным глазом, словно желая удержать предательски выступившую влагу, — мой дорогой мальчик, я так рад, словно увидел подвиг собственного сына. Я не знал такой радости даже в тот день, когда сам преломил свое копье, впервые вырвав победу, и почувствовал себя настоящим рыцарем.

— Сэр, — ответил Майлз, — ваши слова радуют мое сердце, однако все дело в ветхой подпруге, которую я видел собственными глазами.

— В подпруге! — фыркнул сэр Джемс. — Думаешь, он не знал, в каком состоянии его сбруя? Поверь мне, он слетел с лошади потому, что твой удар был точен и силен, а он не сумел ответить тем же. Будь он самим Галаадом, он точно так же

слетел бы от этого удара.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ



Не менее трех недель прошло с того дня, когда король покинул Дельвен. Лорд Джордж с отрядом рыцарей и лучников готовился к отбытию во Францию. Две недели Майлзу посчастливилось провести в Кросби-Холле у родного очага. Родителей он увидел впервые после того, как четыре

года назад покинул этот приземистый дом с белыми стенами. Раньше он вовсе не замечал, каким убогим было это деревенское жилище. Теперь, когда его глаза привыкли к роскоши замка Дельвен, он с удивлением и жалостью смотрел на бедность, окружавшую отца. Теперь он особенно остро ощутил, как велик был удар судьбы, нанесенный дому Фолвортов. Он понял, насколько жесток жребий семейства, которое зависит от чьей-то милости. Майлз сумел оценить дружбу и преданность отца Эдуарда, который, рискуя свободой, если не жизнью, позволил семье опального лорда обрести здесь приют в горький час нужды и изгнания.

За эти две недели он не раз навещал старого священника, и им было что сказать друг другу. Однажды теплым солнечным утром, когда он и старый священник прогуливались по саду аббатства после одной или двух партий в шашки, молодой человек начал рассказывать о своих планах, надеждах и амбициях более свободно и открыто, чем когда-либо раньше. Он поведал священнику все, что ему открыл граф относительно несчастий отца и о том, как все, кто посвящен в эту историю, помогают ему вернуть семье прежнее положение. Отец Эдуард немало добавил к

тому, что Майлз уже знал, он рассказал кое-что такое, о чем не подозревал или предпочел умолчать граф. Кроме того, он объяснил молодому человеку причину долгой и страшной неприязни, которую король чувствовал к слепому лорду, а заключалась она в том, что лорд Фолворт был одним из советников короля Ричарда в те старые времена и что в немалой степени его стараниями король Генри, тогда граф Дерби, был изгнан из Англии. Слепой лорд уже не служил, живя частной жизнью, однако он долго и серьезно препятствовал отречению короля Ричарда. Он рассказал Майлзу, что в то время, когда сэр Джон Дейл нашел прибежище в замке Фолворт, месть в любой момент могла обрушиться на отца, и нужен был лишь предлог, вроде укрывательства такого заговорщика, как сэр Джон, чтобы окончательно расправиться с Фолвортом.

И Майлз не мог не признать, что король имел много серьезных оснований для недовольства таким неуемным противником, каким был слепой лорд.

— Но, сэр, — сказал он, внимательно выслушав приора, — быть враждебно настроенным и участвовать в заговоре далеко не одно и то же. Может

быть, мой отец и был врагом Болингброка[19], но разве можно утверждать, что он замешан в заговоре?

— Нет, — ответил священник. — Что за вопрос? Если бы я считал твоего отца предателем, думаешь, я стал бы разговаривать с его сыном? Нет, Майлз, я хорошо и очень давно знаю твоего отца и могу сказать, что мало встречал людей такого редкого благородства. Я лишь пытаюсь объяснить, что король небеспричинно преследует твоего отца. Возможно, есть какие-то резоны и у графа Альбана. Так что тебе, в свою очередь, не следует питать злобу к королю за то, что случилось с твоей семьей, ни даже к Уильяму Брукхёрсту. Ведь даже самые жестокие из наших врагов и даже злодеи считают свои поступки оправданными.

Так говорил мудрый старый священник, живущий в мирной обители, вдали от жестоких страстей и кровопролитных стычек. Если бы не монастырское уединение, вряд ли бы он так благостно рассуждал о врагах и злодеях.

— Стало быть, вы думаете, — сказал Майлз, — что я поступаю дурно, намереваясь вступить в смертный бой со свирепым графом Альбаном,

---

[19] Примечания: 19

До вступления на престол Генрих IV именовался Генрихом Болингброком.

который искалечил тело и судьбу моего отца?

— Нет, — задумчиво ответил отец Эдуард, — я так не думаю. Война и кровопролитие кажутся мне тяжким и греховным делом, но Бог допустил в мир зло. И порой оно искореняется жестокими мерами.

Майлз не совсем понял, что имеет в виду старый священник, но ему было ясно: его духовный отец не считает злом замышляемую битву с графом Альбаном.

Вскоре Майлз был уже во Франции в отряде лихого солдата удачи, каким оказался лорд Джордж. Он провел здесь всего шесть месяцев, но эти месяцы очень изменили его жизнь. В жестоких битвах, которые разгорелись под стенами Парижа, в разгульной жизни, которую он наблюдал при бургундском дворе в самом Париже после перемирия — в обществе блестящем и подлом, остроумном и жестоком, — развеялись многие наивные иллюзии юности, и характер Майлза быстро приобрел мужскую твердость. Война, кровь, зло, которое он видел, были беспощадным испытанием для его души, и я не могу не восхищаться моим героем, который с честью выдержал его. Он больше не был тем невинным подобием сэра Галаада, тем мечтательным юношей, что

предстал в своих чистых одеждах перед королем, посвящающем его в рыцари, но его суровой и сильной натуре претили безнравственность и разврат, царившие вокруг него.

И вот однажды его нашел гонец. Он доставил письмо от графа, предписывающее Майлзу без промедления возвращаться в Англию и прибыть в Хаус-Хаус близ Лондона. Майлз понял, что его час настал.

Солнечным апрельским утром он и Гаскойн проскакали мимо караульных будок заставы Тэмпл, оставив позади старый Лондон с его блеклыми каменными стенами, кривыми грязными улочками, деревянными домами и островерхими кровлями, над которыми высился купол собора св. Павла[20]. Перед всадниками лежала широкая полоса Стрэнда[21], по одну сторону от него виднелись крыши дворцов духовной и светской знати, по другую — раскинулся одетый первой зеленью Ковент-Гарден (или, как его тогда называли, Конвент-Гарден, то есть монастырский сад). Далее простиралась гряда невысоких холмов с

---

[20] Примечания: 20

Возможно, автор допускает историческую неточность: собор св. Павла был возведен на рубеже XVII и XVIII вв.

[21] Примечания: 21

Большая дорога, а затем — улица, ведущая из центра к Вестминстеру.

огромными каменными мельницами, крылья которых медленно вращались под напором легкого апрельского бриза. Потом показались Шотландский дворец, Уайтхолл и Вестминстер[22].

Майлз впервые видел знаменитый Лондон. Если бы он попал сюда шестью месяцами раньше, он был бы вне себя от восторга. Теперь же он рысил по его улицам как бывалый воин, со спокойным интересом глядя на открытые лавки, пестрые лотки и высокие остроконечные дома, на толчею торговцев и ремесленников, на горожан, спешащих по своим делам и выбирающих дорогу между сточными канавами. За последнее время он так много всего навидался, что как-то утратил интерес к новым вещам. И ему не хотелось растягивать свое путешествие в Хаус-Хаус. Голова была занята не очень высокими думами.

Разговор с графом сулил немало интересного для обоих. Майлз удивился тому, что его покровитель выглядел точно так же, как и полгода назад. А лорда Хауса поразило, насколько за это время изменилась внешность молодого человека. Суровая жизнь в лагерях и в боевых условиях минувшей зимы огрубили лицо, еще недавно

[22] Примечания: 22

Уайтхолл — название улицы и расположенного на ней дворца. Вестминстер — в ту пору городок под Лондоном.

такое по-мальчишески свежее. Кожа обветрилась и посмуглела. Усы и борода стали темнее и гуще, а белая полоса шрама на правом виске если и не устрашала как знак суровости, то придавала лицу особую мужественность. Минуту-другую они безмолвно стояли, глядя друг на друга. Майлз первым нарушил молчание.

— Милорд, — сказал он, — вы послали за мной, и вот я вернулся.

— Где ты сошел на берег, сэр Майлз? — спросил граф.

— Я и мой оруженосец сошли на берег в Дувре прошлым вторником.

Граф Хаус погладил свою бороду.

— Ты так изменился, — сказал он, — и я не думал, что не сразу узнаю тебя.

Майлз невесело улыбнулся.

— Во Франции мне привелось повидать такое, что за день можно было постареть на месяц.

— Из этого я могу заключить, — сказал граф, — что тебе выпало много испытаний. Я знал, что в лагере дофина тебе придется немало пережить, иначе я не послал бы тебя во Францию.

Наступило молчание, граф неподвижно сидел, внимательно оглядывая высокую статную фигуру стоящего перед ним рыцаря. Сильная кисть руки

привычно охватывала рукоять тяжелого меча, вокруг ножен которого был обернут ремень, на латах играли солнечные блики.

— Сэр Майлз, — сказал граф, наконец нарушая затянувшуюся паузу, — ты знаешь, зачем я призвал тебя сюда?

— Да, — спокойно ответил Майлз, — вы могли вызвать меня из Парижа только для того, чтобы сразиться с графом Альбаном. Зачем же еще? И вот я здесь.

— Ты говоришь очень смело, — сказал граф. — Надеюсь, твои поступки будут столь же отважны, как и слова.

— О моих поступках можно справиться у других воинов. Думаю, никто не может назвать меня трусом.

— Еще бы! — сказал граф, улыбаясь. — Посмотри на себя. Кости и мускулы. Я не хотел бы быть на месте того, кто осмелится обвинить тебя в трусости. Что же касается твоего предположения, то ты не ошибся. Я призвал тебя сюда, чтобы ты сразился с графом Альбаном. Час почти пробил, и я сей же час посылаю за твоим отцом, чтобы он немедленно прибыл в Лондон. А покуда нас с тобой не должны видеть вместе, это опасно для нас обоих. Я говорил с его высочеством принцем

Уэльским, который, как и многие другие, держит нашу сторону. Он обещал взять тебя на службу, пока не настанет срок свести тебя с твоим врагом. Завтра я отвезу тебя в Скотленд-Ярд, где сейчас живет его высочество.

Когда граф закончил свою речь, Майлз поклонился, но ничего не сказал. Граф немного помедлил, давая ему время обдумать ответ.

— Ну что ж, — произнес он наконец с нотками нетерпения в голосе, — тебе нечего сказать? Мне кажется, мои слова оставили тебя равнодушным.

— Милорд, вы позволите высказать то, что у меня на уме?

— Да, — кивнул граф. — Говори, что у тебя.

— Сэр, — сказал Майлз, — я много раздумывал над всей этой историей, когда был во Франции. А сейчас хотел бы получить прямой ответ на прямой вопрос.

Граф еще раз кивнул.

— Сэр, прав ли я, полагая, что у вас есть свои веские причины и есть свои цели, которые будут достигнуты, если я выиграю бой против графа Альбана?

— Уж не граф ли Джордж говорил тебе об этих целях? — спросил граф после минутного молчания.

Майлз не ответил.

— Это не имеет значения, — добавил лорд Хаус, — я не стану допытываться, кто тебе это сказал. Что до твоего вопроса, то я буду искренен с тобой, ибо ты откровенно спросил меня. Да, у меня есть определенные причины желать гибели графа Альбана.

Майлз поклонился.

— Сэр, — сказал он, — возможно ваши цели слишком сложны, чтобы я мог постигнуть их, но знаю наверняка: это высокие цели. Вы хорошо знаете, что в любом случае я буду драться ради моего отца и чести нашего рода. Все это совпадает с вашими замыслами, поэтому могу ли я в свою очередь просить одной вашей милости в случае, если я осилю своего врага?

— О чем ты хочешь просить? — спросил граф.

— Позволите ли вы мне просить руки леди Элис?

Граф Хаус вскочил с кресла.

— Сэр Майлз Фолворт, — начал он громко, но тут же резко остановился, сурово, если не зловеще, нахмурив свои кустистые брови.

Спокойно и бесстрастно Майлз выдержал его взгляд. Граф повернулся и отошел к открытому окну. В комнате повисло долгое молчание, Хаус

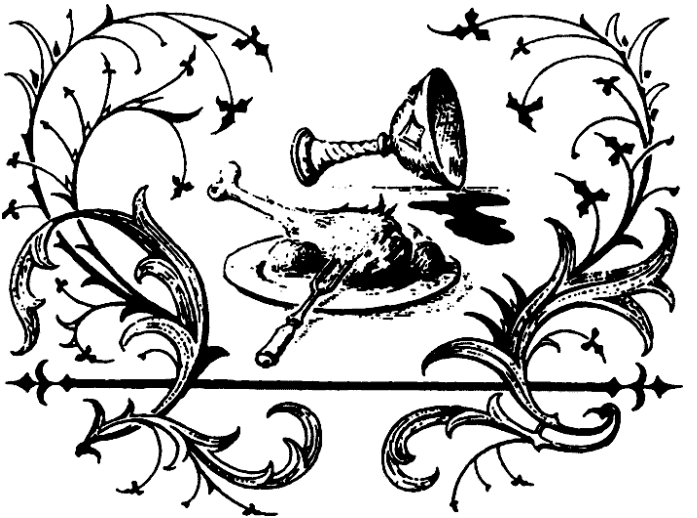
стоял спиной к Майлзу и глядел в сад.

Внезапно он снова повернулся лицом.

— Сэр Майлз, — сказал он, — род Фолвортов не хуже любого другого в Дербишире, но сейчас он беден и лишен земель. Однако если он снова обретет доверие и честь, то твое ходатайство будет иметь вес и значимость, как будто ты во всем ровня мне. Таков мой ответ. Ты удовлетворен?

— Больше мне не о чем вас просить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ



Эту ночь Майлз провел в Хаус-Хаусе. На следующее утро после того, как он позавтракал в уединении отведенных ему апартаментов, граф приказал ему и Гаскойну приготовиться к посадке в барку, которая уже ждала у набережной, чтобы доставить их в Скотленд-Ярд.

Граф сам сопровождал его, и когда тяжелая острогрудая лодка, управляемая шестью гребцами, медленно скользила вверх по течению, он сидел откинувшись на своем покрытом подушками сидении, указывая рукой на живописные поместья прелатов или вельмож, чьи величественные городские резиденции располагались неподалеку от воды среди окруженных высокими стенами садов и лужаек. Здесь были поместья епископа Экзетерского, епископа Кемпа, вот дворец Йорков, а дальше — Честер-Инн. Так, минуя сады, лужайки и дворцы, они наконец прибыли к набережной Скотленд-Ярда, откуда широкие мраморные ступени вели вверх к мощеной камнем площадке, на которую выходили ворота, ведущие в сад.

Скотленд-Ярд во времена Майлз Фолворта был одним из самых претенциозных и больших дворцов Стрэнда, он получил свое название от находившейся здесь когда-то гостиницы, в которой останавливались короли Шотландии, когда прибывали для принесения вассальной присяги Англии. Теперь же, во времена независимости Шотландии, это место избрал своей резиденцией принц Уэльский, наполнив его шумом безумных увеселений своего двора.

Когда лодочники подвели барку к причалу,

граф сошел на берег и, сопровождаемый Майлзом и Гаскойном, стал подниматься по ступеням к широким воротам в стене сада. Трое часовых, которые сидели на скамье в нише, почтительно поднялись, приветствуя хорошо им знакомого графа. Тот холодно кивнул в ответ и, миновав ворота, все трое двинулись по тенистой аллее, которая, как мог видеть Майлз, вела к небольшому газону и мощенной камнем террасе. Когда граф и оба молодых человека достигли конца аллеи, они были встречены шумом голосов, смехом, звоном бокалов и тарелок. Повернув за угол, они увидели компанию молодых дворян, которые сидели, вероятно, за поздним завтраком, в тени развесистой старой липы. Очевидно, они только что покинули турнирную площадку, так как двое из них — крепкие молодые рыцари — еще не успели снять часть турнирных доспехов.

Позади липы виднелся старый серый дворец с широкими ступенями и длинной открытой галереей, которая, очевидно, вела на кухню, так как по ней торопливо сновали слуги с подносами, кувшинами и бочонками.

Картина умиляла своей безмятежностью. Теплый воздух был напоен весенним ароматом, стол искрился хрусталем и серебром кубков и чаш.

Во главе стола сидел молодой человек, тремя или четырьмя годами старше Майлза, костюм из темно-синего бархата был украшен золотым шитьем и оторочен черным мехом. Вошедших он встретил приветливым взглядом больших синих глаз. Он был высок ростом, поджар, его густые светлые волосы были подстрижены в скобку по моде того времени. Майлз без труда догадался, что это был принц Уэльский.

— А, старый лис! — воскликнул он, увидев графа Хауса. — Каким ветром тебя занесло к нам? Уж, конечно, не дружеская приязнь привела тебя, сэр лис, а охота набить свою кладовку утиными тушками. А кто это с тобой? Гусенок, которого ты собираешься выпотрошить?

Вся компания внезапно замолчала, и лица пирующих повернулись к новым гостям.

Граф поклонился с любезной улыбкой.

— Ваше высочество, — сказал он, — я привел вам того самого молодого рыцаря, о котором не так давно говорил вам, сэра Майлза Фолворта. Может быть, вы соблаговолите припомнить, что обещали взять его в свою свиту, пока не придет срок начать известное нам дело.

— Сэр Майлз, — сказал принц Уэльский, сверкнув белозубой улыбкой, — я слышал велико-

лепные отзывы о вашем мужестве и доблести во Франции, как от Хаусов, так и от других. Мне будет очень приятно иметь вас в своей свите, и более того, — добавил он, — вырвать вас из лап милорда старого лиса. Наша партия не может обойтись без хитрой головы графа Хауса, сэр Майлз. Тем не менее мне бы не хотелось отдавать свою судьбу в его руки без гарантий. Я надеюсь, вы его хорошо знаете.

Слова принца многих привели в смущение. На него явно нашел очередной приступ дерзкого озорства. Среди придворных нашлись бы бесшабашные молодцы, готовые подыграть своему господину, но граф Хаус не был тем человеком, над которым они могли бы подшутить. Последовало неловкое молчание, и, пожалуй, лишь один граф сохранял прежнюю непринужденность манер.

Майлз поклонился, чтобы скрыть свое собственное смущение.

— Ваше высочество, — сказал он, — я вверяю свою судьбу Богу, его силе и справедливости.

— В самом деле, с ним ты будешь в большей сохранности, чем с лордом Хаусом, — сухо ответил принц. — Но довольно, — добавил он, резко меняя интонацию. — Эти шутки слишком серьезны для

веселого завтрака. Зачем впустую размахивать столь острым оружием? Не хотите ли разделить наше застолье?

— Простите меня, ваше высочество, — ответил граф с любезной улыбкой, какую Майлз раньше никогда не видел на его надменном лице. — Прошу вашего разрешения удалиться. Я должен немедленно вернуться домой, так как, возможно, уже сейчас ваш дядя, его преосвященство епископ Винчестер, ожидает встречи со мной по известному вам делу. Быть может, ваше высочество найдет более приятным общество молодого доблестного рыцаря, каковым является сэр Майлз, нежели такого старого лиса, как я. Так что оставляю его под вашу опеку.

Так Майлз был представлен этому буйному сорвиголове — принцу Уэльскому, в будущем знаменитому королю Генриху V — завоевателю Франции.

В течение месяца, а то и более, Майлз состоял в свите принца и очень скоро был признан равным среди всех его приближенных. Возможно, благосклонность принца он снискал поначалу спокойной силой, веявшей от всего его облика, а, может быть, тому способствовали другие благородные качества, которые раскрылись будущему

королю позднее, но уже через две недели Майлз был признан фаворитом. Он не корчил из себя образец добродетели, всегда сопровождал принца в его сумасшедших вылазках в Лондон, где тот ударялся в буйный разгул, никогда не сторонился веселых товарищей, но на все их дикие выходки он смотрел с тем спокойным любопытством, которое уже помогло ему не запятнавшись пройти сквозь оргии дворов Бургундии и дофина. Буйные и веселые молодые лорды и джентльмены нарекли его Святым Майлзом и подшучивали над ним, предлагая надеть рубище и заняться самобичеванием, но остротам и шуткам не удалось поколебать терпеливую и независимую натуру Майлза. Он шел своей дорогой, не догадываясь, как, впрочем, и многие при этом сумасшедшем дворе, что привязанность к нему принца, возможно, возникла благодаря этой крайней умеренности.

Мало-помалу принц начал доверять ему, как никому другому. Между королем и его сыном не было большой любви. Известно, что нередко английские короли чувствовали горькую ревность к своим будущим наследникам, когда те приобретали влияние, и Генрих IV не был исключением. Принц часто рассказывал Майлзу о столкнове-

ниях и ссорах со своим отцом, и на ум Майлзу приходила мысль, что неприязнь короля к сыну во многом объясняется безрассудной невоздержанностью принца. Однажды, опершись на плечо Майлза и ожидая, когда слуги приготовят лодку, которая должна была отвезти их вниз по реке в город, принц задал неожиданный вопрос:

— Майлз, что ты обо всех нас думаешь? Презираешь нас?

— Нет, ваше высочество, — ответил Майлз. — Как я могу вас презирать?

— Боже мой! — сказал принц. — Я сам себя презираю, а я не такой честный человек, как ты. Но, пожалуйста, будь снисходителен, Майлз. Когда-нибудь, возможно, я тоже буду жить по-человечески. Теперь же, если я вдруг остепенюсь, король станет подозрительнее. Может быть, я живу так, чтобы он не знал, кто я на самом деле.

Принц часто разговаривал с Майлзом об его собственных делах: о схватке, в которую ему предстояло вступить ради чести отца, о том, как граф Хаус замыслил свести его лицом к лицу с графом Альбаном. Он не раз говорил Майлзу о великих переменах в государстве и в их партии, которая должна окрепнуть после падения врага рода Фолвортов, он объяснил, почему этот удар

может нанести только Майлз и никто иной. Порой Майлзу казалось, что он и его слепой отец оказались на гребне волны, зародившейся в глубоких недрах темного политического омута, где зреют заговоры и интриги. Однако даже это не пугало его.

И вот наконец пришло время действий. Наступил май, и уже больше месяца Майлз состоял в свите принца. Однажды утром ему было приказано посетить принца в его тайном кабинете. Переступив порог кабинета, он увидел принца, его младшего брата, герцога Брэдфорда, и их дядю — епископа Винчестера. На столе перед ними стояли графин с вином и поднос с вафлями.

— Ваше высочество, — сказал Майлз, краснея до корней волос. — Простите мне мою смелость, но меня не волнуют ваши цели, я лишь хочу восстановить доброе имя моего отца и честь моего рода.

— Кто же спорит? — улыбнулся принц. — Лишь по этой причине я и ввязался в заваруху. Так вот. Сегодня ты должен бросить вызов герцогу Альбану в присутствии самого короля. Граф Хаус уже сделал свое дело, и час настал. Ты знаешь, что твой отец в Хаус-Хаусе?

— Нет, — ответил Майлз, — я не знал.

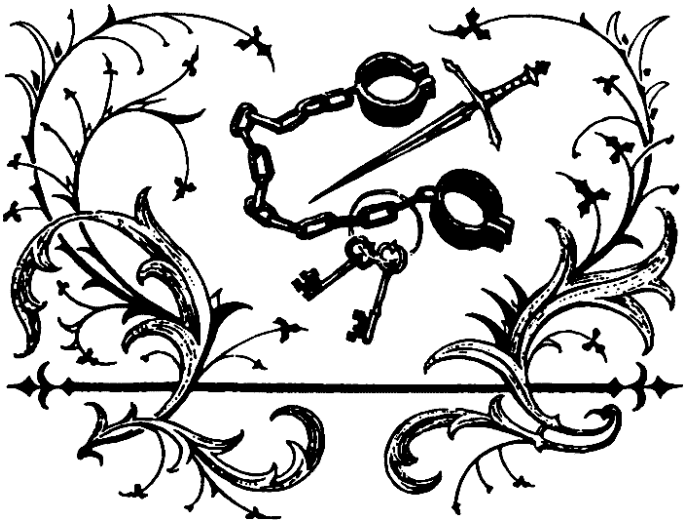
— Он там уже почти два дня, — сказал принц, — только что граф прислал за нами, чтобы мы прибыли в Хаус-Хаус. Потом мы проследуем во дворец, где он добился аудиенции у короля и устроил так, что граф Альбан тоже будет там. Мы выезжаем немедленно, так что подготовься как можно скорее.

С губ Майлза едва не сорвался крик, наконец-то он близок к тому, о чем мечтал дольше года. Однако он ничем не выдал своего волнения.

— Как я должен одеться, ваше высочество?

— Шлем не надевай, возьми ту накидку с графскими гербами, которая была на тебе, когда посвящали в рыцари. И захвати с собой правую латную перчатку, сунешь ее на пояс, она понадобится для вызова. А теперь поторопись.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ



В старинном флигеле Вестминстерского дворца находилась живописная галерея — стены просторной палаты были, точно лентой, опоясаны изображениями батальных сцен, многие из которых появились здесь задолго до рождения Генриха IV.

Это крыло здания было более удалено от шума и суеты городской придворной жизни, чем другие части дворца, и здесь больной король любил отвлечься от государственных дел, которые становились для него все более тяжким бременем, здесь он мог провести час-другой за чтением или игрой в шахматы. Холодные стены были завешаны гобеленами, пол был застелен коврами. Тут и там стояли мягкие кушетки и кресла, придававшие мрачной старине покоев почти уютный вид.

Именно в этот утренний час королевского уединения Майлза и его отца привезли сюда, чтобы встретиться с графом Альбаном. Уже в вестибюле прибывшие на аудиенцию принц со свитой и Фолворты провели короткое совещание. Затем принц и его приближенные направились к королю, оставив Майлза и его слепого отца на попечение лорда Ламли и двух рыцарей из свиты — сэра Реджинальда Кэлловела и сэра Пирса Авереля.

Майлз терпеливо ждал, сжимая в руке ладонь отца и прислушиваясь к приглушенным голосам, доносившимся из-за занавеса на дверях. Среди прочих он узнал и голос короля. Ему показалось, что имя Фолвортов прозвучало не один раз.

Вскоре говорившие умолкли. Портьеры раздвинулись, и в вестибюле появился граф Хаус.

— Все готово, кузен, — тихо сказал он лорду Фолворту. — Эссекс сделал, как обещал, и Альбан уже там.

Затем, повернувшись к Майлзу, он заговорил тем же тихим голосом, но с таким волнением, какого Майлз вообще не мог ожидать от графа.

— Сэр Майлз, — сказал он, — помни все, что тебе было сказано. Ты знаешь, что должен говорить и делать.

Потом, не сказав больше ни слова, он взял лорда Фолворта за руку и повел его в комнату. Майлз последовал за ними.

Король полусидел, полулежал в обложенном подушками кресле, рядом с которым стояли два принца. В комнате находилось около дюжины других людей, в основном представители высшей знати и духовенства. Большинство из них Майлз узнал сразу, так как видел их раньше в Скотленд-Ярде, и взгляд его остановился на одном знакомом незнакомце — графе Альбане. Он ни разу не видел его после страшного события в розовом замке и сейчас заново переживал тот день, мгновенно воскресив в памяти жуткую сцену, когда лорд Брукхёрст стоял над мертвым телом

сэра Джона Дейла, сжимая в руке окровавленную палицу. У него были все те же тяжелые черные брови, зловещие и мрачные, тот же крючковатый нос, те же смуглые щеки. Он даже вспомнил глубокую складку на лбу между нахмуренными бровями.

Граф Альбан беседовал с каким-то лордом, стоящим рядом с ним, и легкая полуулыбка еще кривила его губы. Поначалу, когда он глянул на вновь прибывших, выражение его лица ничуть не изменилось, но уже минуту спустя он уставился на них, словно не веря глазам своим. Граф заметно побледнел, он, несомненно, почуял недоброе и даже увидел знак серьезной опасности в появлении своего старого врага, ибо был не только знаменитым воином, но и хитрым, проницательным политиком. Наконец он осознал, что взгляды всех присутствующих вопросительно и испытующе остановились на нем. Едва он оправился от первого потрясения, как рука его потянулась к ножнам меча.

Тем временем граф Хаус подвел слепого лорда к королю, и старик преклонил колено.

— Что за новости, милорд? — воскликнул король. — Я думал, это будет наш юный паладин, которого мы посвятили в рыцари в Дельвене, а

ты привел какого-то старого слепца. Ха! Что это значит?

— Ваше величество, — ответил граф, — я воспользовался возможностью, чтобы перед вашим правым судом предстал тот, кто жестоко и несправедливо пострадал от вашего гнева. Вот стоит юный рыцарь, о котором мы говорили, а это его отец, Гилберт Реджинальд, бывший некогда лордом Фолвортом, который молит вас о милосердии и справедливости.

— Фолворт, — сказал король, поднося ладонь ко лбу, — мне знакомо это имя, но я не могу вспомнить, кому оно принадлежит. У меня сегодня разболелась голова… что-то не припоминаю.

В это время граф Альбан спокойно шагнул вперед.

— Сир, — произнес он, — простите мне мою смелость, но, возможно, я смогу прояснить вам, откуда вы знаете это имя. Это, как сказал милорд Хаус, бывший барон Фолворт, осужденный изменник, объявленный таковым за укрывательство сэра Джона Дейла, одного из тех, кто пытался отнять жизнь вашего величества в Виндзоре одиннадцать лет назад. Он также и мой враг, и приведен он сюда моими новыми врагами. Однако, чтобы не дать воли своему гневу, я целиком

полагаюсь на ваш справедливый приговор.

Мучнистое лицо Генриха мгновенно побагровело, и он резко вскочил с кресла.

— Да, — сказал он, — я вспомнил теперь, я вспомнил этого человека! Фолворт! Кто осмелился привести его сюда?

Гнев заставил отступить немочь, и он снова стал прежним королем Генрихом, от взгляда которого задрожали многие из придворных.

Граф Хаус выразительно посмотрел на епископа Винчестера, и тот вышел вперед.

— Ваше величество, — сказал он, — я, брат ваш, умоляю вас не судить поспешно. Этого человека действительно признали изменником, но он был им объявлен, не будучи выслушанным. Я умоляю вас терпеливо выслушать то, что он, быть может, имеет вам сказать.

Король, прикусив нижнюю губу — верный признак страшного гнева, — вперил в епископа столь яростный взгляд, что тот невольно опустил глаза. Граф Альбан тем временем был совершенно спокоен, он даже не подал голоса, понимая, что королевский гнев в этом случае избавляет графа от необходимости добавлять что-либо к уже сказанному.

Наконец король повернул свое красное, дерга-

ющееся лицо к слепому лорду, который все еще стоял на коленях.

— Что ты можешь сказать? — прохрипел он.

— Милосердный господин, — произнес слепой дворянин, — я пришел припасть к столпу правосудия. Сир, я отвергаю обвинение в измене, чего не мог сделать раньше, будучи слепым и беспомощным и имея злобных и могущественных врагов. Но сейчас, сир, небеса послали мне помощь, и поэтому я объявляю в вашем присутствии, что мой обвинитель Уильям Брукхёрст, граф Альбан, — грязный и бесчестный лжец во всем, что касается моего прошлого. В подтверждение моей правоты я бросаю ему вызов, но так как его злодеяния, не достойные звания рыцаря, сделали меня слепым, я предлагаю бойца, готового кровью защитить правду.

Граф Хаус бросил на Майлза короткий взгляд, и тот шагнул вперед в тот момент, когда его отец закончил свою речь, и опустился на колени со слепым лордом. Король уперся в лицо молодого человека тяжелым взглядом, но позволил высказаться.

— Мой милостивый лорд и повелитель, — сказал Майлз, — я, сын этого обвиняемого, готов отстоять честь отца и молю вас подтвердить, что

я был посвящен в рыцари вашей рукой и милостью и что я ровня любому, кто носит шпоры.

С этими словами Майлз поднялся, выхватил из-за пояса железную рукавицу, и она с грохотом покатилась по полу. Ненависть к врагу и жалость к отцу подняли в его груди бурю.

— Я обвиняю тебя, Уильман Альбан, — крикнул Майлз, — в подлой лжи и бросаю свою перчатку, вызывая тебя на бой.

Граф Альбан сделал движение, чтобы поднять перчатку, но король торопливо остановил его.

— Стой, — хрипло выкрикнул он. — Не трогай! Пусть лежит! Пусть лежит! А теперь, — обводя взглядом всех придворных, потребовал он, — скажите мне, что все это значит? Кто привел сюда этого человека?

Он испытующе вглядывался в лица, но все стояли молча.

— Понятно, — сказал он, — вы все замешаны в этом. И прав милорд Альбан: вы все его враги. Но вы и мои враги. Все это пахнет мерзким заговором, я не могу менять то, что сам же решил, и коли я посвятил этого молодого человека в рыцари своими собственными руками, я не могу отрицать, что он вправе бросить вызов милорду Альбану. Тем не менее Высший рыцарский суд

рассмотрит это дело, а пока, — обратился он к министру двора, — я поручаю вам этого обвиняемого лорда. Немедленно препроводите его в Тауэр[23], и пусть там ожидает нашей милости. А ты возьми свою перчатку и храни ее до моего особого повеления.

Король тяжело вздохнул, прошелся по комнате и остановился прямо перед Хаусом.

— Я знаю, — сказал он, — что слаб здоровьем и кое-кто решил ударить по руке, которая поддерживала меня в последние годы.

Потом он заговорил более прямо.

— Милорд граф Хаус, я вижу в вас стратега этой многолетней интриги, именно вы сыграли со мной шутку с посвящением в рыцари этого молодого человека, что дало ему возможность бросить вызов лорду Альбану. Именно ты привел его сегодня сюда за спинами моих собственных сыновей и моего брата.

Тут он резко повернулся к графу Альбану.

— Пойдемте отсюда, милорд, — сказал он, — я устал от всего этого. Дайте мне свою руку, и прочь отсюда!

Он направился к выходу, опираясь на ру-

---

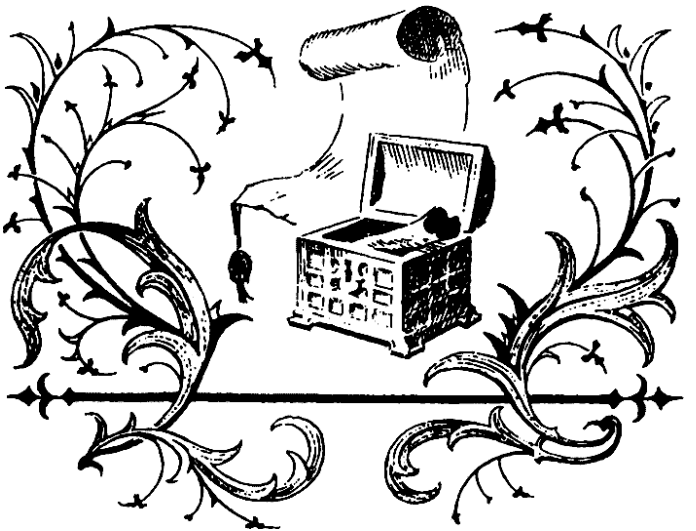
[23] Примечания: 23
Старинная крепость, служившая тюрьмой.

ку графа Альбана и сопровождаемый тремя джентльменами из графской свиты.

— Ваше Высочество, — сказал министр двора, обращаясь к принцу Уэльскому, — я должен исполнить приказ короля и взять под арест этого джентльмена.

— Исполняйте свой долг, — ответил принц, — мы этого ожидали, однако не забывайте о том, что он пленник чести, и позаботьтесь о достойных условиях содержания его под стражей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ



Только в конце июля Высший рыцарский суд вынес свой вердикт. На ход процесса влияли многие необычные обстоятельства, некоторые на пагубу Фолворту, другие ему на пользу. Его очень умело защищали адвокаты, которых нанял граф Хаус. Не будь особых обстоятельств, приговор

вынесли бы гораздо раньше и, конечно, в пользу обвиняемого. Суд постановил разрешить спор «волей божьей», то есть в поединке лица, заменяющего слепого лорда, с графом Альбаном.

Это решение не могло не уязвлять гордость больного короля, он действительно был великодушным и снисходительным человеком, но лорд Фолворт в свое время принадлежал к числу его влиятельных противников, и король, который, как и многие благородные люди, бывал порой крайне непреклонен, так и не простил его. Он постоянно оказывал давление на суд, но его влияние уже не было той силой, которая могла бы склонить чашу весов в его интересах. Болезнь все сильнее подтачивала его, и всем было ясно, что его дни сочтены.

Другая же сторона, партия принца Уэльского, постоянно, а за последнее время с особой силой наращивала влияние и в лице лорда Хауса, своего фактического лидера, имела, пожалуй, самого хитрого политика и искусного интригана в Европе. В результате всех этих заговоров и контрзаговоров, интриг и контринтриг дело было решено в пользу лорда Фолворта. В кругу принца окончательный приговор стал известен почти за неделю до того, как был официально

объявлен. Граф Хаус нисколько не сомневался в таком исходе еще до того, как призвал Майлза из Франции, но для несчастного короля приговор прозвучал как гром среди ясного неба. Весь этот день он пребывал в мрачном одиночестве, насилу сдерживая гнев, который лишь однажды нашел выход в громогласной клятве, суть которой состояла в том, что если в поединке будет ранен Майлз, король позволит Альбану убить его, и, напротив, если в трудном положении окажется граф, король сделает все, чтобы спасти его. Один из придворных, который тайно склонялся к партии принца Уэльского, повторил слова короля в Скотленд-Ярде, на что принц сказал:

— Это значит, Майлз, что тебе придется победить или умереть.

— Так оно и будет, — ответил Майлз.

Только через две недели после объявления приговора король назначил время и место поединка. Это должно было произойти третьего сентября с Смитфилде — площади, где часто выяснялись отношения между рыцарями[24].

За три недели, предшествовавшие поединку, Майлз много раз бывал на месте сооружаемого

---

[24] Примечания: 24
Это было также место публичных казней.

ристалища и нередко в сопровождении принца и его друзей. Арена равнялась шестидесяти ярдам в длину и сорока в ширину. Этот прямоугольник был окружен окрашенной яркой киноварью оградой около шести футов высотой. Между оградой и трибуной шла полоса, отделенная от трибун невысоким забором. Здесь предстояло действовать констеблю[25] и главному распорядителю с помощниками, которые должны были обеспечивать общий порядок.

Однажды Майлз в обществе принца и его друзей, оставив своих лошадей у внешних ворот и войдя в ристалище, встретил там графа Альбана и его сторонников, которые как раз выходили оттуда. Вероятно, они тоже знакомились с местом поединка. Поравнявшись с людьми принца, граф Альбан нарочито громким голосом сказал одному из своих спутников:

— Гляньте-ка на этого прыткого отпрыска Фолворта, папаша не может своей жизнью ответить за измену, но скоро лишится сынка. Среди поверженных мною были рыцари куда посильнее этого мальчишки.

Майлз слышал его слова и знал, что они пред-

[25] Примечания: 25

В старой Англии — придворный чин, «великий конюший», позднее — лицо, наблюдающее за порядком.

назначены для его ушей, но он не обратил на них внимания, спокойно шагая рядом с принцем. Принц тоже все слышал и вскоре спросил:

— Ты не волнуешься перед предстоящей битвой, Майлз?

— Да, милорд, — сказал Майлз, — иногда чувствую тревогу, но совсем не страх, какой на меня хочет нагнать граф Альбан. Эта тревога за моего отца и за мою мать, так как именно для них более всего важен исход поединка. Однако я знаю, что Бог не оставит меня, ибо мой отец не изменник.

— Но граф Альбан, — мрачно сказал принц, — имеет репутацию самого искусного рыцаря во всей Англии, более того, он жесток и безжалостен, так что если он возьмет над тобой верх, то наверняка убьет тебя.

— Я не боюсь, милорд, — все так же спокойно и сдержанно ответил Майлз.

— Я тоже не боюсь за тебя, Майлз, — сердечно сказал принц, кладя руку на плечо молодого человека. — Будь ты даже вдвое опытнее, ты не мог бы держать себя с большим мужеством.

По мере приближения для дуэли время, казалось, невероятно замедлило свой ход, но все же дни сменялись ночами и вот наконец миновала последняя ночь.

Рано утром, едва порозовел восток, сам принц, никого не взяв с собой, направился в апартаменты Майлза и вошел в комнату, где Гаскойн хлопотал над броней, подгоняя ее часть за частью, проверяя на прочность ремни и пряжки и забыв свою привычку насвистывать за работой. Принц кивнул ему и проследовал дальше. Майлз стоял на коленях, рядом темнела фигура отца Амброза, капеллана его высочества. Принц остался у дверей, дожидаясь окончания молитвы. Майлз поднялся и шагнул навстречу.

— Милорд, — сказал молодой рыцарь, — я благодарю вас за великую честь, которую вы оказываете мне, посетив меня в столь ранний час.

— Нет, Майлз, благодарить меня не за что, — ответил принц, протягивая ему свою руку, которую Майлз порывисто поднес к губам. — Я почти всю ночь не спал, думая о тебе, и решил поскорее повидаться.

На завтрак в Скотленд-Ярде собрался весь цвет партии принца, был здесь и граф Хаус. Всех снедала тревога, так как на карту ставилось очень многое. Если победу одержит Альбан, его могущество еще более возрастет, и он будет жестоко мстить, теперь все зависело от молодого рыцаря. Сам Майлз волновался не больше других,

во всяком случае он чинно просидел до конца завтрака.

После того, как трапеза закончилась, принц встал первым.

— Лодка ждет у набережной, — сказал он. — Если ты, Майлз, поедешь в Тауэр повидать отца до начала мессы, я, Вир и Пойнс поедем вместе с тобой. А вы, милорды и джентльмены, извините меня за то, что оставляю вас. Майлз, ты хотел бы взять кого-нибудь еще?

— Я хотел бы взять сэра Джемса Ли и моего оруженосца, мастера Гаскойна, если вы соблаговолите допустить их.

— Так тому и быть, — ответил принц, — мы остановимся у пристани Хауса, чтобы взять этого рыцаря.

Барка пришвартовалась к западному причалу Тауэра, навстречу принцу уже семенил комендант, рассыпаясь в любезностях. Он сразу же провел их туда, где помещался лорд Фолворт. Леди Фолворт встретила их на лестничной площадке, глаза у матери были красны от слез, и когда Майлз нежно поцеловал ее руку, губы пожилой леди задрожали, и она быстро отвернулась, прижав к глазам платок. Бедная леди! Каких душевных сил стоила ей минувшая ночь и что еще предстояло

пережить! Майлз не пытался скрыть от родителей, что его ждет либо победа, либо смерть.

Когда Майлз отошел от матери, к нему приблизился отец Эдуард, и они тепло приветствовали друг друга. Старый священник прибыл в Лондон днем раньше, чтобы не оставлять семью друга в дни страшных испытаний.

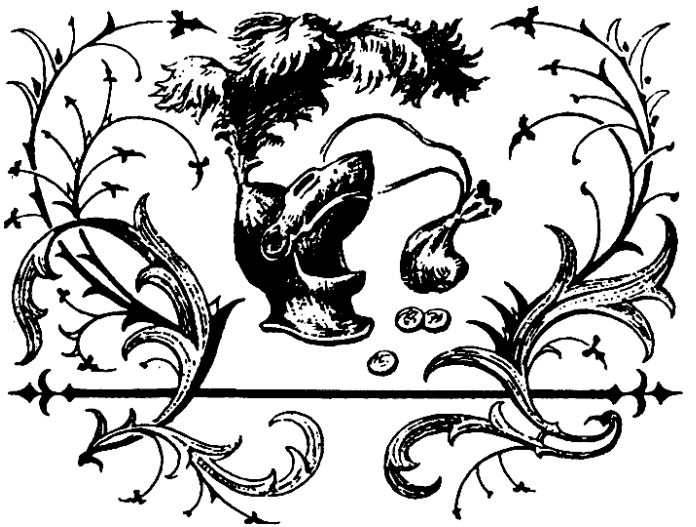
Сказав несколько добрых слов, принц со своими спутниками удалился. И разговор шел в кругу самых близких, включая Гаскойна и сэра Джемса Ли.

Пришлось многое обдумать и обсудить, в том числе самый трудный вопрос: как поступить леди Фолворт, если бой закончится не в их пользу. Наконец Майлз попрощался, поцеловал плачущую мать, пытаясь ободрить ее. Отец Эдуард проводил его до пристани Тауэра, Майлз опустился на колени, и добрый священник благословил его, осенив крестным знамением. Принц ожидал Майлза в крепостном саду, и когда лодка двинулась вверх по течению к Скотленд-Ярду, все задумчиво приумолкли, даже такие балагуры, как Пойнс и Вир.

Было примерно без четверти одиннадцать, когда Майлз и Гаскойн отправились на ристалище. Принц Уэльский вместе с большей частью своей свиты выехал в Смитфилд еще раньше,

оставив шесть молодых рыцарей из своей свиты в качестве эскорта для молодого бойца. И вот наконец ворота Скотленд-Ярда распахнулись и вся кавалькада, сверкая доспехами, поскакала к Стрэнду. Дул мягкий бриз, ласково светило солнце, и, казалось, погода предвещает свадьбу, а не бой не на жизнь, а на смерть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ



Кодекс правил так называемого судебного поединка как одного из видов «Божьего суда» был составлен в дни правления короля Эдуарда III для младшего из его сыновей — Томаса Вудстока. В этой грамоте предусматривалась каждая мелочь, и с тех пор поединки проводились в соответствии

с дуэльным кодексом.

И, следуя этим правилам, Майлз Фолворт появился у восточных ворот ристалища (через восточные ворота предписывалось въезжать лицу, бросившему вызов), сопровождаемый Гаскойном и двумя молодыми рыцарями, которые находились в его эскорте.

У барьера его встретил адвокат Уиллингвуд, юрист, который вел дело Фолвортов в Высшем рыцарском суде и должен был сопровождать его во время принесения присяги перед королем. Майлз назвал себя, представившись констеблю и распорядителю с их ближайшими помощниками. Это выглядело так: констебль взял его лошадь за поводья и громко произнес:

— Стой, сэр рыцарь, и скажи мне, почему ты пришел с оружием к воротам этого ристалища. Как твое имя? И откуда ты?

Майлз отвечал:

— Я Майлз Фолворт, рыцарь ордена Бани милостью Его Величества короля Генри IV и посвященный им, пришел сюда, чтобы подтвердить свой вызов Уильяму Брукхёрсту, графу Альбану, которого я обвиняю в нарушении рыцарской чести, вероломстве и лжесвидетельстве против Гилберта Реджинальда, лорда Фолворта, обви-

ненного им в измене Его Величеству королю Англии. Да защитит Бог мою правоту!

Когда он закончил свою речь, констебль придвинулся к нему и сделал ритуальный жест, коснувшись забрала и посмотрев в лицо рыцарю, как бы устанавливая его личность. Затем он приказал открыть ворота и впустить Майлза с его людьми на ристалище.

Вдоль южной стороны ристалища была возведена высокая трибуна для короля и тех, кто будет наблюдать за поединком. Она почти не отличалась от той, которая была построена в замке Дельвен, когда Майлз впервые участвовал в поединке после своего посвящения в рыцари — такой же помост для короля, драпировки, занавеси, хлопающие на ветру флаги и вымпелы. Однако здесь не было любезных дам, вместо них Майлз видел только лордов и рыцарей с нахмуренными бровями. Ни смеха, ни веселых возгласов и оживленной болтовни — повсюду чопорные лица и какая-то угрюмая тишина.

Майлз сидел на лошади, которую вел Гаскойн, рядом шли адвокат и констебль, все они двигались к открытой площадке перед королевской трибуной. Достигнув указанного места, Майлз остановился, и констебль, подойдя к лестнице,

которая вела к помосту, громко объявил, что бросивший вызов прибыл на ристалище.

— Тогда зови ответчика! — сказал король. — Ибо близится полдень.

День был очень теплым и безоблачным, солнце заливало арену и слепило глаза. Наверно, далеко не всякий современный мужчина мог бы выдержать жар раскаленных лат, от которого Майлза защищали лишь кожаная куртка и тонкое трико. Но в те времена рыцари упражняли свое тело так, чтобы легко переносить капризы погоды. Тем не менее Майлз поднял забрало шлема, чтобы освежить лицо, когда ожидал прибытия своего противника. Он посмотрел вверх, на трибуны, и даже среди множества незнакомых лиц ему удалось кое-кого узнать: принца Уэльского, приятелей по Скотленд-Ярду, герцога Кларенса, епископа Винчестера и некоторых дворян из партии графа Хауса, которые увивались вокруг принца в течение прошлого месяца. Его взгляд недолго задержался на них и скользнул вверх, остановившись на квадратной ложе, похожей на место для подсудимых в современном суде. В этой ложе сидел его отец с графом Хаусом по одну руку и сэром Джемсом Ли по другую. Лицо отца отличалось особой бледностью, но на нем было

выражение той характерной бесстрастности, какая свойственная слепым. Граф также был очень бледен, и его глаза пристально следили за Майлзом, словно стараясь проникнуть в самую глубину его сердца и убедиться в том, что ни страх, ни сомнения не могут поколебать его мужества.

Тут он услышал, как со всех сторон раздались крики герольдов, предваряющие появление его противника.

— Ойе! Ойе! Ойе! Уильям Брукхёрст, граф Альбан, вступи в бой! Докажи свою правоту перед королем! Ответь на вызов Майлза Фолворта, вставшего за Гилберта Реджинальда Фолворта! Ойе! Ойе! Ойе! Да придет ответчик!

Так они продолжали кричать, пока по внезапному повороту лиц на трибунах Майлз не понял, что появился его враг.

Он увидел графа и его слуг, въезжающих через внешние западные ворота, констебля и распорядителя, совершающих положенный ритуал. Затем открылись внутренние воротца и на арену вышел граф Альбан, с ног до головы одетый в доспех из великолепной миланской брони без накидки и каких-либо украшений. Когда он проходил мимо Майлза, тот опустил забрало и замер

в полной неподвижности, пока оглашались запутанные положения кодекса.

Наконец чтение закончилось, и Майлзу пришлось исполнить еще несколько формальностей, отвечать на вопросы и давать обещания относительно соблюдения правил. Вскоре они с Гаскойном были уже на восточной стороне ристалища.

Когда его верный друг и оруженосец в последний раз проверял оружие и латы, распорядитель и помощник подошли к молодому воину и привели его к последней присяге в том, что он не имеет запрещенного оружия.

Оружие, разрешенное Высшим судом, было затем тщательно осмотрено и проверено. Оно состояло из длинного меча, кинжала, палицы и короткого копья, так называемого глевлота, с массивным острием в форме лилии.

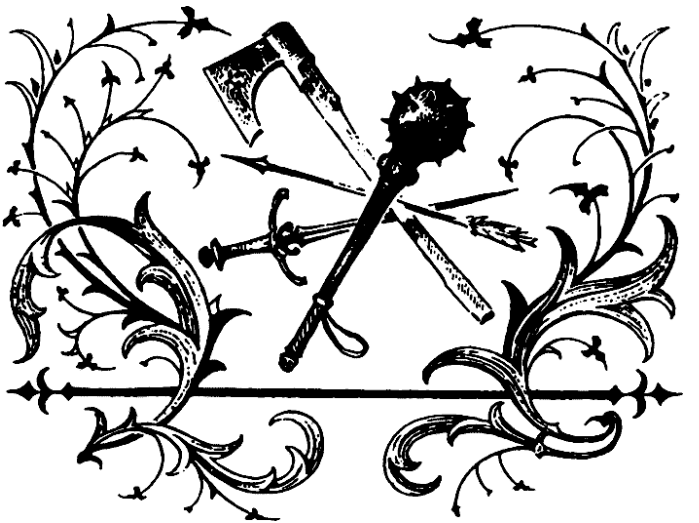
Обычное копье не было включено в список оружия, его заменял глевлот. Это было страшное и смертоносное оружие, хотя и слишком тяжелое для нанесения быстрых и точных ударов. Граф Альбан ходатайствовал перед королем о включении глевлота в набор оружия для поединка, а суд уступил настояниям короля. И уступка была весьма существенной, так как, будучи в большой

моде во времена короля Ричарда, глевлот уже успел выйти из употребления, и молодые рыцари только слышали о нем. Граф Альбан, конечно, хорошо владел этим оружием, а Майлзу оно было в диковинку, он не знал, как им пользоваться и в атаке, и в защите.

С принятием последней присяги и проверкой оружия предварительные процедуры подошли к концу, и Майлз услышал крики, призывающие очистить ристалище. Когда все его сопровождающие стали уходить, молодой рыцарь снял свою латную рукавицу и как бы попрощался с Гаскойном сильным дружеским рукопожатием, а бедный Гаскойн с тревогой смотрел на побледневшее лицо своего кумира.

Арена опустела, все ворота с грохотом затворились, и Майлз остался лицом к лицу со своим смертельным врагом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ



Наступила тишина, в которой был слышен каждый шорох. Констебль занял отведенное ему место ступенькой ниже королевского трона. Тут и вовсе все стихло, и тогда король наклонился вперед и что-то сказал констеблю, который тут же громко троекратно повторил команду, призыва-

ющую к началу боя. Она заканчивалась словами: «Да рассудит вас Бог!»

После этих слов противники, каждый из которых до сего момента сидел неподвижно, как железная статуя, натянули поводья и осторожно двинулись вперед, без спешки, но и без колебаний, пока не встретились в самой середине арены.

В схватке, которая за этим последовала, Майлз бился длинным мечом, а граф глевлотом. Какое-то время не было слышно ничего, кроме лязга металла и громовых ударов, ритм которых то учащался, то несколько стихал. Временами, когда бойцы сшибались, останавливались, поворачивались и разъезжались, поднятое ими облако пыли на мгновение скрывало их, покуда ее не относил ветер. Вновь и вновь всадники пришпоривали коней, сближались, бились, разворачивались и снова бились.

На трибуне было спокойно, хотя до Майлза доносился неясный гул возгласов и рукоплесканий. Рукоплескали в основном друзья Майлза, так как с самого начала его преимущество над более старым противником было очевидно.

— Эх! Хороший удар! Славно парировал!

— Смотри!.. Надо было мечом!

— Вон как отскочил!

Иногда даже скандировали:

— Фол-ворт! Фол-ворт! — когда Майлзу удавался красивый удар или маневр.

Отец Майлза сидел, напрягая незрячие глаза, словно желая рассеять мрак и хотя бы на миг увидеть, как сражается его мальчик, а лорд Хаус склонился к уху слепого старика и описывал ему ход боя.

— Не бойся, Гилберт, — говорил он, когда противники разъезжались, — он держится молодцом.

А потом даже добавил:

— Господь благоволит к нам, Гилберт. Альбан дважды ранен, а его лошадь вся в пене. Еще немного, и победа за нами!

Началась наиболее продолжительная схватка, во время которой Майлз обрушил на соперника град беспощадных ударов. Граф отчаянно защищался, но вынужден был отступать все дальше и дальше. Нервы зрителей были напряжены до предела, и многие перевели дыхание, лишь когда Майлз, почти загнав врага за ограждение, остановился и отъехал.

— Проклятье! — воскликнул граф Хаус в крайнем возбуждении, когда наступило внезапное

затишье. — Какого черта он опять щадит его? Уже трижды позволял ему оправиться! Ведь мог бы уж совсем загнать его в угол!

Граф не преувеличивал: Майлз трижды миловал своего противника, когда победа была почти у него в руках. Он трижды пощадил его, несмотря на то, что отлично понимал, какой бедой для близких грозило его поражение. Он высказывал совершенно неуместное благородство, а, может, дал волю юношеской браваде, но скорее всего сказались плоды романтического воспитания на искусственных традициях французского рыцарства. Он чувствовал себя хозяином положения и дал своему противнику эти три шанса, поступив на манер какого-нибудь шевалье или странствующего рыцаря из французских романов, вместо того, чтобы быстро и без особой жестокости завершить бой. Это неразумное благородство дорого ему стоило.

В момент той самой передышки, которая так возмутила лорда Хауса, граф Альбан осадил свою взмыленную лошадь и занял позицию шагах в одиннадцати от своего грозного молодого врага. Он был, как сказал граф Хаус, дважды ранен и каждый раз острием меча, что было значительно опасней, чем рубленая рана. Первый раз меч

вонзился чуть ниже кирасы, и это могло быть очень серьезной колотой раной. Другое ранение пришлось в плечо, в стык лат, из которого лилась струя крови толщиной с палец, заливая бок доспеха и стекая на попону. Со стороны граф казался спокойным, неподвижным монументом, и трудно было догадаться, какая ярость клокотала у него в груди.

Когда Майлз смотрел на неподвижную, истекающую кровью фигуру, в его душе шевельнулась жалость.

— Милорд, — сказал он, — вы тяжело ранены, бой обернулся против вас. Вы не желаете признать себя побежденным?

Никто, кроме соперника, не слышал эту речь, и никто, кроме Майлза, не услышал в ответ глухой голос:

— Нет, пес! Никогда!

И тут в мгновение ока граф пришпорил лошадь, она безумно рванулась вперед, и на Майлза обрушился последний отчаянный удар, в который его соперник вложил всю силу ненависти и бешеной ярости. Майлз резко осадил лошадь, успев прикрыться щитом. Клинок отскочил от его гладкой поверхности и, почти не теряя силы удара, опустился на шею коня. Лошадь качнулась вперед, у

нее подломились передние ноги, и в то же мгновение обе лошади столкнулись. Оглушенный и раненый конь Майлза был опрокинут. Во время падения Майлз вырвал одну ногу из стремени, другую же не удалось, и он во весь рост рухнул на землю, громыхнув тяжелыми латами. За завесой пыли никто толком не видел, что происходит, но в том, что дело нечистое, никто не сомневался. Граф чуть подался назад и тут же направил коня прямо на распростертое тело Майлза. Альбан вновь заставил коня попятиться, чтобы раздавить копытами лежащего на земле противника, как когда-то топтал он тело его отца в Йорке.

Майлз видел, что именно замыслил его враг, но не мог защитить себя. Упавший в полном вооружении рыцарь почти бессилен самостоятельно подняться, Майлз лежал в тисках того самого железа, которое было его защитой. Он невольно закрыл глаза, и тут на него надвинулась лошадь. Снова оглушительные удары копыт, выбивающие искры из лат, мгновения беспамятства, опять удары копыт, короткое затишье и глухой шум в ушах.

Трибуны напоминали растревоженный улей, только король сидел со спокойным и безразличным видом. Граф повернул свою лошадь и

остановился, глядя на короля, словно сверяясь с его мыслями. Все понимали, что Майлз повержен подлым, нечестным ударом, но король и не думал вмешиваться. Он желал смерти Майлза.

Тогда граф снова пришпорил лошадь и направил ее на своего распростертого врага. Открыв глаза, Майлз увидел над собой неясные очертания всадника, взмахнувшего глевлотом для нанесения последнего, смертельного удара, безжалостного и неминуемого.

Вид замахнувшегося врага мигом вернул Майлза к действительности. Он поднял свой щит и отразил этот удар. Это лишь оттянуло конец.

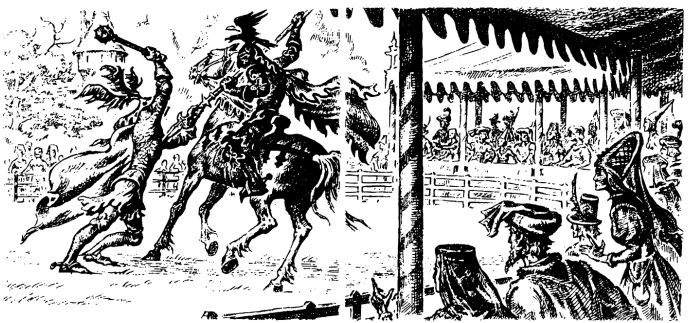
Еще раз граф Альбан поднял свой глевлот и дважды взмахнул им над головой. На этот раз щит только смягчил удар, который поразил плечо, пробив стальную пластину, кожаную куртку и задев кость. Майлз прикрыл голову щитом в последней надежде защитить свою жизнь.

В третий раз граф взмахнул своим блеснувшим оружием и обрушил его прямо на беззащитное тело, целя ниже левого плеча и глубоко пробив латы. Острие на какой-то миг застряло в них, и этот миг стал спасительным. Приняв удар, Майлз издал сдавленный крик и почти инстинктивно ухватился обеими руками за древко оружия.

Если бы граф выпустил его, он бы выиграл бой не спеша и очень легко. Он же начал яростно вырывать из рук Майлза свой глевлот. В этой короткой жестокой борьбе Майлз поднялся на колени, а затем, все еще держась одной рукой за оружие, другой вцепился в сбрую графской лошади. Через секунду он был уже на ногах. Его враг изо всех сил старался оттолкнуть его, но Майлз, отпустив глевлот, обеими руками схватил его за ремни портупеи и потянул их на себя со всей силой отчаяния. Напрасно граф старался сбросить противника, колотя его древком своего оружия, напрасно он пришпоривал свою лошадь, стараясь заставить ее пятиться и стряхнуть его, Майлз вцепился мертвой хваткой.

Он не чувствовал ни струившейся крови, ни острой боли: вся его воля и мощь тренированного тела были сконцентрированы в одном усилии. Едва ли он отдавал себе отчет в своих действиях, когда, словно движимый слепым инстинктом, схватил тяжелую, утыканную шипами палицу, которая висела на луке седла графа, с невероятной силой рванул ее на себя и плетеный кожаный ремешок лопнул, как бечевка. И тут же, оскалив зубы, он ударил с такой яростью, как никогда не бил раньше. Еще и еще раз. Он буквально коре-

жил железо. И когда граф уже заваливался на бок, обрушил последний удар. Стальное забрало прогнулось и отлетело, как щепка. Перед лицом Майлза мелькнуло искаженное ужасом лицо, и седло опустело.



Майлз стоял, тяжело дыша и держась за сбрую чужой лошади; глаза застлала багровая пелена, он чувствовал, как горячая кровь растекается под стальной оболочкой лат. Сквозь красноватое марево к нему приблизились фигуры распорядителя поединка и еще каких-то людей. Его спрашивали,

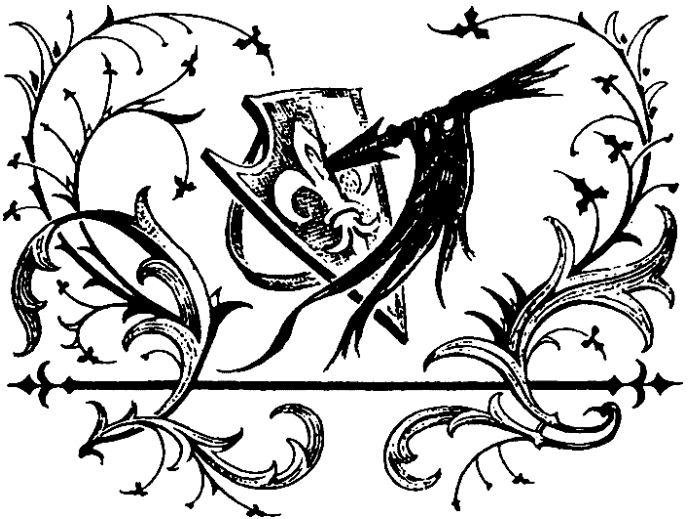
насколько серьезно он ранен, Майлз не отвечал. Тогда один из всадников спрыгнул с коня, подошел к Майлзу, поднял забрало его шлема, и все увидели почти безжизненные глаза и восковое лицо, усеянное крупными каплями пота.

— Воды! Воды! — хрипло крикнул он. — Дайте пить!

Потом оттолкнувшись от лошади, он, как слепой, побрел к воротам. Ему показалось, что какая-то тень окутала его, тисками сжав сердце.

— Это смерть, — прошептал он, замедляя шаг, потом покачнулся и, звеня доспехами, рухнул наземь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ



Но смерть прошла стороной. Хотя его мертвенное лицо и падение на пути через ристалище многих навели на самую страшную мысль. Однако причина его беспамятства заключалась скорее в обильном кровотечении и крайнем утомлении, чем в опасности самих ран. И в самом деле,

после того, как Майлза принесли с ристалища и положили на землю в тени забора, мастер Томас, цирюльник-хирург принца, осмотрев раны, объявил, что его можно даже без особого риска перенести в крытых носилках в Скотленд-Ярд. Принц очень хотел оставить его под своей опекой, и поэтому Майлза перенесли в Скотленд-Ярд, не причинив ему вреда.

Принц, граф Хаус и несколько джентльменов стояли у его кровати, наблюдая за тем, как лекарь с помощью своего ученика и Гаскойна обрабатывает зияющую в боку рану и перевязывает ее льняными бинтами. Наконец Майлз открыл свои потускневшие глаза и остановился взглядом на принце.

— Что сталось с моим отцом, милорд? — едва слышно произнес он.

— Ты спас его жизнь и честь, Майлз, — ответил принц. — Он сейчас здесь, а за твоей матерью уже послали, она скоро придет вместе со священником, который был с нами сегодня утром.

Майлз снова опустил веки, его губы безмолвно шевелились, а по щеке покатилась слеза.

— Он заставил меня расчувствоваться, как женщину, — прошептал принц сквозь зубы и, повернувшись на каблуках, уставился в откры-

тое окно.

— Можно мне увидеть отца? — спросил наконец Майлз, не открывая глаз.

Принц вопросительно посмотрел на хирурга.

Добрый малый покачал головой.

— Не сегодня, — сказал он, — подождем хотя бы до завтра. Мы только что остановили кровотечение, а при виде родителей у него так разойдется сердце, что могут открыться раны. Нужен полный покой.

Раны Майлза не были смертельны, но заживали очень долго. Лихорадка длилась дольше, чем обычно, может быть, из-за жаркой погоды, и дни болезни тянулись мучительно. И он потерял им счет, лежа в постели под присмотром матери, Гаскойна, отца Эдуарда, а иногда и сэра Джемса Ли.

Однажды, незадолго до того, как добрый священник отбыл в аббатство Пресвятой Девы Марии, он присел рядом с Майлзом, погрузившись в раздумья, и вдруг услышал вопрос:

— Скажите мне, святой отец, убивать человека — это всегда тяжкий грех?

Добрый священник долго не отвечал, и Майлз даже подумал, что преподобный отец не услышал его. Наконец, глубоко вздохнув, священник ответил:

— Трудный вопрос, сын мой, но по правде сказать, я думаю, это не всегда грех.

— Сэр, — сказал Майлз, — я был в битвах, где гибло множество людей, но тогда я не думал об этом. Но совершил ли я грех, убив врага моего отца?

— Нет, — спокойно ответил отец Эдуард, — ты не согрешил. Ты дрался за других, сын мой, а это прощается. Будь это твои счеты, мне было бы труднее ответить тебе.

Однажды навестить Майлза пришел граф Хаус, дело шло уже на поправку, и Майлз сидел, откинувшись на подушки и закутавшись в плащ сэра Джемса, так как день был холодным. Наговорившись, оба умолкли. И вдруг Майлз спросил:

— Милорд, вы помните одну мою просьбу? Я высказал ее, как только вернулся из Франции?

Граф не стал притворяться забывчивым.

— Помню, — спокойно сказал он.

— Теперь я имею право просить руки леди Элис де Моубрэй? — спросил Майлз, и его бледное лицо чуть порозовело.

— Ты завоевал это право, — с улыбкой ответил граф.

Глаза Майлза светились, а губы дрожали от внезапной радости, но он был еще очень слаб.

— Милорд, — сказал он наконец, — похоже, вы пришли сюда по этому самому делу?

Граф снова улыбнулся, ничего не ответил, и Майлз понял, что не ошибся. Он выпростал из-под плаща слабую бледную руку, граф Хаус пожал ее, затем поднялся и, словно устыдившись своих чувств, сделал вид, что замерз, и отошел к камину, где ярко пылал огонь.

Наш рассказ подошел к концу, осталось лишь связать несколько пропущенных нитей повествования, и история будет завершена.

Несмотря на то, что лорд Фолворт избежал расправы и честь его была спасена, он жил все в той же бедности, как и раньше. Король, вопреки всем доводам большинства приближенных, отказался восстановить его в прежних владениях и вернуть Фолворт и Истенбридж. Последний после смерти графа Альбана безвозвратно отошел короне, как земли, которые были конфискованы не по причине измены, а потому, что лорд Фолворт отказался тогда предстать перед судом. Так эта тяжба тянулась месяц за месяцем, пока в январе короля не настигла смерть в Иерусалимской палате Вестминстера. После этого дела пошли достаточно гладко, и Фолворты, и Хаусы оказались на гребне одной волны.

Майлз женился. А как же иначе могла закончиться эта история? Наконец он привез свою красивую и молодую жену в замок Фолворт, который его отец отдал ему во владение. И во дворе его встретили сэр Джемс Ли и недавно посвященный в рыцари Гаскойн.

И вот однажды, вскоре после возвращения, стоя у открытого окна под теплыми струями майского ветерка, Майлз вдруг спросил у Элис:

— Что ты подумала обо мне, когда я, можно сказать, свалился вам на голову, как яблоко в саду?

— Я подумала, что ты замечательный, добросердечный юноша, каким, надеюсь, и остался, — ответила она, гладя его крепкую ладонь.

— А каким неуклюжим я, должно быть, тебе показался, когда так неловко просил у тебя талисман для турнира в Дельвене?

— Ты казался мне самым благородным и красивым молодым рыцарем на свете. Ты мне казался бесстрашным сэром Галаадом. И не только мне.

Можно только порадоваться за Майлза, что после всех страшных испытаний он был вознагражден богатством, счастьем и любовью дамы, которой столь достойно служил.

Рисунки
П. Парамонова

ISBN 5-88215-725-0